

Дэвид Дрейк Джанет Моррис

Мишень

Сэм Йетс – 2

by HarryFan

«Индекс убийства»: Армада; Москва; 1995

Дэвид Дрейк, Джанет Моррис

Мишень

(Сэм Йетс – 2)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖОЙ

1. ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА

Взрыв риллианской торпеды за командным отсеком заглушил крики оставшихся в живых на мостике «Кир Стара». Позже, уже находясь в спасательной капсуле, Шеннон, прокручивая пленку с записью полета, пытался разобраться, что произошло.

Это было нелегко сделать. Первая торпеда застала команду врасплох, когда «Кир Стар» выскочил из Провала в нормальное пространство-время. Половина команды и груз превратились в пар после взрыва торпеды с антивеществом. Антимолекулы прорвались сквозь переборки, аннигилируя все на своем пути. Вспыхнуло пламя. Оно было зеленым, голубым и ослепительно белым. Кластерное оружие риллиан было специально сконструировано для существ, дышащих кислородом. Когда нормальное пространство-время искажалось после первоначального взрыва, между семью дополнительными измерениями возникали энергетические потенциалы, замыкающиеся на глюонах. Последствия были катастрофическими для «Кир Стара».

Но самое худшее было впереди. Если Шеннону удастся добраться до дома или передать сообщение, весть о том, что риллиане атаковали безоружный дипломатический корабль, потрясет все Сообщество Кири. Может начаться война, несмотря на подавляющее превосходство врага в огневой мощи.

Риллианские торпеды в буквальном смысле разрывали пространство. Миссия «Кир Стара» состояла в переговорах как раз по этому вопросу. Все члены команды являлись добровольцами, потому что дело было небезопасное; но никто не ожидал ничем не спровоцированного нападения на невооруженный корабль Сообщества, который передавал дипломатические позывные по всем частотам. «Кир Стару» нечем было ответить, более того, он был уже мертв, а все его системы разрушены еще до того, как включился сигнал тревоги.

Шеннон снова перемотал запись на начало. Он видел ее уже четырнадцать раз. Ему надо было понять, что произошло, чтобы пережить шок, горечь поражения, скорбь по погибшим товарищам. Что он мог еще сделать? Как не думать об аномальных показаниях приборов и незнакомых звездах на обзорных экранах?

Лучше не гадать, где он находится... Или как он сюда попал... Или что теперь делать. Взрывчатка риллиан пробивала отверстия в пространстве-времени. Капсула Шеннона была подхвачена взрывной волной и заброшена... куда?

Бортовой астронавигатор не мог сориентироваться по окружающим звездам. Они не были обозначены ни на одной карте. На радиочастотах – ни одного маяка. Шеннон понимает,

что он где-то далеко от Провала, от угрозы Риллиона и от Сообщества Кири, напрасно пытающегося использовать здравый смысл против огневой мощи.

Каждый член команды «Кир Стара» был дорог ему, был его другом или другом его друга. Это он собрал их всех вместе – лучших специалистов Сообщества по ведению переговоров. Все они были близки ему. Двенадцать цивилизаций входило в Сообщество, и все мелкие недоразумения сразу забылись перед лицом риллианской угрозы.

– Сообществу Кири, – говорил он в своей прощальной речи, обнимая одной рукой жену, а другой – сына, – со стороны воинственных риллиан брошен самый серьезный вызов за всю историю его существования.

Журналисты беспокойно зашептались о чем-то. Шеннон твердо сказал, обращаясь в основном к политикам, собравшимся в зале Сообщества:

– Сообщество Кири не может сражаться с риллианами на их условиях.

Механизм действия оружия чужаков пока не был до конца разгадан учеными Сообщества. Кроме того, многие сомневались, правомерно ли вообще создавать и использовать такое оружие. Деструкторы планет, разрушители пространства, кластерные бомбы, создающие новые измерения, – все это было запрещено договорами и соглашениями, благодаря которым Сообщество приобрело статус межзвездного миротворца.

Шеннон яростно потрянул головой, пытаясь избавиться от мыслей о ближайшем будущем. Капсула могла лишь поддерживать жизнь какое-то (очень недолгое!) время. Надо найти какую-нибудь гавань, аванпост Сообщества, колонизированную планету или хотя бы грузовой корабль – любое место, где есть кислород и можно дышать. Еще бы неплохо иметь возможность послать сообщение через одиннадцатимерное пространство по аварийной частоте...

Именно для этого Провидение оставило его в живых, другой причины он не находил. Нужно послать предупреждение!

Если риллиане обнаглели настолько, что не постеснялись уничтожить безоружный корабль, это могло значить только одно – они собираются напасть на все Сообщество Кири. «Кир Стар», наверное, попал под огонь одной из наступающих флотилий. Иначе зачем бы они сожгли корабль. Риллиане хорошо понимали ценность заложников. На этот раз не было ни требования о сдаче, ни захвата, ни зверских допросов...

Все добровольцы на борту «Кир Стара» были готовы к плену. У каждого были две ампулы: одна с ядом, а другая с разрушителем памяти. У его жены Терри тоже были ампулы.

Он прикрыл рукой глаза... Терри... Терри всегда верила, что вселенная дала жизнь и разум ее детям для какой-то высокой, неведомой цели. Она говорила, что жизнь – это дар, и ее надо защищать, поддерживать и улучшать. Глупо, но он вспомнил ее шестипалые ноги... и она весело говорит ему: это ничего, что им пришлось усыновить ребенка, главное – чтобы всем было хорошо, всем разумным существам. Когда-нибудь к Сообществу присоединятся другие, и...

Осталась ли она в живых после того, как испарился командный отсек? Может быть, она была в это время на корме? Ему нужно было это знать. С тех пор как Шеннон пришел в сознание, он снова и снова просматривал запись гибели «Кир Стара».

Чтобы не сойти с ума, он должен быть уверен, что она погибла в первые секунды нападения, иначе бы получилось, что он бросил жену, а она умирала в муках, шепча его имя...

Шеннон яростно ударил кулаком по панели управления капсулой. «Черный ящик» «Кир Стара» был готов к новому воспроизведению. Запись содержала не только данные об атаке, но и информацию о благородной миротворческой миссии у риллианской границы. Миссии, возглавляемой жалким неудачником по имени Шеннон.

«Риллианская межзвездная оборонительная армада еще может быть остановлена, – твердил он себе, – если только удастся послать предупреждение, сообщить домой, что произошло с» Кир Старом «, когда он вынырнул из Провала».

Огни на панели управления заметно потускнели, и Шеннон похолодел от страха.

Заканчивается энергия! Многократные прокрутки записи потребляют ее слишком много!

Надо успокоиться. Ему нельзя погибать, иначе «Кир Стар» сочтут пропавшим без вести в результате несчастного случая. Сообщество должно прекратить бесконечные споры и дебаты и готовиться к войне с безжалостным врагом.

Но для этого надо послать сообщение. Для этого надо выжить. Шеннон решительно отключил запись. Теперь энергию потреблял только его радиомаяк.

Надо раз и навсегда понять: его жена погибла, а он спасся. Годы тренировок в чрезвычайных ситуациях сделали свое дело плюс его потрясающее везение – в момент взрыва Шеннон оказался в тридцати метрах от блока спасательных капсул.

Он снова прикрыл глаза, пытаясь не видеть красное и желтое пламя, пожирающее мечущиеся фигурки...

Он заснул, так и не сняв мизинец с кнопки включения аварийного сигнала, который разносил весть о гибели корабля среди незнакомых звезд...

Когда Шеннон проснулся, маяк уже отключился – кончилась энергия, а на панели горели индикаторы аварийной посадки, на дисплее было предупреждение, что ближайшая по курсу малая планета лишена атмосферы.

Шеннон сделал все по инструкции: надел скафандр, включил автономную систему жизнеобеспечения, обнял колени руками, скрючившись в кресле, – положение для аварийной посадки.

Ожидая удара, он скосил глаза вбок и увидел, что индикатор радиомаяка горел теперь не красным, а желтым светом; это значило, что сообщение кем-то принято.

Шеннон подумал: «Я могу умереть в мире». Потом он подумал: «А кто принял сообщение?»

Теперь надо было постараться выжить. Он мысленно перебрал инструменты, находящиеся в кабине, их можно будет использовать, если люк заклинит.

Шеннон знал, что, если бы сообщение было принято на одной из колоний Кири или на корабле Сообщества, загорелся бы зеленый, а не желтый индикатор. Желтый цвет означал, что неподалеку находится колония какой-то цивилизации, обладающей космическим приемником, или (что было лучше) сигнал попал на кирианскую автоматическую релейную станцию.

Спутник неизвестной планеты, в который должна была врезаться капсула, был обитаем, несмотря на отсутствие атмосферы. Может, сигнал был принят аборигенами, кем бы они там ни были?

Оповещательная система капсулы тоже не знала, кем были аборигены, на экране светилось лишь несколько строчек, указывающих, что они дышат кислородной смесью и обитают под поверхностью спутника и на планете, вокруг которой он вращается.

До посадки оставалось несколько мгновений. Шеннон едва успел засечь координаты ближайшей обитаемой конструкции и расстояние до нее от места предполагаемой посадки.

Потом твердь поглотила его, выбила воздух из легких, смяла обшивку кабины... Наступила тьма...

Умирающие системы капсулы последним усилием нарастили новый кокон вокруг кабины и бесчувственного пилота, а затем оставшееся топливо вспыхнуло холодным голубым пламенем, взметнувшись к безмолвным звездам пыль, словно в поверхность спутника планеты врезался метеорит.

2. КАНЦЕЛЯРСКАЯ РАБОТА

Сэм Йетс положил ноги в ботинках на письменный стол, устало прикрыл ладонью лицо и, тяжело вздохнув, сказал в интерком:

– Ты не можешь повторить это еще раз, Гейтвуд? Медленно и как-нибудь попроще.

До того как раздался телефонный звонок, испортивший все утро, Йетс, развалившись, сидел в кресле и представлял себе, что еще спит. Ему приходилось без усталости тереть глаза,

чтобы не дать им снова закрыться. Сложные предложения, идущие из динамика, не проникали в его отказывающийся работать мозг.

Гейтвуд говорил из гаража, принадлежащего визово-эмиграционному отделу, его голос звучал угрюмо:

– Повторяю еще раз, комиссар. Здесь у нас человек без документов, рассказывает какую-то чушь, я едва понимаю его диалект. Он отказывается снять свой скафандр. Такого еще не бывало! Мне кажется, вам следует разобраться с этим на месте.

– А где инспектор Есилькова? Почему бы ей не взглянуть на этого парня? – Йетс и сам понимал, что это звучит глупо, но он имеет на это право, черт возьми! На нем и так висят эти марсианские наблюдатели, не хватало только сумасшедшего без документов. Есилькова заняла его пост, когда он продвинулся сразу на два чина, перескочив через одну ступеньку, став комиссаром Безопасности Штаб-квартиры ООН на Луне.

– Видите ли, сэр, Есилькова работает в другую смену. Сейчас она спит.

– Но должен же кто-то быть вместо нее... – Йетс был готов сорваться. Он сбросил ноги на пол и уселся, опершись локтями о стол. – Придется мне поговорить с ней. Кстати, что там сказал вам этот парень? Вы удостоверились, что он не самоубийца, таскающий под своим смешным скафандром пару гранат?

– Нет у него никаких гранат. Он говорит, он потерпел аварию недалеко от нас. И еще он хочет, чтобы ему предоставили дипломатический иммунитет, по крайней мере, если я его правильно понял. Все-таки вам надо посмотреть на него лично, комиссар.

– Вы уже говорили это один раз, Гейтвуд. Если вам так кажется, тащите его сюда. Dixon. – И Йетс отключился.

Вместе с новой должностью Йетс приобрел секретаршу с бесконечно длинными ногами. Он позвонил ей:

– Найдите инспектора Есилькову и сообщите ей, что ее присутствие требуется немедленно. В моем кабинете. Код срочности – желтый, пять.

Не важно, с кем она там валяется в постели, желтый код вытащит ее оттуда. Пятерка означала, что никаких вопросов задавать нельзя – нужно выполнять приказ, и все тут.

Чувствуя себя еще хуже, Йетс встал и принялся ходить взад-вперед по кабинету, протаптывая дорожку в ковре. Если человек спас от уничтожения искусственным вирусом пару цветных рас, что ему полагается в награду? Деньги и перевод обратно на Землю? Как бы не так! Его посадят на собачью работу, где единственным ценным приобретением будет язва и холестерин, закупоривающий артерии.

Официальные обеды, которые приходилось посещать, не способствовали уменьшению веса. Что уж тут говорить о нервах! По крайней мере, когда Сэм был просто инспектором Безопасности, по утрам он вылезал из постели и знал, что его ждет не только море бумажной работы.

Он ненавидел свою должность. Черный деловой костюм жал под мышками, а жесткий воротничок натирал шею. Если бы не бывшая жена Сесиль, на которую Сэм боялся нарваться, он бы нашел способы перевестись обратно на Землю.

Теперь, когда он продвинулся по службе, Сесиль многое бы отдала, чтобы восстановить их прежние отношения. Каждый раз, когда Сэм сидел в банкетном зале, беспомощно разглядывая шесть ложек и три вилки рядом со своей тарелкой, от этой мысли ему становилось немного легче.

Во время марсианской экспедиции Луна превратилась в наблюдательную площадку для десятков весьма важных персон, поэтому Сэм все больше завидовал Гейтвуду, который ставил печати на паспорта, ни о чем не думал и жил припеваючи.

Или Есильковой, которая заняла его прежнее место после того, как они вдвоем неплохо поработали, избавив мир от нескольких высокопоставленных негодяев. Это было давно, и Йетс тогда был инспектором Безопасности, а Есилькова – патрульным офицером...

А теперь, когда нет ни времени, ни желания возиться с этим свалившимся на голову сумасшедшим, Есилькова, видите ли, перешла в другую смену!

Ладно, придется марсианским наблюдателям подождать. Йетс злорадно усмехнулся. Теперь у него есть оправдание, и Гейтвуд это подтвердит.

Он искренне ненавидел обязанности списка А (неотложные), тем более что ему теперь самому приходилось их составлять. Сегодня Сэму надо было присутствовать на официальном обеде, его пригласил сам вице-секретарь отдела науки и технологии, некто Тейлор Маклеод, весьма аристократичный зануда, любовник Элеонор Бредли. Вернее, ее жених, поправил себя Сэм. Элла Бредли относилась к прошлому, далекому прошлому, но он продолжал думать о ней, словно еще продолжал спать с ней.

Сейчас это можно было делать с Есильковой, если их смены совпадали. Это было неплохо. По сути дела, единственным преимуществом его новой должности было то, что Сэм мог всех контролировать, и та же Есилькова находилась в его полной власти. Больше ничего хорошего в должности комиссара не было.

Йетс продолжал бесцельно расхаживать по кабинету. Скоро Гейтвуд должен привести Неопознанную Личность, черт бы их обоих побрал!

У Сэма был большой, по лунным стандартам, кабинет – четырнадцать квадратных метров. Много места занимал диван, который часто использовался, и стереопередатчик – голотанк. Исфahanский ковер на полу был подарком от какого-то иранца предыдущему владельцу кабинета. Уходя с должности, подарки посетителей надо было оставлять на работе, согласно инструкции. Все, что стоило дороже зубочистки, объявлялось собственностью ООН и оприходовалось.

Друзья Сони Есильковой подарили ему пистолет Токарева (середина двадцатого века!) с надписью: «За заслуги в деле сохранения мира и взаимопонимания». По сути дела, подарок был от советских властей. То, что выбор пал на пистолет, было, несомненно, Сониной идеей. Она хорошо знала, что понравится Сэму Йетсу.

Видимо, Советы были чертовски рады, что биооружие не уничтожило миллионы неевропейцев, живущих на их территории.

Весь мир был ему благодарен, а что он получил за это? Идиотскую должность!

Когда наконец явился Гейтвуд, Йетс уже успел позабыть, что сам позвал его. Началась утренняя вакханалия приказов и циркуляров, которые не могли быть доверены секретарше. Факс бесконечной лентой выплевывал их один за другим – все с пометками: «НЕ КОПИРОВАТЬ, ПО ПРОЧТЕНИИ УНИЧТОЖИТЬ».

Но никакая бумажка не могла испортить настроение Йетсу больше, чем сегодняшний обед с Эллой Бредли, и он поклялся себе сделать все возможное, чтобы раздуть сегодняшнее появление человека без документов в серьезное происшествие, которое можно будет использовать в качестве предлога, чтобы никуда не ходить.

– Впусти его, Салли, – буркнул Йетс в интерком, обращаясь к своей длинноногой секретарше, бдительно несущей службу снаружи, за дверью его кабинета.

– Сэр, мистер Гейтвуд не один, тут еще...

Громкий сигнал телефона заглушил конец предложения.

– Ах да! Я забыл! Впусти их.

Не дрожал ли у Салли голос? Или это была ее обычная сексуальная манера говорить с придыханием и аффектациями, на которую Йетс из последних сил пытался не обращать внимания. Она досталась ему в наследство вместе с кабинетом, но ее папаша был конгрессмен, поэтому можно было любоваться, но нельзя потрогать.

«Где же проклятая Есилькова?!» Йетс моментально разозлился от этой мысли и приказал Салли немедленно выяснить.

Тут в кабинет вошел Гейтвуд, сопровождавший незнакомца, и Йетс моментально забыл обо всем остальном.

Дверь скрипнула, закрываясь за вошедшими. Гейтвуд был бледен как привидение, примерно такого же цвета, как и странный скафандр незнакомца. Йетс хотел было встать и приветствовать их рукопожатием, но передумал.

Голос Гейтвуда прозвучал слишком громко в наступившей тишине:

– Комиссар Йетс, познакомьтесь с Шен Оном... – Гейтвуд замялся, не зная, что делать дальше.

– Откуда он? – пришел ему на помощь Йетс.

Он знал все современные типы скафандров: для высокого давления, для работы в вакууме, для пилотов, но этот высокий парень (на полголовы выше самого Сэма) был одет во что-то совершенно невообразимое. Какие-то странные пластины на шлеме... Кислородные баллоны и шланги тоже необычные. На груди прикреплена какая-то решетка с маленькой клавишей.

– Откуда? – переспросил незнакомец странным металлическим голосом, словно говорил через динамик.

– Ладно, присаживайтесь, – вздохнул Сэм, игнорируя умоляющий взгляд Гейтвуда. Гейтвуд с расстроенным лицом направился к одному из обитых кожей стульев, специально предназначенных для посетителей, но оглянулся и остановился на полшаге. Фигура в скафандре неподвижно стояла в центре кабинета.

Потом чужак коснулся пальцем решетки на груди. Оставалось только надеяться, что шутка насчет гранат в скафандре не окажется пророческой.

«Чужак – вот подходящее слово», – подумал Сэм, уставившись на шестипалую руку в скафандровой перчатке.

– Сэр, – волнуясь, сказал Гейтвуд, – кажется, он не понимает, что значит «присаживайтесь».

– Так сядьте и покажите это ему на своем примере, – разозлился Йетс. Если все происходящее было шуткой – это одно, но если это – имитация внештатной ситуации, задуманная Маклеодом, которого Сэм никак не мог назвать своим другом, то скоро полетят чьи-то головы.

Гейтвуд уселся. Человек в скафандре медленно повернул голову в шлеме, следя за его движениями. Гейтвуд пододвинул стул.

Чужак по-прежнему не отнимал руки от клавиши. Йетс ощутил сильнейшее желание снять пистолет со стены. Немного поколебавшись, он так и сделал.

– Шан Ан, садитесь, и мы будем говорить.

– Говорить, – повторил загробный голос из решетки.

Йетс проклинал себя, что вовремя не перешел в другую смену, как Есилькова. Он набрал на компьютере сообщение для Салли: «Найти немедленно Есилькову. Вызвать шестерых охранников помассивнее, вооруженных, пусть стоят под моей дверью. Включить запись. НЕМЕДЛЕННО!»

Господи, как отвратительно выглядят шестипалые руки!

– Сядь, – Йетс махнул в сторону пустого стула.

– Сядь, – повторил человек в скафандре и неуклюже шагнул вперед, ударившись коленом о стул.

Человеческие ноги сгибаются примерно одинаково. Чужак посмотрел на Гейтвуда, который сидел, положив ногу на ногу, и, видимо, решил использовать его как образец. Он неловко сел и тоже положил правую ногу на левую, ни в чем не уступая теперь своему учителю.

Гейтвуд закатил глаза и сказал:

– Надеюсь, мистер Ан расскажет вам то, что рассказал мне.

– Вы уверены, что его фамилия Ан, а не Шан? – спросил Йетс. Человек в скафандре молчал. Китаец или японец? Такого роста? Впрочем, как знать, что там под скафандром...

– Шен-нон, – раздалось из-под решетки.

– Мистер Шеннон, расскажите, что с вами случилось, – Йетс немедленно отреагировал на первые признаки понимания. – Чем мы можем помочь вам?

– Помочь.

Гейтвуд тряхнул головой.

– Я же говорил, что у него какой-то странный диалект. Шан Ун, расскажите комиссару

то, что рассказали мне. Ну, что ваш корабль потерпел аварию и вам нужно убежище...

– Авария. Убе-жж-ище, – повторил человек в скафандре и кивнул головой, вернее, шлемом. – Комиссар. Помочь.

– Для того чтобы помочь вам, Шеннон, нам надо доверять друг другу. Откуда вы? – Йетс говорил медленно и отчетливо, машинально повышая голос.

– Кири. Помочь Кири. Доверять мне. Доверять вам.

– Шеннон, снимите ваш дурацкий шлем, – потребовал Йетс, снова начиная раздражаться. Шутка зашла слишком далеко, пора положить этому конец. – Гейтвуд, если вы ведете какую-либо игру...

– Нет, сэр. Я проверил. То есть я хочу сказать...

– Что вы могли проверить? – Йетс собирался задать Гейтвуду взбучку, которую тот давно заслужил.

Шеннон опять что-то мудрил со своей решеткой. Йетс бессознательно поигрывал пистолетом, а Гейтвуд растерянно переводил взгляд с одного на другого, не забывая, однако, оправдываться:

– Я проверил все, что он мне говорил, по крайней мере, как я его понял. На нем было столько кратерной пыли, что засорилось несколько воздушных фильтров, пришлось провести деkontаминацию. Пыль не радиоактивная, нет, соответствует по составу образцу, который мы взяли для проверки. Различные следовые элементы.

– Как это он мог потерпеть аварию, а мы этого не засекли? Что там на радарх, ничего? Кроме того, должна быть сейсмическая встряска от взрыва корабля.

– Была зарегистрирована повышенная сейсмическая активность. Решили, что это был метеорит, врезавшийся в поверхность с большой скоростью. Сообщений о пропавших кораблях не было, поэтому никто не стал разбираться, что в действительности случилось, – выдав такую замечательную речь в свою защиту, Гейтвуд позволил себе криво улыбнуться.

Чужак начал снимать перчатки. Йетс теперь был совершенно уверен, что никогда раньше не видел такого типа скафандра. Даже материал, из которого он был сделан, выглядел необычно.

Когда первая перчатка была снята, Сэм уже не думал о скафандре. Кожа незнакомца имела красно-коричневый цвет, словно он недавно загорал. Гейтвуд едва не бросился к двери, которая как раз в этот момент открылась, и в кабинет заглянул охранник, обозначая свое присутствие.

Сэм махнул ему рукой, чтоб уходил, и сказал Гейтвуду:

– Немедленно сядьте.

Юноша сел с таким выражением лица, как будто его попросили прогуляться голым в вакууме. Он смотрел на руки Шеннона.

Рука без перчатки выглядела так же, как и человеческая, если не считать наличия шести пальцев и перламутровых ногтей.

Йетс почувствовал, как желудок поднимается к горлу. Может, это урод, мутация, генетический эксперимент? Может, он сын космического рабочего, получившего дозу радиации? Или Человечество всю свою историю искало другую разумную жизнь, вернее, любую другую внеземную жизнь, и вот это случилось?!

Шеннон снял другую перчатку, его вторая рука была точно такая же, как и первая. В кабинете Йетса царила тяжелая тишина. Сэм слышал только свое громкое дыхание.

Потом за дверью раздался раздраженный голос Есильковой. Йетс очнулся и сказал в интерком:

– Салли,пусти ее.

Есилькова была не причесана и без формы, щеки ее горели, видимо, она собиралась поднять бунт. Она открыла было рот, но так и не закрыла его, даже когда у нее за спиной захлопнулась дверь. Йетс дистанционно запер замок.

Есилькова отпрянула к стене, и ее рука инстинктивно зашарила у бедра – там, где должна была находиться кобура.

– Инспектор Есилькова, Гейтвуд тут приготовил для нас подарок. Это Шеннон, откуда он, мы не знаем, он говорит, ему нужна наша помощь. Шеннон, познакомьтесь с инспектором Есильковой.

Йетс заметил, что каждый раз, когда кто-нибудь говорил, пришелец нажимал клавишу на скафандре. На этот раз он тоже это сделал, потом как-то не по-человечески извернулся на стуле и сказал почти по-английски:

– Есилькова, Шеннон, который хочет вашей помощи, из Кири, – это слово было незнакомым, – ему нужно знать, где находится он.

Есилькова набрала воздуха в грудь и сказала, тряхнув головой:

– Гейтвуд, вытряхивайся отсюда. Сотри всю информацию об этом происшествии и вообще забудь обо всем. Держи язык за зубами, пока я не разрешу тебе говорить, ясно? Передай это всем, кто видел Шеннона. И мне нужны их имена, понял?

– Понятное дело, инспектор. Я уже уйду. Если комиссар не возражает...

– Он не возражает, правда? – вспыхнула Есилькова, бросив быстрый взгляд на Йетса: ей явно не понравилось, что ее подчиненный обратился к вышестоящему начальнику через ее голову. – Делай как сказано, или переведу на работу в сортир.

Йетс промолчал, хотя считал, что выпускать Гейтвуда из кабинета после всего, что он видел, не стоит.

Есилькова тем временем уселась на освободившийся стул Гейтвуда. Йетс заново запер за ним дверь.

Сэм видел, что, несмотря на уверенный вид, Есильковой немного не по себе от присутствия чужака. Она сказала, не глядя в сторону Шеннона:

– Ну, рассказывай, что действительно произошло.

– Наш друг Шеннон с каждой минутой все лучше говорит по-английски. Мне кажется, у него есть электронный переводчик. Это так, Шеннон?

– Переводчик, – шлем утвердительно качнулся вниз-вверх.

– Мы хотели бы видеть твое лицо, приятель, – заявила Есилькова, постепенно осваиваясь с обстановкой. – Если ты, конечно, можешь дышать нашим воздухом.

– Дышать воздухом, да, – откликнулся Шеннон, держа коричневый палец на клавише скафандра. Он снова кивнул, но шлем не снял.

– Если вы хотите убедить нас, что вы – друг, а не враг, и ничего не скрываете от нас, снимите шлем, – спокойно сказал Йетс, сам удивляясь своему терпению. Если это все-таки шутка или проверка, Маклеоду не поздоровится, он еще пожалеет...

Шеннон положил на грудь свою бронзовую руку.

– Друг. Помоги Кири, друг. Не скрывать. Враг взорвал.

– Кири? – переспросила Есилькова.

– Враг?! – перебил ее Йетс.

Шеннон не снял пальца с клавиши, когда поднес свободную руку к шлему. Йетс, который все еще машинально поглаживал рукоятку пистолета, словно тот был живой, внезапно ощутил приступ тошноты, когда понял, что шлем все-таки будет снят.

Чужак работал уже двумя руками. Он поднял шлем над головой и поставил его на колено, как сделал бы любой землянин-космонавт.

Есилькова вскинула руку ко рту, пытаясь скрыть гримасу отвращения.

Не опуская руки, она спросила:

– Кто вы? Откуда вы явились? Никто не выйдет из этой комнаты, пока мы не получим ответа на эти вопросы. Кто ваши враги, чьи они взорвали? Вам нужно политическое убежище?

Она, не отрываясь, рассматривала лицо пришельца.

Йетс был почти уверен, что это был мужчина, гуманоид, можно сказать, двоюродный брат человечества. Он смотрел на Есилькову, и в его переливающихся глазах быстро пульсировали продолговатые зрачки. Зубы у него тоже были жемчужные, как и ногти, клыки немного вылезали изо рта. Нос имел форму небольшого покато бугорка над ртом. На

верхней губе можно было разглядеть намек на усы. Прямые черные волосы на голове торчали во все стороны как щетка. Череп был не очень похож на человеческий – слишком плоский.

Что это за урод?! Йетс ощутил почти неодолимое желание пристрелить его. Запах от чужака был тоже неприятный: металлический и едкий.

Инопланетянин сказал:

– Политическое убежище да. Я политик. Кири политик. Нужна помощь. Сказать Кири о враге.

– Не нравится мне, что он лопочет о «враге», – шепотом сказала Есилькова, чтобы было слышно только Йетсу.

– Мне тоже, крошка, – пробормотал он в ответ и громко спросил: – Шеннон, твой переводчик переводит тебе наши слова, и ты запоминаешь их, так?

Йетс разглядел провод (по крайней мере, он надеялся, что это не какой-нибудь отросток), идущий от уха внутрь скафандра. Уши пришельца были плотно прижаты к черепу и казались совершенно плоскими. Йетс подумал было, что это самые плоские уши, которые он когда-либо видел, как вдруг они повернулись, как локаторы, реагируя на его слова.

Руки Сэма покрылись гусиной кожей. Перед ним сидел самый настоящий инопланетянин, и Йетс ощущал жгучее желание всадить ему пулю между продолговатых глаз. Все-таки надо взять себя в руки. Ведь именно он, Йетс, должен заниматься такими проблемами: иностранцами без документов, персонами нон грата и пришельцами тоже.

Он громко сказал для записи:

– Есилькова, перед нами настоящий живой пришелец, а пришельцы входят в нашу компетенцию, согласно инструкциям, мандатам и другим бумагам. Мы с вами будем заниматься этой проблемой пока без всяких антропологов, биологов и вообще всяких умников.

– Да, сэр. Никаких дипломатов, академиков, не стоит также беспокоить сотрудников университета, – подмигнула ему Есилькова, прекрасно понимая, что он хотел сказать этим: «Желательно обойтись без Бредли и ее приятелей». – Но очень скоро пойдут слухи. Все захотят увидеть этого засранца – ваши люди, мои, короче, все.

Шеннон на это сказал сам, не прибегая к помощи переводчика, и его голос звучал без металлического оттенка, но менее разборчиво:

– Я дипломат. Кири мой народ. Дипломат-засранец, – и торжественно показал на себя.

Есилькова неприлично и очень громко расхохоталась, и несчастный пришелец опасливо отъехал от нее на своем стуле подальше.

Йетс, пытаясь не ржать (Есилькова смеялась заразительно), положил пистолет обратно на полку и пояснил Шеннону:

– Смех... Снимает напряжение. Юмор – хорошо, признак дружбы.

Есилькова к тому времени настолько пришла в себя, что смогла сообщить Шеннону, вытирая слезы с глаз:

– Все нормально, все нормально. Дружбы, а как же! Мы с тобой лучшие друзья, дурачина. Чего ты дергаешься? Успокойся.

Йетс помог пришельцу вернуть стул на место и еще раз подумал, что Шеннон очень высок и весит, наверное, много.

Но на этот раз Шеннон не пожелал сесть. Он увидел электронные приборы на столе Йетса и захотел рассмотреть их.

– Друг? – Шеннон, кажется, хотел положить шлем на стол. – Хорошо?

– Да ладно, давай, чего там.

Шеннон медленно и осторожно положил свой шлем на стол Йетса, потом отсоединил от скафандра провод, идущий другим концом к уху, и показал его землянам.

– Переводчик, друг.

– А, понятно. – Йетс снял с полки словарь Уэбстера, двести девятое издание, и вручил его Шеннону. Тот принялся перелистывать страницы совсем по-человечески.

– Что думаешь, Есилькова? Мы не разглашаем каких-нибудь секретов?

– Ну, если английский – это великая тайна, то...

Пришелец лихо читал словарь с буквы А. С чем они столкнулись? Более развитый разум? Йетс от души надеялся, что это не так. Он на всякий случай встал поближе к полке, где лежал пистолет. Интересно, не влетит ли ему за то, что он решил разобраться с пришельцем самостоятельно? Как бы то ни было, скоро Шеннона заберут спецслужбы, а тогда ничего не узнаешь. А как интересно, где это Кири, что у них там за враги.

Впрочем, не стоит особо полагаться на его слова. Может быть, Шеннон и есть тот единственный враг, которого надо опасаться. Если это действительно так, то инопланетянин попал по адресу: в Службе Безопасности Штаб-квартиры ООН Йетс был самым большим начальством, а когда речь шла о действительной опасности, то вообще единственным.

Пока Шеннон справлялся с Уэбстером, Йетс жестом спросил Есилькову: «Что делать дальше?»

– Не знаю, черт побери, – ответила она вслух. – Но я хочу разобраться во всем.

– Постараюсь тебе в этом помочь, – хмыкнул Йетс. Какое-то время появление чужака останется тайной. О нем пока знают немногие: Гейтвуд и его коллеги, секретарша и охранники.

Даже если сейсмологи зарегистрировали сотрясение, никто не обратил на него внимания – обычное происшествие. Только потом, когда начнут раскапывать все о корабле пришельца, который может иметь огромное значение для технологии ведущих стран мира, запись сейсмоактивности просмотрят снова.

Все средства наблюдения, имевшиеся в распоряжении лунной колонии ООН: радары, оптика, сейсмоприборы – были рассчитаны на ведение объектов типа земных кораблей или орбитальных станций («Звездного Девона», например). Инопланетные корабли отслеживать еще не умели. Похоже, теперь придется этому учиться.

3. НОВЫЙ МИР, НОВЫЙ ШАНС

Шеннон лежал с закрытыми глазами на кушетке в кабинете Йетса, ожидая, пока принесут пищу. С ним в комнате осталась одна Есилькова, которой почему-то не сиделось на месте, и она бесцельно ходила по кабинету, стараясь не очень шуметь. Шеннон не шевелился, он и не спал, обдумывая все, что узнал только что.

Встреченная им цивилизация находилась на начальной стадии развития, они были опасны, в них наблюдалась склонность к паранойе. Но в них была первобытная смелость и склонность к взаимопомощи, и это нравилось Шеннону.

Они жили не на изрытой метеоритами и вулканической деятельностью поверхности спутника, а под землей. Им постоянно грозили тысячи опасностей, что отражалось на их психике.

Их цели и мысли сводились только к выживанию. Каждый был отделен от других и лишен возможности телепатического общения, они обменивались информацией, только произнося ее вслух. Их общества развивались по-разному и имели различные этические и культурные принципы.

Все это Шеннон узнал из словаря Уэбстера, который Йетс так охотно ему дал. Это было, кстати, хорошим признаком.

Шеннон специально подчеркивал для себя все положительные моменты первого контакта с цивилизацией по имени Человечество, потому что в общем-то информация, которую он почерпнул из словаря, сулила ему мало хорошего.

Он сомневался, что Йетс и Есилькова занимают достаточно высокие места в иерархической структуре своего социума, чтобы помочь ему. Без посторонней помощи ему никогда не удастся связаться с Сообществом Кири.

Даже если эти недоверчивые существа согласятся сотрудничать, вряд ли что-нибудь выйдет. Их технический уровень, судя по Уэбстеру, был слишком низок для этого. Правда,

информация в словаре была ограниченной и несистематизированной. Потребуется обратиться к местным специалистам-техникам, чтобы узнать наверняка, сможет ли он послать межзвездное сообщение и разрешат ли ему вообще это сделать, учитывая их подозрительность и недоверчивость.

Шеннон чувствовал эмоции людей, которые оглушали его, словно он находился не среди разумных существ, а в зоопарке, среди животных. Они не умели контролировать свои эмоции, которые распространялись вокруг них, словно радиоволны.

Сначала это испугало его. Их страхи, подозрения, неуверенность и враждебность ошеломили его. Разумные существа никогда не излучают свои эмоции, когда их могут почувствовать другие.

Йетс хотел убить его. Потом он поборол ксенофобию, и это можно считать хорошим признаком, несмотря на то что оба офицера Безопасности чересчур рьяно относились к своим обязанностям.

Женщина, Есилькова, волновалась, когда проходила мимо кушетки, – ее пульс учащался. Пока глаза Шеннона были закрыты, обычай запрещал ей говорить с ним: по человеческим меркам, это было бы невежливо.

Шеннон подумал, что ему нужны еще другие словари. У каждой нации человечества был свой язык, только некоторые слова были общеупотребительными. Есилькова и Йетс принадлежали к разным нациям.

Столько различий внутри одной цивилизации соответствовало основному закону жизни. Сообщество Кири не сильно отличалось от человечества, разве у людей цели были другими.

Терри понравились бы люди. Терри с удовольствием поговорила бы с этой женщиной. И может быть, они быстрее бы поняли друг друга, потому что Терри тоже увидела бы в этом основной закон жизни, справедливый для всех миров, которые начали долгое восхождение от дикости к звездам...

Но Терри была мертва, и тело ее было расщеплено на молекулы, а сам Шеннон оказался на лишенном воздуха спутнике планеты, в руках существ, которые недалеко ушли от своих животных предков...

И надо найти способ связаться с Кири, если уже не поздно. Или еще рано?..

Взрыв риллианской торпеды отбросил капсулу за границы известной Кири части вселенной... А может, и во временной Провал? Но нельзя думать о том, что убивает надежду.

Есилькова продолжала ходить мимо кушетки. Каждый раз, когда она была рядом, он чувствовал ее волнение. Они были опасны, эти люди, даже друг для друга, и для него тоже.

Они никогда не встречались с разумом, отличным от своего, поэтому ненавидели друг друга из-за эфемерных отличий в цвете кожи и боялись заглянуть друг другу в душу.

Речь была для них единственным средством общения. Сила и насилие – этим они больше напоминали риллиан, чем кириан, – составляли основу их дипломатии.

Они воевали. Даже женщина, находящаяся рядом с ним, которая должна быть нежным источником жизни, была полна жестокости. Она все время искоса поглядывала на него, опасаясь какого-нибудь подвоха.

Он шевельнулся, и она немедленно встала рядом с кушеткой.

– Ты проснулся, Шеннон? Можно мне поговорить с тобой... пока не вернулся Йетс?

Он медленно убрал руку, прикрывавшую лицо. Она хотела, чтобы он доверял ей больше, чем ее партнеру. Он не понимал, зачем ей это надо.

Шеннон осторожно сел, не делая резких движений, чтобы не напугать ее. В скафандре было жарко, и кожа под ним чесалась. Но пока еще снять скафандр было нельзя, неизвестно, как к этому отнесутся его хозяева.

Он ответил по-английски:

– Поговорить, конечно. – И приподнял верхнюю губу, одновременно растягивая углы рта, имитируя их жест готовности к сотрудничеству. – Пить, хорошо?

– Я могу дать тебе только воду...

Она подала ему стакан. Шеннон понюхал содержимое и поставил стакан на столик, не пригубив. Сможет ли он вообще жить здесь? Вернее, сможет ли он прожить здесь достаточно долго, чтобы успеть послать сообщение?

Он сказал:

– Задавай вопросы.

– Отлично. – Есилькова плюхнулась на кушетку рядом с ним, как будто внезапно ослабла. Он отодвинулся. От нее пахло гниющей плотью – примерно так, как и от их воды.

Шеннону чуть не стало плохо. Если он умрет здесь, он встретит свою жену в Озере духов...

Он закрыл глаза и открыл их снова. Нельзя забывать о своем долге.

И Есилькова, словно чувствуя его состояние, стала задавать вопросы, не затрагивающие то, что он потерял:

– Где это Кири? Кто ваш враг? Как ты попал к нам? Что мы можем сделать, чтобы помочь тебе вернуться домой? Тебя будут искать друзья или враги?

Мысль о том, что риллиане будут преследовать его, была ужасной и в то же время логичной. Шеннон выругался на своем языке.

Есилькова моргала, ничего не понимая. Она не имела в виду ничего плохого, когда спросила. Шеннон еще раз подумал, что люди больше похожи на риллиан, поэтому вполне возможно, что риллиане думают так же, как она. Если они приняли сигнал его передатчика...

Есилькова ждала ответов. Кожа над ее бровями собралась в складки, словно она внезапно постарела.

Он отвечал по порядку:

– Кири – мой народ, еще одиннадцать «наций»- Сообщество Кири. – Он использовал наиболее подходящее английское слово, которое было не совсем точным, чтобы описать тот сплав, который представляло собой Сообщество. – Как Объединенные Нации, но старше, сильнее. Мы миротворцы. Колонизаторы планет. Специалисты по разрешению конфликтов. Цивилизация. Разумы различны, души одинаковы.

– Где? – спросила Есилькова. – Где находится Сообщество?

Он знал, что люди кивают, чтобы показать согласие, и качают головой в знак отрицания. Он покачал головой:

– Нет в Уэбстере. Надо больше словарей – данные о звездах.

– Эти данные закрыты для тебя, приятель, пока мы хорошенько не узнаем, что ты задумал, – она скрестила руки под молочными железами, от нее исходила волна недоверия. – Сейчас ты мне начнешь рассказывать, что мы первобытные и расположены в глуши, поэтому вы о нас и не слыхали, а ты попал сюда случайно.

– Хорошо сказала, – подтвердил он, оттягивая губы, показывая, что оценил ее проницательность.

Звездные карты в Уэбстере были все незнакомые, как в другом пространстве-времени. Это может дать ответы на некоторые вопросы. Но тут сразу возникали новые. Не только «Где я?», но и «Когда я?». И ему никогда не удастся связаться с домом. Хотя, может быть, все не так сложно. Существует тысяча причин, по которым он не узнал звездное небо, нарисованное в Уэбстере. Взрывная волна могла отбросить его в соседнюю вселенную или во временной Провал. Тогда это нужно будет учесть в уравнении, которое необходимо вывести для связи с домом.

Есилькова тронула его за плечо. Прикосновение, даже через скафандр, покорило его. В ней бушевала буря мыслей, например, она думала, что он, Шеннон, – разведчик цивилизации, готовящейся к вторжению.

Она отняла руку, и Шеннону стало легче.

– Не думай плохо о Сообществе Кири. Друзья всегда. Агрессоры – никогда. Вместе, коммуна. Нет поработанных цивилизаций. Приглашать, обмен, коммуна.

– Коммунисты? Ха, здорово, Йетсу это не понравится. И не надо приглашать нас

никуда, пока мы сами не попросим, ладно? Может быть, мы попросим вас поделиться технологией, если вы так любите обмен... – она обнажила свои плоские зубы.

– Шеннон, – он показал на себя, – послать сообщение домой. Для этого – еще хорошие люди, кроме Есилькова... – Он порылся в памяти, подыскивая подходящее слово. – Инженеры. Можно?

– Когда мы поймем, что у тебя действительно мирные намерения, и сможем проверить, что именно ты посылаешь, тогда – пожалуйста. Тебя еще сто раз попросят поделиться вашей технологией.

Значит, он может рассчитывать на содействие начальства Есильковой.

– Ваши советские? Есилькова может обещать?

– Обещать, товарищ? Обещаю. Правда, не знаю, что даст тебе мое обещание. Все хотят улучшить свою технологию, – она излучала хитрость и интерес, природу которых он не понимал. – Пусть это останется между нами и Йетсовой подслушивающей системой, о'кей?

Он сказал: «О'кей». Это слово значило только подтверждение намерения. В Уэбстере не объяснялось, как использовать его, хотя в этом словаре он нашел множество другой полезной информации.

Есилькова сменила позу, и он снова с содроганием ощутил ее прикосновение. Она схватила его за рукав скафандра со словами:

– Если ваше Сообщество Кири – хорошие, то кто же тогда плохие? Кто преследовал тебя и зачем?

– Убери конечность – руку – от меня, – его трясло от могучих эмоций, передаваемых ею с прикосновением. – Если риллиане – враги – прийти... придут за мной, что вы будете делать? Ничто не остановит, не защитит. Ваша технология... как ребенок. Риллиане злы, причинять зло, если найти, – он кивнул, чтобы придать больший вес своим словам. – Если найдут, убить меня. Убивать миры. Убивать все, что не как они. Но не найти, – он смотрел на ее бескровное, бледное лицо, на котором ничего не отражалось, но он мог ясно чувствовать ее страх.

Снова собрались складки над бровями, губы крепко сжались, прикрывая зубы.

– Думаю, надо дождаться Йетса, прежде чем продолжать разговор.

– Хорошо, – кивнул он.

– Угу, – подтвердила Есилькова, отодвинулась от него так далеко, как это было возможно, и села, прижавшись спиной к стене, скрестив все конечности.

Потом, после минутного молчания, она снова сказала:

– Ты думаешь, враги, риллиане, не будут тебя преследовать? А почему?

– Звезды другие. Время другое. Пространство другое. Все не так. Если Шеннон не может найти дом, риллиане не могут найти здесь.

– Что не так?

Он запнулся, подбирая слова на их неуклюжем языке.

– Мой дом нет в Уэбстер. Ваш дом нет в моем пространстве, нет знания, – он потряс головой. – У вас нет нужного слова.

– А ты попробуй объяснить.

– Риллиане взорвали миротворец Кири, – он принялся терпеливо рассказывать с самого начала. – Я спасись. Они не искали, думали, все погибли. Риллианское оружие... ужас. Трудно понять принцип, – он потер лоб, как это делал Йетс. – Шеннон спасись, корабль взорван. Взрывная волна бросила Шеннона из пространства-времени. Волна перед взрывом – эффект поля. Рядом с Провалом все близко и все далеко. Сюда – случайно. Одиннадцать измерений – очень много. Здесь пространство, время, измерения – чужое. Трудно найти будет снова, если понадобится.

– Значит, враги выбросили тебя прямо к нам?

– Да. Из пространства-времени. Или только из времени: большая вселенная, все движется, Есилькова понимает? Это место раньше, это место позже. Здесь не было исследователей Кири.

– Черт! – ругнулась Есилькова.

– Нет, – сказал Шеннон. – Важно понять, Есилькова. Читаю лекцию: риллианское оружие выделяет много энергии, универсальной энергии. Знаешь, Есилькова, английские числа?

Она посмотрела ему в глаза и сказала сквозь зубы:

– Кое-что.

– Риллианское оружие получает силу – энергию, – он закрыл глаза, мысленно перелистывая страницы Уэбстера, – от потенциала А-поля одиннадцатимерного пространства.

Есилькова не понимала.

Шеннон попробовал объяснить снова.

– Есилькова знакома с уравнениями доброго Максвелла?

– Ой, не надо Шеннон, – Есилькова подняла ладонь (предупреждающий знак). – Не забивай мне мозги математикой. Это ты вычитал в Уэбстере?

– Все из Уэбстера, – подтвердил он, не сказав, что одной книги было далеко недостаточно. Построить передатчик... может быть, это возможно. Построить корабль, как он понял из словаря, – нет.

Он умрет здесь, среди потомков обезьян.

Эта мысль пересилила его тренированную волю, и он ощутил сильнейшее отчаяние и желание умереть. Немедленно. Он хотел забыться в призрачных руках Терри. Но нет, этого нельзя сделать до тех пор, пока не будет выполнен долг.

Есилькова была прекрасным собеседником. Видя его состояние, она попыталась утешить его.

– Из Кири, наверное, пришлют за тобой спасательный корабль. Кстати, от твоего корабля что-нибудь осталось?

– Ничего не осталось. Полное разрушение. Мой народ, я послал предупреждение. Если они получили, все сделано, Шеннон может уснуть.

– Уснуть?

– Выйти из тела. Найти... духовный дом. Вы говорите: Бог, небеса, – он был горд, что смог найти это соответствие, хотя Есилькова смотрела на него непонимающе. – Жить после жизни. Хорошо. Но...

– Пока мы с тобой не поговорим, не делай этого. Обещай, что ничего не выкинешь, – смятение Есильковой было оглушающим. Ее страх перед смертью и тем, что ждет после нее, поразили Шеннона.

– Есилькова, не бойся. Поговорим другое.

Он решил сменить тему, чтобы избавиться от неловкости. Сигнал маяка мог достичь Кири, но Шеннон не был в этом уверен. Корабль сказал: «Послание принято». Не сказал – кем. Даже если принято Кири, они не знают, как его спасти.

– Шеннон думает... сомневается... кто-то найдет меня? Но риллиане – никогда.

– Ты стараешься убедить в этом меня и себя, потому что тебе хочется в это верить. А что, если риллиане все-таки доберутся сюда?

– Никто из Кири не знает оружия риллиан. Их мощь неизвестна. Они хорошо убивают, не мы.

– Значит, они сильнее вас?

– Несомненно, – ему самому понравилось это слово. Он кивнул головой, чтобы оно звучало веселее. Потом добавил: – Ошеломляюще. Мы не делаем войны больше.

– А они?

– А они делают.

– Ужасно. Выходит, если они придут за тобой, они найдут нас... – Она вскочила с места. – Знаешь, Шеннон, ты мне нравишься меньше, чем пару минут назад.

– Понимаю, – ответил он, чувствуя ее внезапное изменение настроения. Но он должен был сказать правду, чтобы заставить людей помочь ему. Отрицательные эмоции Есильковой

достигли такой степени, что причиняли Шеннону физическую боль, словно чья-то рука сжимала ему сердце.

Он сказал, пытаясь улучшить состояние их обоих:

– Риллиане не пошлют свои корабли сейчас. Шеннон – один, дипломат. Сообщество – много... целей. Одна цель, много целей: выбор прост. Риллиане хотят убить все Сообщество. Шеннон – одна цель. Один дипломат.

Существо назвавшееся Есильковой облегченно вздохнуло, и боль отпустила Шеннона, но он чувствовал себя совершенно истощенным, неспособным продолжать разговор.

Он устал. От Есильковой, от культурного и физического различия, от нового окружения. Он потерял все дорогое, что у него было: свою цель, своих друзей, свой мир и жену... И жизнь.

Если он сможет построить передатчик и послать предупреждение, не будет ли слишком поздно? Может быть, стоит просто умереть, надеясь, что желтая надпись «сообщение отправлено» означала, что маяк сделал свое дело?

Он так и поступил бы, если бы лицо Терри не всплывало у него перед глазами.

Человечество не причинило зла ни ему, ни Сообществу Кири, не сделало ничего такого, чтобы заслужить визит риллиан. Шеннона все больше одолевало мрачное предчувствие, что сигнал маяка был принят врагами.

Теперь у него был долг и перед этой юной цивилизацией, на которую он, быть может, навел страшного врага. Тем более необходимо сориентироваться в пространстве-времени.

Кири всегда берегли и лелеяли жизнь во вселенной. Шеннон не может уснуть, пока не будет уверен, что сделал все, чтобы спасти человечество, по крайней мере, не сделал ничего, чтобы помочь уничтожить его.

Могут ли риллиане прийти за ним через пространство-время? Станут ли они вообще о нем беспокоиться?

Если они все-таки придут, что это изменит в войне между Кири и риллианской армадой?

Если риллиане смогут добраться сюда, это будет значить, что они могут повелевать временем. Ученые Кири не умеют этого.

Если бы можно было умереть! Как бы он хотел остановить свое сердце!

Но он гражданин Кири. И дипломат. И он должен жить. И продолжать узнавать новое. Так всегда должны поступать идущие путем Кири.

4. ПРЕЛЕСТНАЯ ВЕЧЕРИНКА

Сэм Йетс с отвращением думал, что ему придется протискиваться сквозь толпу роскошно разодетых больших людей из ООН, разыскивать Бредли и Маклеода, а потом рассказывать Маклеоду о краснокожем шестипалом пришельце, которого охраняла в его кабинете Есилькова.

Но это было необходимо сделать: начальство должно быть в курсе, или Йетс получит по шее.

Официально Маклеод был представителем США, а Йетс работал в ООН. Но у Сэма было американское гражданство, и не надо было гадать, что будет, если США откажутся платить в ООН членские взносы, потребовав в качестве условия его голову.

Но «держат в курсе» не означало «просить указаний». Йетс собирался действовать по обстановке.

Есилькова уже суежилась, пытаясь подключить Советы к этому делу. Йетс нервничал. Он ненавидел националистические выкрутасы. Но дело было не в этом. А в том, что впервые за историю человечества появился пришелец, сидит на кушетке в твоём кабинете и предлагает поделиться технологией, если ему помогут построить малюсенький передатчик. Тут уж кто угодно занервничает.

По предложению Есильковой он прослушал запись разговора между ней и

пришельцем, сделанную, когда он бегал за обедом и ужином для Шеннона. Ничего особенного – «вопрос – ответ». Такие записи помещаются в архив на полку «Разное». Кстати, Сэм ее туда забросил. На всякий случай.

Внезапно ему пришло в голову, что если сейчас он приведет Маклеода в свой кабинет, а Шеннона там не окажется, ему придется провести остаток дней, наблюдая расчерченное в полосочку небо.

Но Есилькова обещала, что все будет в порядке, когда он вернется. Конечно, ни она, ни Йетс ничего не знали о возможностях пришельца. И не имели права верить ни единому его слову.

Йетс от души надеялся, что Шеннон не был разведчиком – предвестником Армагеддона. Что, если они построят ему передатчик, а он окажется входными воротами, через которые ворвутся зеленые человечки, дышащие огнем, которые не оставят ничего от земной цивилизации, кроме пары обглоданных костей и двух-трех грязных салфеток?

Нельзя давать волю воображению.

Йетс мысленно репетировал все, что он скажет Маклеоду, чтобы избежать вежливого неприязненного разговора, причем причина неприязни будет не теперешнее положение вещей и уж никак не Шеннон, а Элла.

Сэм вовсе не имел ничего против Маклеода лично. Просто он разбирался в людях. Хорошо это или плохо – он так и не решил для себя. Задумавшись, Йетс чуть не налетел на латиноамериканца, разодетого в пончо. Избежав столкновения с ним, Сэм оказался лицом к лицу с почетным гостем вечера.

Элла Бредли снова носила контактные линзы, которые Сэму никогда не нравились. У нее была самая бледная кожа из всех присутствующих, черные волосы и прекрасное тело, которое он вспоминал чаще, чем ему хотелось.

– Сэм, я так рада, что ты пришел.

Она всегда так дипломатична. Кажется, она собирается символически поцеловать его.

А почему нет, черт побери? Он раскинул руки, и Элла грациозно подошла на шаг – получилось вполне приличное светское объятие. Сэм не стал бороться с искушением сомкнуть руки вокруг нее по-настоящему.

Ему нравилось выходить за рамки приличий. Губы Эллы слегка коснулись его правого уха, потом левого, и она прошептала:

– Сэм, немедленно прекрати.

Она выгнулась назад, и Йетс выпустил ее, решив все-таки быть поосторожнее с этой женщиной – она все еще представляла для него загадку. Если бы на них не смотрели окружающие!

А они, конечно, смотрели. Она была почетным гостем. Из-за нее в буфете стояли ледяные скульптуры и флажки с эмблемами Нью-Йоркского университета. Сэм Йетс был не единственным героем недавнего происшествия.

– Поздравляю с повышением, – сказала она громко, чтобы слышали другие гости.

– Я так и думал, что ты это скажешь, – грубовато ответил он и подумал, что не надо было приходить. Надо было сказать Элле что-нибудь, пока она не упорхнула к другим гостям... – Ты прекрасно выглядишь, – для пробы начал он, но эти слова прозвучали так странно, что глаза ее сузились.

– Что с тобой, Сэм? Ты устал?

Йетс наклонился к ней. Плевать на подслушивающих и подсматривающих типов из посольства.

– Мне нужно поговорить с тобой. Наедине. Или с твоим кавалером. С кем-нибудь из вас. – Чтобы она поняла, что он не по личному делу, Сэм добавил: – Немедленно. Или никогда.

– Да, комиссар, – ответила она. – Сюда, пожалуйста. – Элла всегда соображала быстро.

Сэм не ожидал, что она сразу отведет его к Маклеоду, который разговаривал в буфете с кем-то из своих коллег.

Йетс подождал под ледяной скульптурой (это была копия какой-то знаменитой арки), пока Маклеод закончил разговор, галантно взял Элли под руку и подошел к нему.

Йетс в который раз пожалел, что пришел. Ну что он скажет ему?

– Здравствуйте, комиссар, – Маклеод, как всегда, был вежлив. – Элла говорит, что вы хотите поговорить с нами обоими. Пойдемте-ка сюда.

Протолкавшись через толпу гостей, они оказались в уединенной комнате. Маклеод жестом попросил молчать и достал из кармана черную коробочку размером с бумажник. Это был диктофон. Он взглянул на счетчик и кивнул:

– Можете начинать.

Йетс подчинился.

– У меня в кабинете сидит шестипалый краснокожий пришелец с белыми глазами, он хочет, чтобы мы помогли ему построить передатчик и он мог бы послать сигнал тревоги домой до того, как враги, преследующие его, появятся здесь и порубят нас всех в капусту. Вы здесь самый высокопоставленный чиновник, которого я знаю. Захочет ли США в вашем лице участвовать в этом? Или пусть Есилькова и русская делегация веселятся без наших?

– *Что ?* – к чести Маклеода надо заметить, что голос его почти не изменился, хотя недоверие в нем звучало ясно. – Если это дурацкая шутка, Йетс, то очень-очень скоро ты будешь ставить штампики на паспорта где-нибудь в Южной Америке, в Джарезе.

Йетс гордо повернулся и бросил через плечо:

– Я только хотел дать вам обоим шанс. Элле – как специалисту-антропологу и вам – как... ну как тому, кто вы есть. Привет. Пошел учить испанский.

Он засунул руки в карманы, чтобы никто не видел его сжатых кулаков, и направился к двери.

Он услышал за спиной шаги Эллы – быстрые и решительные. Как это он узнает ее шаги, если он с ней не спит? Сэм немного задержался, чтобы дать ей догнать себя.

Она сказала:

– Сэм, постой.

Он не остановился.

– Постой же, Сэм!

Он дошел уже до сцены, где настраивался струнный квартет, и только тогда обернулся с каменным лицом.

– Ну вот, я остановился. Я должен был обо всем доложить и сделал это. Теперь я могу идти?

– Так там действительно?..

– Да.

Ее лицо вытянулось. Когда Элла улыбалась, ее черты словно озарялись изнутри. Но сейчас она не улыбалась.

– Так ты приглашаешь меня прийти и посмотреть?..

– Как пожелаете. Я передал информацию, дальше делайте, что хотите.

– Есилькова тоже знает?

– Еще бы!

– Сэм, ты *действительно* хочешь, чтобы я пришла?

В этот момент подошел Маклеод и остановился неподалеку, так, чтобы можно было слышать.

Йетсу пришлось выражаться осторожнее:

– Я? Да нет, черт побери, я просто не хочу, чтобы мне влетело. Нужно, чтобы с ним поговорили ученые, если, конечно, позволит твой приятель. Именно об этом просил мой... э-э... гость.

– Это будет что-то вроде экспертизы?

Маклеод внешне лениво направился к ним, но сделал это достаточно быстро, чтобы вмешаться.

– Инженеры?

– Да. – Сэм был до смешного доволен, что сумел поставить Маклеода в неловкое положение. Они с Маклеодом носили костюмы одинакового размера. На этом их сходство заканчивалось.

– Еще кто-нибудь? – безразлично поинтересовался Маклеод, склонив голову. Тонкие черты его лица ничего не выражали, кроме скуки.

– Наверное, астрофизик или астроном, короче, кто-то в этом роде. Он хочет построить передатчик. Он думает, что не сможет отсюда добраться домой, даже если мы ему будем помогать. Полагаю, больше нам никто не нужен, чтобы не нарушать тихой семейной обстановки. Один-два человека и вы сами. Специальность Эллы тоже пригодится. Пришлите личные дела тех, кто будет с нами работать. Я просмотрю их...

– Никаких личных дел. Я сам назначу людей, и вы будете без всяких просмотров работать с ними.

– Ладно, беру вас и еще двоих – так я обещал Есильковой. Я не хочу никаких накладок.

Йетс повернулся на каблуках и вышел, решив, что как комиссар Службы Безопасности он имеет право выглядеть усталым и раздраженным. Тем более что так оно и было.

В конце концов, плевать, придет Бредли или нет. Он сказал начальству все, что требовалось. Если Маклеод не явится, придется работать с русскими.

Надо будет проанализировать проблему и выработать план действий. Пока о случившемся никто из посторонних не ведает, если не считать краснокожего пришельца, который сидит в кабинете, гадает, куда его занесло, и уж, конечно, не говорит Йетсу и Есильковой и половины того, что он знает.

5. СТРАНЫ-СОПЕРНИЦЫ

«Происхождение всегда сказывается», – напомнила себе Элла Бредли, проходя по залу, где уже подходила к концу вечеринка, и стараясь сдержать раздражение, вызванное Йетсом. Тем не менее те, кто ее хорошо знал, могли заметить по ее крепко сжатым губам и резким движениям, что она чем-то разозлена.

Элла заставила себя не думать о Йетсе. Ей надо было придумать, как уйти, не обидев хозяев праздника.

Задача облегчалась тем, что Тейлор Маклеод входил в число устроителей вечеринки. Ему также надо было под благовидным предлогом уйти. Он уже разослал подчиненных с записками для важных людей из университета и ООН, объясняющими его ранний уход.

Элла не знала, какой предлог он нашел, это она решила оставить на его усмотрение. Тейлор (Тинг) Маклеод сделал ей предложение в прошлом году, когда он занимал пост директора Американского информационного агентства, а она... приходила в себя после того, как ее пытались похитить. Похищение было частью заговора африканеров, которые хотели очистить Землю от цветных рас с помощью искусственно выведенного вируса.

Свадьба, конечно, будет в июне. И, конечно, в Вирджинии. И никакому Сэму Йетсу не удастся заставить их отложить ее, пусть у него в кабинете будет хоть шестеро пришельцев, которые в обмен на право поступления на антропологические курсы предложили бы ей помощь и материалы, которые потянули бы на Нобелевскую премию...

Она попрощалась с деканом и клюнула его жену в щеку, перед кем-то путано извинилась, и вот она уже в дверях, где ее ждал Маклеод.

Тейлор ездил с ней в Нью-Йорк и обратно, когда ее командировка на Луне кончилась и она вернулась в университет читать лекции, потом они снова покинули Землю. Элла еще не до конца приспособилась к пониженной гравитации, особенно трудно было ходить на высоких каблуках...

Прислонившись к косяку двери, Маклеод разговаривал со своими подчиненными. Он всегда олицетворял для Эллы право и могущество Америки, она видела в нем воплощение ума, мужественности и успеха.

Если у нее была какая-нибудь казавшаяся неразрешимой проблема или просто

неприятности, стоило позвонить одному из многочисленных помощников Маклеода, и неприятностей как не бывало. Где бы она ни была – в Северной или Южной Африке или позже – на Луне, один звонок Тейлору служил панацеей от всех бед.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что они решили формально закрепить связь, которая началась, когда ее лендровер сломался в африканском Атласе, а он проезжал мимо на своем лимузине. И чем меньше времени оставалось до свадьбы, тем пристальнее она изучала человека, которого, казалось бы, должна знать лучше других.

На прошлой неделе он три раза сказал ей:

– Вот увидишь, Йетс сумеет испортить вечер. Конечно, его надо пригласить, но из-за него случится что-нибудь неприятное.

Тинг никогда не ошибался в таких вещах, и иногда она боялась его безошибочности. Из человеческих недостатков ему свойствен был только один: он никогда не высказывал своего мнения, пока его не спрашивали о нем.

Поэтому ничто не могло извинить угрозы, которыми Маклеод незаслуженно осыпал комиссара Безопасности. Она не могла позволить ему думать, что одобряет такое поведение с Йетсом, хотя бы он и был прежде ее любовником.

В мире назревал конфликт. В ООН все только об этом и говорили. Не нужно было осложнять ситуацию. Тейлор Маклеод мог быть прекрасным политиком, когда он этого хотел. Элла собиралась показать ему, что ее интересы, ее друзья не менее важны, чем его дела. Он должен будет научиться понимать это – или свадьбы не будет.

– Тинг, – сказала она, придерживая его за рукав. – Мне надо поговорить с тобой о том, что произошло между тобой и Йетсом...

Она посмотрела ему в лицо, и слова замерли у нее на языке.

Серые глаза Маклеода сузились. Крепко сжатые губы разомкнулись, и он сказал:

– Сейчас не до этого. Нас ждут.

Он прошел немного и обернулся, поняв, что она осталась на месте.

– Ты же не хочешь, чтобы я пригласил другого антрополога? Если ты не собираешься работать, лучше сказать об этом сразу...

– Ты уверен, что правильно выбрал антрополога? – глухо спросила она. Конечно, выбор был правилен; она лучше других специалистов была готова работать с существом чуждой культуры, появившимся неизвестно откуда.

Она сама очень хотела увидеть пришельца и была бы рада, если бы об этом ее попросил не только Йетс, но и Маклеод, а получилось, что ей просто приказали присоединиться к Тингу, словно она была его личной собственностью.

Маклеод ничего не ответил, а только протянул ей руку. Элла приняла ее. Его воля всегда подавляла ее. Он был человеком дела в этом мире болтунов. Элла знала, что его изменить невозможно.

Ей оставалось только решить, могут ли их характеры мирно сосуществовать в такой статичной структуре, как брак. Эта совместная работа обещала затянуться надолго, так что к ее окончанию будут получены ответы на все вопросы. Не важно, что там за инопланетянин, главное, что, работая под непосредственным руководством Маклеода, она узнает о нем гораздо больше, чем на всех этих дурацких вечеринках и коктейлях, на которые он таскает ее.

Снаружи их ждал лимузин с правительственными номерами и дипломатическими флажками на крыльях. На переднем сиденье, отделенном стеклянной загородкой, скучал шофер. Специальная машина Службы Безопасности перекрыла движение впереди, чтобы обеспечить начальству свободный проезд.

Элла могла по пальцам сосчитать, сколько раз она ездила здесь, на Луне, в частных машинах, а не толкалась на общественных эскалаторах. И почти всегда эти автомобили принадлежали Маклеоду.

В машине Маклеод по внутреннему телефону приказал шоферу ехать к гостинице и остановиться там у ресторана. Потом он откинулся на спинку сиденья и задумчиво

посмотрел на Эллу.

– Ты расстроена, не знаю из-за чего, но кажется, я в этом виноват.

– Ты не имеешь права так обращаться с моими друзьями...

– Я и не обращался с ним как с твоим другом, он – слишком высоко занесшийся полицейский, который суется не в свое дело. Я должен был быстро поставить Йетса на место или вообще выключить его из игры. У него недостаточно развит интеллект, чтобы...

Эллу покоробили эти слова, но она не бросилась защищать Йетса.

– Не в этом дело. Ты по-разному относишься к людям: одних ты считаешь полезными – их ты зовешь своими друзьями, других – ненужными, это мои друзья. Это не...

– Если считаешь Сэма Йетса своим другом, пошли ему приглашение на свадьбу.

Элла прикусила губу. Приглашительные билеты уже рассылались, но про Йетса она забыла, и Маклеод знал это.

Машина мягко съехала с тротуара на проезжую часть. Элла невидяще смотрела в окно.

Почему такие пустяки выводят ее из себя? Она же не психопатка: в опасных ситуациях никогда не теряла головы.

Ответить на эти вопросы Элла не могла и снова обратилась к Тейлору:

– Своим нежеланием хотя бы внешне нормально общаться с людьми ты просто поражаешь меня. Мои интересы не совпадают с твоими, и тебе наплевать на них. Это мне не нравится. Вернее, я не намерена это терпеть.

– Ты считаешь, что, осадив Йетса, я повредил твоим интересам? А мне кажется, тебе не стоит так о нем заботиться.

– Если ты так считаешь, скажи мне об этом наедине. Никогда не ставь меня в дурацкое положение перед... людьми. Никогда, – на этот раз она поостереглась назвать Йетса другом.

Маклеод осторожно обнял ее за шею, положив руку на спинку сиденья. Это сразу разрушило напряжение между ними. Элла, вздохнув, склонила голову ему на плечо.

– Прости, – сказал он ей в волосы. – Я слишком заботлив. Это наследственное. Ты права, я должен чаще оставлять выбор за тобой. Я слишком люблю все держать под контролем. Я вообще не понимаю, что ты нашла во мне.

– Я тоже виновата, – ответила она его воротнику. – Нам надо иногда забывать о своих карьерах, или наши служебные обязанности приведут к разводу, раньше чем мы купим мебель. А ты даже не представляешь, – Элла криво улыбнулась и подняла голову, чтобы он мог видеть ее лицо, – как я хочу купить мебель.

– Знаешь, когда разберемся с пришельцем, улетим на Землю, – немного устало сказал он. – Обещай мне, что купишь только американскую мебель, – Тейлор усмехнулся, – и я подарю тебе на свадьбу участок земли в Штатах.

Элла почувствовала, как он расслабился, напряжение уходило. У них была своя жизнь, не ограничивающаяся только работой и коллегами. Они не были детьми, бросающимися в объятия друг другу для скороспелого брака, нет, они были разумными взрослыми людьми, привыкшими, чтобы за каждым из них оставалось последнее слово. Развод означал бы не только крах их отношений, но и показал бы, что их суждение о мире неверно. Один их общий знакомый сказал, что они не женятся, а объединяют ведомства.

Элла подумала, что этот знакомый прав. Никто из подходящих для брака людей не волновал ее так глубоко, как Маклеод... Если не считать Йетса, который не был подходящим человеком.

Когда машина остановилась около гостиницы, Элла заметила, что у входа стоит человек Маклеода, держа стеклянную дверь открытой. Из ресторана, сопровождаемый двумя другими людьми Маклеода, вышел мужчина в пальто и торопливо направился к машине.

Один из охранников распахнул дверцу, просунул голову внутрь и сказал:

– Все по плану, сэр. Квинт встретит вас на месте.

Человек в пальто пролез на сиденье напротив, за спиной шофера.

– Рад видеть тебя, Тинг. Спасибо, что согласился подвезти. – Этот человек был велик, весел, с рыжими густыми бровями и волосами. Элле он понравился еще до того, как сказал: –

А это кто? – и протянул ей руку.

– Мы можем ничего не скрывать от Эллы. Элеонор Бредли, Монтэпо Сандерс. Сэнди, наш комиссар в Безопасности ООН, американский гражданин Сэм Йетс, доложил, что вошел в контакт с чужаком, который просит дипломатической неприкосновенности.

Сэнди был так тяжел, что, когда лимузин тронулся, его даже не вжало в спинку сиденья.

– И ради этого ты вытащил меня из «Бассо Профундо»? Ты видел, какие там женщины? – Его подвижный рот растянулся в озорной улыбке. – Простите, мисс Бредли, но Луна есть Луна, а итальянский ресторан рядом с гостиницей...

– Есть итальянский ресторан рядом с гостиницей, – подхватила она. – Я понимаю, мистер Сандерс. Я...

– Называйте меня Сэнди. И расскажите, чем занимаетесь здесь, на Луне.

– Сэнди, – послушно повторила Элла. – Я здесь с делегацией Нью-Йоркского университета.

– Была с делегацией, – перебил Маклеод. – Теперь Элла будет работать со мной в одной команде. Поэтому мы действительно можем ничего не скрывать от нее.

– Хорошо, Тинг. Я тебе верю. Я, кстати, не понимаю, из-за чего такой шум. Подумаешь, еще один иностранец просит политического убежища. Поручаю вам допросить его и доложить мне, что он знает.

– Нет, генерал, так не пойдет.

– Генерал Сандерс? Представитель НАТО на Луне... – поразилась Элла. – Но... я думала, у нас в группе будут только ученые и инженеры.

– Да, мэм, – подмигнул ей генерал. – Я летчик, один из старых «воронов», как нас называют. И позвольте успокоить вас – я не каждую неделю ем живых младенцев. Теперь вам полегче, мисс Бредли?

Сандерс был самым высокопоставленным военным представителем США на Луне.

– Да, сэр, – ответила Элла, чувствуя, как у нее горят щеки.

– Отлично, – проворчал он. – Так почему я не могу поручить тебе это дело?

– Сэр, это не иностранец, это инопланетянин, из внешнего космоса.

– Хорошо, Тинг. Поговорим об этом позже, – генерал ВВС посмотрел на Эллу, потом снова перевел взгляд на Маклеода. – Наедине, – прибавил он весело.

– Сэр, я повторяю, мы можем доверять Элле. В команду входят она, вы, я и Дик Квинт из Космических исследований. Кроме того, со своей стороны русские тоже пришлют людей.

Лимузин набирал скорость. Идущая впереди машина охраны включила маяк, который бросал двухцветные блики на лицо Маклеода.

– Пожалуй, тебе лучше рассказать все сначала, Тинг. Мне послышалось, что русские тоже увидят пришельца.

– Хорошо, сэр, рассказываю сначала.

Элла никогда не слышала, чтобы у Тейлора был такой голос. С тех пор, как был раскрыт заговор африканеров.

– Вся непроверенная информация со слов комиссара Службы Безопасности Сэма Йетса, – заговорил Маклеод. – Все было так: к Йетсу пришло существо, внешний вид которого не оставлял сомнений, что он не человек. Потом Йетс вызвал советскую гражданку Есилькову, которая является его подчиненной. Пришелец официально попросил политического убежища, заявив, что потерпел крушение и его корабль разбился. Эта информация подтверждается сейсмологическими данными. Пришелец предложил поделиться технологией в обмен на помощь в сооружении устройства, которое можно грубо описать как субкосмический передатчик. Мы ответили, что подумаем над этим, а он – кажется, он мужского пола – остался в кабинете Йетса, ждет официального решения насчет технической помощи и убежища. Это все.

– Нет, не все, – возразил генерал. – Ты сказал, что Есилькова была вовлечена в дело с пришельцем позже. Значит, сначала она ничего о нем не знала. По чьему приказанию она

была приглашена?

– Э-э... Йетса.

– Кого же пришелец просил о предоставлении убежища – нас или русских?

Элла посмотрела на Маклеода, который не отрываясь глядел генералу в глаза:

– Нас, сэр. По крайней мере, мы можем на это претендовать. Первым с ним вошел в контакт американский гражданин, сотрудник визово-эмиграционного отдела офицер Гейтвуд. По приказанию Есильковой он посылает доклады о всех происшествиях в кабинет Йетса и уже стер всю информацию в компьютере о появлении пришельца. Но если поднимется вопрос о приоритете, мы все-таки первые.

– Где был этот Йетс, когда Есилькова отдала приказ об уничтожении данных?

– Э-э... в той же комнате, сэр, насколько мне известно. Йетс и Есилькова работали вместе в прошлом. Я думаю, это простая халатность, хотя еще не все ясно, особенно если Советы примутся выяснять, кому принадлежит пришелец.

– Сэм никогда бы не допустил ничего такого...

Мужчины так резко обернулись к ней, что слова застряли у Эллы в горле, но она все-таки пересилила себя и продолжила:

– Я как антрополог считаю, что мы можем работать с русскими, и это не приведет к потере нашего приоритета. Американского чиновника попросили о политическом убежище. Если мы найдем возможность предоставить его немедленно, у нас не будет никаких проблем с СССР, если мы будем делиться с ними информацией.

– Мисс Бредли, вот что беспокоит меня: этот Йетс пригласил Есилькову без твоей санкции, Тинг, самостоятельно?

– Боюсь, что так, Сэнди. Если вся эта история не какой-нибудь обман, нам придется работать с русскими экспертами.

– Но мы совершили ошибку. Увидите, русские не упустят своего, – мрачно сказал Сандерс. – Откуда, вы сказали, прилетел пришелец?

– Я ничего не говорил, сэр. Мы этого еще не знаем.

– Так. Мне нужно будет просмотреть все отчеты и поговорить наедине с этим вашим Йетсом.

Элла мысленно застонала. Настоящий живой инопланетянин, а натовский генерал думает только о том, чьи флажки будут стоять за столом переговоров.

Маклеод тем временем продолжал:

– Советская группа состоит из четырех человек. Рускин (его чин соответствует вашему), Силов – астрофизик, Минский – мой коллега; кто четвертый, я не знаю, если он вообще будет.

– Знаете, Маклеод, если бы это была ваша вина, я отправил бы вас заполнять экспортные листы на Четырнадцатой авеню.

– Я знаю это, сэр. Но, во-первых, ошибку совершил Йетс, а не я, и, во-вторых, я сомневаюсь, что вам удалось бы это в любом случае.

Элла наострила уши. Не ослышалась ли она? Неужели ее жених осмелился сказать это?

Сандерс с лязгом закрыл рот, на мгновение потеряв дар речи.

– Что ты сказал, сынок? – ласково переспросил он.

– Я считаю, что пришелец – это не операция ВВС, не восстание, он даже не входит в компетенцию органов национальной безопасности. Если нас не обманывают, этот случай войдет в историю как важнейшее событие за время существования человечества. Я доложил своему непосредственному начальству и получил карт-бланш. Пришелец мой, я хочу, чтобы все понимали это.

– Пусть это поймут русские. А я буду проверять каждый твой шаг, сынок, в этом можешь быть уверен.

– Очень хорошо, сэр. Моя работа – предотвращать внешние проблемы, которые вызывают такие происшествия.

– Вы что имеете в виду, что были еще и другие инопланетяне? – изумился генерал.

– Нет, других не было, по крайней мере, насколько это известно моему агентству. Или другому агентству, за которым мы... э-э... наблюдаем. И мы не уверены – не полностью уверены – в подлинности нашего сегодняшнего пришельца.

Разговор продолжался. Маклеод сообщил генералу, что требуется полное засекречивание дела, на что был дан ответ, что это невозможно, если обо всем знают Советы. Спор продолжался до тех пор, пока лимузин не остановился у Правительственного центра, расположенного рядом со зданием Службы Безопасности, где работал Йетс.

Все вылезли из автомобиля, не дожидаясь, пока шофер откроет двери. Элла тихо сказала:

– Я знаю, куда идти, если вы не хотите, чтобы вас сопровождала охрана.

– Прекрасно, – Маклеод махнул своим людям, чтобы они оставались на месте. – Веди нас, Элла. После вас, генерал.

Она пошла первой, мысленно ругая себя за недоверие Тейлору, сомнения в его намерениях по отношению к ней. Ведь Маклеод взял на себя весь риск в деле с пришельцем.

Коридоры здания были полупусты – ночная смена. Элле казалось, что она чувствует напряжение в воздухе. Ей хотелось идти на цыпочках.

Первой, кого они встретили, была Есилькова. Она стояла в дверях, загораживая проход.

– Привет, Есилькова, – улыбнулась ей Элла. – Познакомься с моими коллегами.

– Обойдемся и без знакомства, – проворчал генерал, с презрением глядя на Есилькову, которая протянула ему руку, но не для пожатия, а за документами. – Приведите-ка нам лучше сюда вашего Йетса.

– Комиссар Йетс, – прошептала яркая блондинка секретарша из-за спины Есильковой, – вышел по делам. Инспектор Есилькова должна проверить ваши бумаги. Я должна записать ваши имена. У меня есть на это строгое распоряжение комиссара.

– *Вы хотите сказать*, что Йетс оставил пришельца одного?! – взорвался генерал.

Есилькова прочно уперла руку в бедро, на котором висела кобура, и заявила:

– Пришелец разговаривает с советскими экспертами. Поэтому он не один – это даже вы, наверное, поймете. А теперь покажите ваши документы... Бредли, я знаю вас и вашего друга. Вы можете пройти.

Элла пыталась подать знак Тейлору, но тот подтолкнул ее мимо Есильковой, через комнату секретарши, прямо в кабинет Йетса.

Элла прошептала Маклеоду на ухо:

– Нам должно быть стыдно. Оставили беднягу генерала наедине с Есильковой...

А потом она увидела пришельца, который сидел на кушетке и тихо разговаривал с двумя незнакомыми Элле людьми.

Все трое посмотрели на вошедших, сразу замолчав.

Элла понимала, что ей надо войти, чтобы дверь могла закрыться. Она с трудом, не отрывая глаз от инопланетянина, заставила свои ноги подчиниться.

У него была красно-бронзовая кожа и вообще все так, как описывал Йетс. Он улыбнулся, показав острые зубы. Потом он сказал: «Шеннон»- и рукой коснулся закованной в скафандр груди.

У Эллы закружилась голова, и она услышала чей-то чужой голос, произносящий:

– Я – Элла Бредли. Это – Тейлор Маклеод. Мы рады познакомиться с вами, мистер Шеннон.

– Я тоже рад. Вы друзья Есильковой или Йетса?

Чужак быстро учился. Маклеод сказал:

– Мы друзья и Йетса и Есильковой, мистер Шеннон.

Пришелец кивнул головой и произнес:

– Хорошо.

Потом в кабинет вошла целая толпа народу: генерал Сандерс, Есилькова, Йетс и двое русских, о чем-то спорящих. Все они столпились за спиной у Бредли.

Пришелец молча наблюдал за всеми, не снимая пальца с клавиши на груди скафандра. Его черно-перламутровые глаза таинственно поблескивали.

6. КРИВАЯ ОБУЧЕНИЯ

– Где Йетс и Есилькова? – уже который раз за несколько дней Шеннон задавал этот вопрос Бредли.

– Они не могут быть допущены к разговору, я уже объясняла тебе. То, что ты говоришь нам, – секрет.

– Кабинет Йетса. Йетс и Есилькова знают секрет Шеннона. Хочу Йетс и Есилькова, – пришелец решительно сложил руки на груди, как это делала Есилькова. – Не сниму скафандр, пока не придут.

Скафандр стал камнем преткновения в переговорах. Люди хотели исследовать его – они говорили это несколько раз, и Шеннон видел, что они не лгут. Он сам хотел выбраться из него, почесаться наконец, очистить выделительную и охлаждающую системы.

– Шеннон, ты не можешь навсегда оставаться в скафандре. Будь разумен.

– Я разумен. Люди неразумны.

Сейчас, когда с ним разговаривала только Бредли, ему было легче соображать. Обычно собеседников было двое, и их переплетающиеся эмоции оглушали его. Наверное, этот вид существ был лишен возможности телепатического общения из-за чрезвычайной напряженности их чувств и эмоций. Иногда Шеннону хотелось закрыться и понимать только то, что говорят их рты.

Но люди редко говорили то, что думали, и Шеннон с ужасом осознавал, что им никогда не удастся договориться.

Султанян, математик советской группы, был единственным, кто его вообще понимал. Остальные прислушивались только к своим чувствам и транслировали свой страх на мозг Шеннона.

Но теперь он ощущал что-то другое – более серьезную угрозу, жестокость, которая была несвойственна даже людям. Ему действительно было нужно видеть Йетса и Есилькову. Эти два существа занимались обеспечением безопасности, а Шеннон не сомневался, что их общая безопасность находится под угрозой.

Но как объяснить это ксенофобам, которые окружают его? Только у Йетса он выявил нужные реакции. В людской иерархии только Йетс мог иметь дело с угрозой, которую чувствовал Шеннон.

И Шеннон сказал Бредли, женщине, которая принадлежала лидеру американской группы:

– Если не Йетс, нужно говорить с Маклеодом.

Бредли потеряла голову и посмотрела на кисть левой руки – там у нее был прибор, определяющий время. Потом сказала:

– Тебе нужен Маклеод – говорить наедине? Тайна? – В ее голосе была надежда: ее разум устал. – До того, как остальные вернутся с собрания?

– Сейчас же. Моментально. Йетс и Есилькова с ним.

– Послушай, Шеннон, так не пойдет, – мозг Бредли излучал растерянность. – Я ничему у тебя не научусь, если потрачу все время, объясняя наши бюрократические процедуры, до которых тебе не должно быть никакого дела. Чем это, интересно, Маклеод и я не столь хороши, как Йетс и Есилькова, когда нам... позволено говорить с тобой, а им нет?

Шеннон, пытаясь сдержать раздражение, пролистывал память транслятора в поисках чего-нибудь, что могло бы помочь объяснению, но не нашел ничего подходящего ни в английском, ни в русском. Он громко щелкнул языком. Это было оскорбление, но Бредли его, разумеется, не поняла.

Потом, словно разговаривая с умственно отсталым ребенком, он медленно повторил:

– Йетс – не Маклеод. Ты – не Есилькова. Если Йетсу и Есильковой не разрешено

говорить с Шенноном, Шеннону не разрешено отвечать на вопросы.

Он прислонился спиной к стене, ожидая реакции собеседницы на его слова.

Как он мог сказать Бредли, что почувствовал риллиан? Его разума коснулся грозный шепот, неопровержимо свидетельствующий об их присутствии. Он не знал, где они и сколько их. Его охватил ужас.

Когда страх прошел, он больше не ощущал ничего. Шлем лежал рядом с ним на кушетке. Он мог надеть его и выйти на поверхность, если бы ему дали возобновить запас кислорода. Он вышел бы из поселения людей и остался на темной стороне спутника. Если бы риллиане пришли, они нашли бы только его одного.

Но для того, чтобы осуществить это, ему нужна была помощь. Или, по крайней мере, отсутствие противодействия. А он знал, что, если попытаться уйти, противодействие будет наверняка.

Поэтому нужно было объяснить кому-нибудь, кто разбирается в проблемах безопасности, что произошло. Но никто из этих эгоистичных созданий, которые гнались только за личной выгодой, выпытывая у него знания, не позволили бы ему уйти. Только Йетс и Есилькова были верно сориентированы, чтобы понять опасность.

– Шеннон, не смей так говорить со мной. И не будь упрямым. Ты не понимаешь, чем тебе грозит твой отказ сотрудничать. Ты совсем не знаешь людей.

Она пыталась быть доброй, чтобы защитить его. Но еще хотела запугать его, чтобы Шеннон делал то, что, по ее мнению, было наилучшим для него.

Шеннон сказал:

– Иди к Маклеоду. Говори: Шеннон не отвечает на вопросы, пока не придут Йетс и Есилькова.

– Отлично. Я найду Тинга, тогда и поговорим.

Теперь она действительно разозлилась. Она резко встала, подошла к столу Йетса и включила примитивный аппарат связи.

Из того, что Шеннон услышал, он понял, что Маклеод придет.

Он снова прислонился спиной к стене и закрыл глаза.

Бредли зло крикнула ему:

– Не спи в моем присутствии, краснокожая тварь! Маклеод сейчас придет.

Тут же она устыдилась своей вспышки:

– Извини, Шеннон. Ты разозлил меня, как тогда ты разозлил Силова, когда не нашел ничего знакомого в звездных атласах, помнишь?

– Шеннон помнит.

Все люди, кто встречался с ним, ушли от него огорченными, если не считать математика, который ушел обеспокоенным. Все эти так называемые эксперты лгали ему и друг другу, скрывая информацию, даже если эта информация могла помочь Шеннону: они боялись выдать свои секреты другой стороне.

Шеннон думал, что, кажется, будет невозможно построить даже самый простой передатчик. Он не был ученым. Люди не имели требуемой технологии, им даже не были знакомы источники А-энергии, а Шеннон самостоятельно не мог обеспечить их необходимой информацией, как не мог построить космический корабль из письменного стола Йетса, например.

Это было настоящее противостояние: их невежество и паранойя против его невежества и настойчивости...

Шеннон приучил себя к их воде, он нашел растения, которыми мог питаться, он учил их всему, чему мог научить. Если бы он не почувствовал поисковый зонд риллиан, он бы никогда не стал давить на Бредли, которая хотела выдвинуться и доказать, что она способна быть его переводчиком, если он правильно понимал ее мысли.

Если бы не риллианская угроза, он провел бы здесь жизнь и умер когда-нибудь без сожалений, зная, что после него придут другие миссионеры.

Эта работа была не той, к которой он всю жизнь готовился, но очень близка к ней.

Помогать людям значило помогать разуму и жизни – это была его высшая цель. До тех пор, пока он не почувствовал риллиан.

Он так и продолжал сидеть с закрытыми глазами, несмотря на присутствие Бредли. Нужно было подготовиться к разговору с Маклеодом, найти такой подход, который убедил бы его и одновременно не испугал. Шеннону нужен был Йетс. Ему нужна была Есилькова. Они поклялись ему в дружбе, в отличие от этих, которые только испытывали у него знания, пытаясь сделать самих себя могущественнее и богаче.

Когда пришел Маклеод, Шеннон почувствовал в нем коллегу и несколько приободрился.

Но Маклеод был несчастлив. Люди почти всегда были несчастливы. Они не понимали, что счастье – единственный правильный выбор для живого существа, и после жизни в памяти остается только то, что было счастливым, а остальное забывается.

Как и риллиане, люди больше полагались на жестокость, агрессию и недоверие. Если бы человеческое общество было старше и сильнее, люди могли бы прекрасно установить контакты с риллианами. У них была схожая интуитивная база. Может быть, когда-нибудь, через тысячи их лет, они встретят риллиан и победят их силой оружия, если не дипломатией.

Но человечество еще не вышло из детства, а риллиане достигли многого и многих превосходили в могуществе.

Тейлор Маклеод, координирующий работу американской и советской групп, встал перед Шенноном, оперев руки в бедра, и спросил:

– Ну, Шеннон, так в чем же дело?

– Риллиане, – правдиво ответил Шеннон и пригласительно хлопнул по кушетке, как это делала Есилькова. – Садись поудобнее и поговори с Шенноном.

– Мы знаем про риллиан. При чем здесь Йетс и Есилькова? Бредли сказала, что ты отказываешься сотрудничать, пока не увидишь их. Это правда? – Маклеод остался стоять и не убрал рук с бедер. Угрожающая поза соответствовала характеру излучаемых им мыслей.

За его спиной Бредли села на место Йетса за столом, излучая странное удовлетворение.

– Йетс, – терпеливо повторил. Шеннон, – Есилькова. Безопасность. – Он тоже встал, чтобы показать, что не откажется от своего требования.

Маклеод отступил на шаг, излучая страх, но потом обрел над собой контроль.

– Скажи мне все, что тебе требуется в области безопасности, и я внимательно выслушаю. Потом посмотрим, что можно сделать насчет Йетса и Есильковой. У них тоже есть свои дела, как и у всех нас. Мы живем не в вакууме.

– Вакуум хорошо, – подхватил Шеннон. – Шеннон вернется на темную сторону спутника. Наполните кислородные баллоны. Хорошо? – Может быть, сработает самый простой способ, если не удастся встретиться с Йетсом и Есильковой.

– Вакуум плохо. Ты никуда не пойдешь, по крайней мере один. Хочешь еще раз посмотреть на место катастрофы? Сэнди это понравится. Ты думаешь, там осталось что-то важное?

– Важное. Риллиане. Иду в вакуум. Там безопасно.

– Безопасно здесь. Что с тобой? Ты заболел? Мы готовы провести полное обследование, если надо.

Шеннон в принципе отвергал это предложение уже несколько раз. Они даже не могли помочь ему определить, что он мог есть и какие микроорганизмы для него опасны. Они прислали кого-то, чтобы взять его кровь, но Шеннон отказался и даже выбил иглу из руки того человека.

Нельзя забывать, что люди еще не цивилизованны как следует.

– Никаких процедур. Шеннон в прекрасном здоровье, – это было почти правдой, если учитывать все сложные обстоятельства. – Идти в вакуум – или Йетс и Есилькова, – он сам опер руки в бедра, используя жест Маклеода.

– Шеннон, скажи еще раз, появились проблемы с безопасностью?

– Появились.

– Какие?

– Йетс. Да...

– Йетс – нет. Есилькова тоже – нет. Йетс и Есилькова работают на меня. Скажи мне, в чем дело. Я знаю, ты можешь сказать, если захочешь, – Маклеод смотрел ему прямо в глаза. Маклеод был самым умным из всех людей или, по крайней мере, самым понятливым. – Ну давай, друг. Не бойся меня. Я тебя не съем.

Бредли шевельнулась на стуле и что-то сказала Маклеоду, но так тихо и идиоматично, что Шеннон не понял ее слов. Но Маклеод вполне понял.

– Хорошо, приведи их, Элла. Но больше никого. И скажи остальным, что на обед я не приду.

– Йетс? Есилькова? – с надеждой спросил Шеннон.

– Идут сюда. Теперь расскажешь все?

– Расскажу, хорошо, но неприятное. Риллиане коснулись разума Шеннона. Знаю, они здесь.

– Что? Черт! – Маклеод отступил на шаг, ударился ногой о стол Йетса и сел на него, не оборачиваясь. – Давай повторим, чтобы я чего не пропустил: ты думаешь, риллиане засекли тебя? Как ты можешь это знать?

– Чувствую преследование, – он показал на лоб.

– Ужасно, – Маклеод повернулся к Бредли. – Элла, собери все записи разговоров. Все. Позвони в мой офис, скажи, мы приведем туда Счастливого, как только я соберу брифинг космического командования. Служба Безопасности...

– Безопасность. Йетс и Есилькова.

– Ты думаешь, Йетс и Есилькова смогут защитить тебя?

– Да. Лучше, чем другие. Шеннон хочет пойти к месту ката...

– Знаю, знаю. Оставайся пока здесь, с Эллой, мне надо задать несколько вопросов кое-кому. Йетс и Есилькова скоро придут, хорошо?

– Хорошо, – ответил Шеннон.

В дверях Маклеод остановился.

– Сколько у нас есть времени? Ты ожидаешь, что риллиане придут прямо сюда за тобой?

– Ожидать? Нет! – Шеннон сделал перекрестное движение рукой перед собой, это был жест, которым люди отгоняли злую силу.

По крайней мере, придут Йетс и Есилькова. Он должен многое им сказать. Если даже не явятся риллиане, они защитят его от своих собратьев-людей.

И Йетс поймет, конечно, решение Шеннона вернуться на место посадки. Так требовали обстоятельства. Молодая и незащищенная цивилизация не должна погибнуть.

Терри огорчилась бы, если бы он пришел к ней, отягощенный виной в смерти целой цивилизации.

Если риллиане все-таки нагрянут, возможно, удастся отвлечь их от людей, которые находились на зачаточном уровне технического развития. Йетс должен выполнить свой долг перед людьми и позволить Шеннону действовать так, как требует этика Кири.

Если бы Йетсу удалось помочь ему бежать от этих «исследователей» сознания в земном космическом корабле, тогда Шеннон смог бы отвлечь риллиан от обитаемого спутника и плодородной планеты, вокруг которой он вращался.

Шеннон знал, что шансов почти не было. Но у риллиан тоже было мало шансов найти его. Он все еще не мог понять, какое число риллиан он почувствовал.

Он не сомневался, что это были они. Но контакт был слаб и продолжался недолго. Если бы за ним гналась вся армада, даже люди почувствовали бы ее. И контакт не был бы так короток.

Нет, это не было признаком обычного нападения. Но и не было игрой воображения. Шеннон пытался сосредоточиться, чтобы понять, что означал такой вид контакта, но Бредли засыпала его бесконечными вопросами и была еще более настойчивой, чем раньше.

Шеннон не выдержал и сказал, когда она на секунду остановилась:

– Бредли хочет учиться? Или хочет известности? Это не игра. Не конкурс «кто лучше учится». Нужны Йетс и Есилькова, нужен математик – советский. Нужна помощь, Бредли. Нет времени для глупых вопросов больше.

– Шеннон, ты наглый, красный... – Бредли закусила губу.

Этого он не мог понять. Ее глаза наполнились водой, и она размазала ее по щекам, где она высохла. На всякий случай он повторил:

– Нужно сделать план безопасности. Сейчас, Бредли, сейчас.

– Очень хорошо. Сейчас. – Бредли нажала на клавишу консоли на столе и сказала в нее злым голосом: – Салли, найди этого легавого, на которого ты работаешь, или я скажу Маклеоду, что ты не справляешься с обязанностями. И найди Тинга и скажи ему, что пришелец хочет говорить с советским математиком.

Она встала, обошла стол и подошла к кушетке.

– Я очень хотела быть с тобой в хороших отношениях, Шеннон. Правда, хотела. Но ты такой же, как все.

– Нет.

– Да, – ее губы скривились. – Вся твоя болтовня про Сообщество, если ты не хочешь сотрудничать, так и останется болтовней. Ты можешь обмануть других, но не меня. Ты же не собираешься делиться с нами знаниями, правда? Йетс прав, ты навлечешь на нас гнев Божий. И запомни: с Йетсом и Есильковой ты далеко не уедешь.

Он все еще плохо понимал английские идиомы. Но он не собирался никуда ехать.

– Бог не гневный, Бредли. Шеннон один против гнева риллиан, – он пожал плечами, чтобы показать, что делает все возможное в трудных обстоятельствах. Потом добавил для ясности: – Бог любит вашу цивилизацию. Вселенную любит. Только люди не любят. Как риллиане не любят.

– Пошел ты, Шеннон! – посоветовала ему Бредли.

Шеннон знал, что пока он не может никуда идти, и поэтому остался на месте. Надо дождаться Йетса и Есилькову в надежде, что лгун Маклеод не обманул его.

Если они не придут, ему останется только умереть в этой комнате, безропотно принимая все, что уготовано ему судьбой: риллиан, голод, намеренное и ненамеренное зло, причиняемое его хозяевами, или бесконечные, наводящие тоску вопросы, задаваемые Эллой Бредли.

Лучше погибнуть в примитивном космическом корабле вдали от всех, чем медленно умирать в обществе Бредли.

Как отвратительно пахнет от испуганного человека! Но еще хуже вонь от разъяренного человека.

Бредли снова подошла к нему. Ее голос дрожал, а кожа изменила цвет: щеки и нос пошли красными пятнами. Шеннон подумал, что это от глазных выделений, которые она размазала по лицу.

– Знаешь, Шеннон, что бы ты там ни говорил, никто не собирается разрешать тебе уйти – ни с Йетсом, ни с самим дьяволом.

Шеннон отчетливо ощущал не только эмоции, но и ложь. Сейчас он был уверен, что Элла не лжет. Все было правдой.

И он сказал:

– Приготовьте безопасность. Все еще нужны Йетс и Есилькова.

Бредли скрипнула зубами.

– Почему-то я так и думала, что ты это скажешь. Мне наплевать на все. Я выхожу замуж через несколько месяцев.

Шеннон искренне надеялся, что ее цивилизация все еще будет существовать через эти несколько месяцев. Но он сказал только:

– Да будет счастливым ваш союз с Тейлором Маклеодом. Желаю обильного потомства и мудрости, чтобы воспитывать его.

– Как ты узнал, что Тинг – мой жених?..
Шеннон растянул губы, чтобы успокоить ее.
– Ваши тела говорят, Бредли. Человеческие тела говорят, человеческие разумы говорят.
– Господи! Ты хочешь сказать, что умеешь читать мысли?!
– Читать? Нет. Слушать. Ты тоже можешь, Бредли. Просто прислушайся. Все живое говорит. Надо только слушать без страха.

Если времени осталось мало, Шеннон должен научить людей всему, чему возможно. Даже Элла Бредли может учиться, если когда-нибудь будет думать не только о себе.

И нельзя терять надежды. Он все-таки пошлет сообщение домой и найдет способ защитить этих существ от риллиан или, по крайней мере, отвлечь от них гибель.

Только тогда его сердце успокоится.

Если риллианский мыслезонд действительно успел засечь его разум, надо ожидать нового контакта, когда враги явятся сюда. Шеннон не знал, что такое преследование. Его народ никогда никого не преследовал. Он надеялся, что риллиане, поняв, что он один и не представляет угрозы, оставят его в покое.

Но они знали, где он, или же, в лучшем случае, знали, что он находится в радиусе действия мыслезонда. Шенноном снова овладело отчаяние.

Впервые в жизни ему хотелось уничтожить врага, а не победить его силой аргументов. Уж не начал ли он сам учиться у своих хозяев? Или это влияние одной Бредли, которая сидела и смотрела на него как на своего кровного врага?

Он не хотел им зла. Он протянул ей руку, жалость и сочувствие переполнили его сердце.

– Друзья, Бредли? Нет глупых ссор? Будем друзья?

Ее лицо побледнело, на нем появилось новое выражение.

Шеннон уже начал было убирать свою руку, когда она схватила ее.

– Конечно, Шеннон. Друзья. Я буду о тебе заботиться. Обещаю, никому не позволю распоряжаться тобой.

– Не обещай того, чего не можешь выполнить, – упрекнул он ее, но она, кажется, не слышала.

7. ИДУЩИЙ ПУТЕМ РИЛЛИАН

У риллианского солдата было имя, но для человеческого уха оно звучало бы как несколько щелчков в 49 – метровом диапазоне. И его имя в тот момент никого не интересовало. Он был один в этой маленькой вселенной на много световых лет вокруг.

У него было имя, оружие и задача: он должен был найти тех, кто спасся с корабля элевенеров, и уничтожить их.

Аккуратность была в характере риллиан.

Его непосредственный начальник немного изменил приказ десантного командования: если возможно, доставить ему доказательства успешного выполнения задания – головы или, возможно, уши, если у существ с корабля есть внешние слуховые органы.

Каждый раз, когда происходило перемещение между сегментами зоны поиска, внутренности риллианина холодели и выворачивались, обертываясь вокруг него. Он испытал это уже много раз, но так и не смог привыкнуть. Ему приходилось терпеть. Это было частью его задания, и ничто не могло помешать риллианскому солдату выполнить его.

Риллианин ненавидел десантное командование. Еще больше он ненавидел космолетчиков: они плохо справились со своими обязанностями. Командир армады раздул было чешую от гордости, но тут зарегистрировали тревожный сигнал спасшихся элевенеров. Поэтому особенно риллианский солдат ненавидел самих элевенеров, которые выжили и тем самым заставили его выполнять нелегкую задачу. Он и другие ребята из десанта занимались испытанием экспериментального оружия, использующего убийственный эффект А-поля. Испытания будут продолжаться до тех пор, пока не надоеет командир.

Риллианин слишком хорошо знал своего командира, чтобы надеяться, что ему надоест развлекаться раньше, чем у его подчиненных останется хотя бы капля здравого смысла. Здравый смысл мешает выполнению приказов.

Его внутренности приняли свое нормальное положение – свернулись клубком; значит, перемещение завершено. Он не знал, сколько еще перемещений он сможет выдержать.

Оборудование скафандра, бешено вибрирующее во время перемещения, вышло из строя. На мгновение риллианину показалось, что ему предстоит утонуть в собственных экскрементах, но через секунду все приборы и системы заработали вновь.

Следящий зонд тоже работал. Он найдет элевенеров.

Когда перехватили сигнал элевенеров, командир разбил всех своих подчиненных на поисковые тройки. Троек получилось больше тысячи. Каждый из трех обследовал территорию, покрывающую поисковую область соседа, чтобы не осталось необследованных участков. Некоторые зоны осматривались несколько раз.

Если элевенеры сохранили способность передвигаться в пространстве, такой тип поиска увеличит вероятность их обнаружения.

Он был один. Если риллианский солдат сойдет с ума в бесконечном калейдоскопе пространства-времени, его контролер выяснит причины происшедшего. Если сам контролер погибнет (а это обязательно случится в отдаленном будущем), высшее начальство расследует обстоятельства.

Но пока риллианский солдат функционирует, он наедине со своей задачей.

Никто (по крайней мере, никто из военных) не сомневался в способности одного солдата уничтожить цель. Будь это даже целый корабль элевенеров.

Равным образом никто не сомневался, что цель обнаружить *не* удастся. Нападение произошло недалеко от Провала, и взрыв космических А-снарядов мог отбросить корабль элевенеров (или часть его) на бесконечно большое расстояние или время.

Техники заявили, что они могут рассчитать вероятные курсы, тем самым увеличив вероятность обнаружения, хотя эта вероятность, как они сами признали, бесконечно мала. Но она была достаточной, чтобы приказ был отдан и поиск начался.

Риллианские солдаты знали теорию вероятности. Вероятность значила, что когда убиваешь одного из трех врагов, другие два остаются.

Наилучшим решением было убить всех.

Вектор цели был направлен так неожиданно, что солдат решил сначала, что аппаратура все-таки барахлит. Он проверил все приборы, вися в пространстве, чувствуя себя так же беспомощно, как детеныш в зубах отца. Скафандр называли мини-космическим кораблем, но это было не так. Конечно, он мог выполнять некоторые функции корабля, но далеко не все.

И солдат не был космолетчиком. Он хотел ощущать всеми четырьмя конечностями твердую землю, и еще он хотел кого-нибудь убить своим новым оружием.

Скоро оба его желания будут исполнены. Его следящий зонд завершил самопроверку, и вектор цели изменился, когда риллианин повернулся в чужом пространстве. Он все-таки нашел элевенеров.

Вместо того чтобы бежать дальше, они остановились в звездной системе в нескольких световых часах от того места, где они снова вошли в нормальное пространство-время. Похоже, что их корабль был поврежден – атака риллианского флота не могла не увенчаться хотя бы частичным успехом, принимая во внимание количество энергии, высвобождаемое их оружием.

Риллианский солдат отдал скафандру приказы, подождал, пока компьютер решал, как их лучше выполнить. Локационные сенсоры показывали чепуху: у них не было точки отсчета в этой вселенной. Сначала компьютер должен установить точку отсчета искусственно, если только не удастся найти соответствующие параметры в данной реальности. Потом скафандр определит курс.

Курс к планете, вращающейся по обычной орбите вокруг звезды. Элевенеры совершили посадку на спутнике планеты, он был раз в восемь меньше ее самой. Спутник был

лишен атмосферы, и это было хорошо. Атмосфера могла усложнить его задачу.

Скафандр решил, что перемещение будет наиболее эффективным методом преодоления оставшегося расстояния. Снова тошнота, но на этот раз риллианин почти не обратил на нее внимания.

Он представлял себе, как будет убивать.

8. «МАТУШКА-КУРИЦА»

– Да, сэр. В принципе мы могли бы доставить... объект на Землю, но это подвергнет риску не только его здоровье, но и здоровье всего населения в целом. Для записи... – говорил Маклеод в трубку своего личного цифрового телефона, полностью соответствующего стандартам национального агентства безопасности. Ответа приходилось ждать долго: сказывалось расстояние между Землей и Луной. Его собеседник находился в офисе Госдепартамента в Вашингтоне.

Маклеод повернулся, услышав, что открылась дверь его кабинета, и прикрыл ладонью трубку, хотя в этом не было необходимости: телефон автоматически отсекал все посторонние разговоры и шумы.

– Садись, Квинт. Я заканчиваю.

Маклеод снова повернулся на вертящемся стуле, описав полукруг. Он разговаривал с вице-секретарем США по делам Луны, которого науськал на него генерал Сандерс.

– Для записи, – повторил Тейлор. – Я хотел бы, чтобы были приняты не только эпидемиологические предосторожности, которые мы не можем слишком долго обеспечивать. Как я понимаю, вы хотите, чтобы объект предстал перед конгрессменами на объединенной сессии, – Маклеод глубоко вздохнул и помолчал минуту. Пауза была слишком длинной даже для межпланетного разговора. – Мы не можем спорить с русскими – или вообще с кем бы то ни было – насчет того, кто первый увидит его на Земле, в каком порядке будут встречи и так далее. Он наш, и нам надо о нем заботиться. Я не могу гарантировать его сотрудничество. Кроме того, его здоровье и безопасность на Земле будут подвергнуты риску, когда все, кто имеет отношение к науке, технике, наши союзники и вообще все подряд будут драться за право расспросить его. А потом, возможны осложнения с Советами, которые попытаются оспорить наш приоритет. Он пришел к нам и не покинет здания Американской лунной миссии, пока мы не разберемся с ним. Это мое последнее слово.

Маклеод ждал ответа из Штатов, прикрыв глаза. Кровь толчками билась у него в ушах, когда он прислушивался к шепчущей тишине межпланетной секретной линии. Ему вовсе не нужен был сейчас этот инопланетянин, от него были одни неприятности. Маклеоду вовсе не хотелось наживать себе высокопоставленных врагов из-за него. Он прозвал Шеннона Счастливымчиком, потому что такое уж было его, Тейлора Маклеода, счастье, что пришелец появился в его смену. Маклеод больше не злился. На это не оставалось времени. Ему необходимо было предусмотреть все. Он давно уже поверил в фаталистическое правило: «Когда ситуация не может усложниться, она упрощается, становясь хуже». Полная катастрофа – самая простая вещь в мире, а природа стремится к простоте.

Давление со стороны земных друзей Сэнди, пытающихся заставить Маклеода устроить для Шеннона парад по Е-стрит вокруг Белтвея с торжественным возвращением в Руссел-билдинг, было досадно и неприятно, но не очень мешало.

Вице-секретарь испортил Маклеоду обеденный перерыв. Его переданный через спутник голос, немного искаженный потрескиваниями, спросил:

– А что бы вы могли сказать не для записи?

Всякий, кто считал, что разговор с агентством Маклеода не записывался, был либо наивен, либо непроходимо глуп. Но Тейлор ответил вежливо:

– А не для записи – пришелец опасается за свою жизнь. Русские пытаются урвать от него столько, сколько могут, и я снимаю с себя ответственность за его безопасность, за сохранение секретности и отказываюсь подписать любые приказы, предусматривающие его

перемещение хотя бы на дюйм. Любое дальнейшее обсуждение будет напрасной тратой времени и денег налогоплательщиков, это вы тоже можете занести в протокол. У меня начинается совещание.

Он повернулся на крутящемся стуле, зажав трубку ухом, ожидая неминуемых угроз с Земли. Воспользовавшись паузой, Маклеод подтолкнул лежащие на столе бумаги к Квинту. Ушастый и лысый Квинт, полковник, эксперт в области астрономии, взял их, прочел и помрачнел.

Маклеод с облегчением услышал последние слова вице-секретаря, сказанные самым ледяным тоном: «Вам еще придется пожалеть об этом», – и повесил трубку.

– Что ты думаешь, Дик? – спросил он.

Похожий на птицу полковник шмыгнул носом.

– Значит, Счастливчик боится, что риллиане, кем бы они там ни были, придут за ним?

– Ты же видишь сам. Хочет отправиться на темную сторону Луны. Хочет осмотреть место посадки. Хочет говорить с Йетсом и Есильковой, потому что у него, видите ли, «проблемы с безопасностью». Что там на радарах, нет ничего подозрительного?

– Ты, кажется, сам начинаешь верить этой чепухе, Тинг.

– Какая чепуха? Ты тоже не веришь, что наш шестипалый пришелец подлинный? Тебе тоже надо попробовать все на вкус, чтобы удостовериться?

– Ты же знаешь, я имею в виду под чепухой не его, а риллиан. Кстати, мне очень не понравилось, что ты пропускаешь обеды и оставляешь меня одного на растерзание русским и генералу Сандерсу.

– Прости, с этим ничего не поделаешь. Ты повнимательнее посмотри эти записи. Он говорит: «Риллиане коснулись разума Шеннона». А потом – «поймать, охотиться». А потом он просит Йетса и Есилькову, чтобы они проводили его до места посадки. Раньше этого не было. Что-то произошло.

– Может, ему просто надоело все до смерти. Может быть, он там потерял свои контактные линзы и только теперь об этом вспомнил.

Дик Квинт снова склонился над бумагами с записями бесед с пришельцем.

– Так ты позволишь ему?

– Что?

– Посетить место посадки с Йетсом и Есильковой?

– Господи! Да я даже не знаю, где они. Наверное, трогательно занимаются любовью в шлюзе. Их телефоны не отвечают. Но в целом ответ отрицательный. Никаких мест посадки. Риск слишком...

– Риск? – переспросил удивленно Квинт. – Единственный риск, который тебе грозит, – это быть разорванным на куски русскими, сандерсами и другими.

– Может, и так, но ответ все равно отрицательный – никаких прогулок по Луне. Пусть этот брифинг командования космического флота начинается без меня. Я хочу принять душ. Там надо залить мыло в контейнер...

– Ладно. Но я хотел попросить тебя прислать нам математика. Я хорошо разбираюсь в общих вопросах, но нам нужен человек, способный составить конкуренцию Султаняну. И еще. Раз мы беспокоимся о безопасности Шеннона, то чем меньше людей знают, где он, тем лучше.

– Я что-то не понимаю тебя, – осторожно сказал Маклеод. На первый взгляд слова Квинта не имели никакого отношения к предстоящему совещанию. Но Маклеод знал Квинта как настоящего профессионала, он работал в разведке на десять лет больше его самого. Квинт мог легко сделать карьеру в частном секторе, но его интересовало только продвижение по военной линии. А Маклеод был достаточно умен, чтобы считать это признаком глупости.

Квинт и в самом деле здорово соображал.

– Ты не понимаешь? Я кое-что слышал из твоего недавнего разговора по телефону, и это навело меня на мысль, хотя, признаюсь, я уже думал, что ты его отправишь на Землю.

Если бы я был на твоём месте, я бы ввел внезапный всеобщий карантин. Прямо на совещании, тем более что там будут русские. Сказал бы, что пришелец плохо себя чувствует, а твоё агентство, как несущее за него ответственность, не может подвергать его риску. Поэтому все контакты с ним откладываются, пока мы не выясним, что произошло и не подхватил ли кто-нибудь из землян инопланетную заразу. Это снимет мою проблему с Советами, которые обогнали нас, и твою с безопасностью: все, кто его видел, будут под замком в течение, ну, к примеру, недели, – Квинт сверкнул глазами.

– Начнется страшный скандал, – Маклеод ухмыльнулся, сдерживая смех. – Тебе действительно надо проверить все это?

– Я собираюсь вызвать с Земли кого-нибудь, кто бы разобрался в квантовой механике. А-поле – в этом мы не достигли и половины того, что есть теперь у русских.

– А они с вами не хотят делиться, – подхватил Маклеод. Он хотел произнести эти слова сочувственно, но получилось ехидно. Лицо Квинта вытянулось. – Извини, Дик. Мне пора принимать транквилизаторы. На всех бросаюсь.

– Дай мне пару недель наедине со Счастливым и специалиста, и у нас будут результаты. Если нет, можно сразу сказать, что мы проиграли русским.

– Все так плохо?

– Не так, а хуже. Их команда намного лучше нашей. Обещай мне, что заменишь Йетса математиком, и я пойду на этот дурацкий брифинг флота и запугаю их так, что никто – не исключая нашего дорогого генерала Сандерса – не посмеет даже близко подходить к комнате пришельца без личного приказа президента.

– Но как же без Йетса? Кто обеспечит безопасность на брифинге?

– Слушай, Тинг. Твоя изящная выдумка насчет Йетса, необходимого для безопасности, никого не обманывает, кроме него самого. А зачем тут твои здоровяки повсюду? Они что, в футбол с русскими должны играть?

– Хорошо-хорошо. Сделаю. Сразу, как найду Йетса и Есилькову. Пошлю своих парней на их розыски, неофициально.

– Ты поступаешь ужасно, но делать нечего. Что еще?

– А ты знаешь, что Счастливчик любит Йетса и Есилькову больше, чем нас всех вместе взятых?

– Я этого не знал. Он думает, что ему грозит опасность, а они могут его защитить, потому что это их профессия. Ты слишком антропоморфно оцениваешь его поведение – как и Элла, кстати, – только потому, что он на нас похож.

– Что, есть какие-то проблемы с мисс Бредди?

– Нет, ничего такого не зарегистрировано. Но нам нужны специалисты, я хотел бы иметь астрофизика вместо нее. Антропология в данный момент – не основное.

– Понятно. Военные специалисты со штампами космического флота в дипломах. Ты знаешь, Йетс меня самого раздражает, и признаюсь, я слишком снисходителен к Элле. Но заменить их обоих военными экспертами, чтобы Советы взбесились? Это не холодная война, Дик, по крайней мере, пока.

– Разве нет? Мне казалось, что уже ударили морозы.

– Помни, нам полагается сотрудничать с СССР. Если мы притащим математика и астрофизика в пику им, мы: а) показываем, что не доверяем им, и б) мы не доверяем ООН. Мы также показываем, что я ищу ссоры с Минским. Извини, Квинт, я передумал. Состав сборной не меняется. Сумеешь притащить математика, мы контрабандой проведем его к Шеннону. Больше ничего сделать не могу.

Маклеод устал. Отдыхать придется не скоро. Чудес не бывает. Спецслужбы и командования флотов будут лезть из кожи, чтобы заполучить себе пришельца. Но пока Маклеод заказывает музыку, и единственной лисой в курятнике будет он, если не считать русских.

9. ГОСТЬ

Это было место падения, а не посадки.

Элевенеры должны были попытаться скрыть свои следы – это было первое правило выживания, ни один риллианин не мог себе представить разумных существ, не знающих его. Хотя это все равно бы не помогло: от сенсоров трудно укрыться.

Но здесь следы скрыть и не пытались. Удар о почву, холодный мощный взрыв и отпечатки ног одного спасшегося существа.

Солдат вытянул уши в стороны, от этого его голова стала еще шире. Эта гримаса была эквивалентом довольной улыбки. Потом он проверил оружие. Преследование началось.

След и вектор совпадали, но риллианин решил руководствоваться последним. Низкая гравитация планеты не была помехой, его четыре короткие конечности несли его упругой рысью, неровности поверхности он перепрыгивал.

Он привык действовать в условиях низкой гравитации и невесомости. К высокой гравитации он тоже привык. Риллиане считали гравитацию высокой, когда не выдерживали кристаллические структуры, а металлы гнулись. Скафандр усиливал его движения, претворяя мысли в действия, но даже без его помощи солдат мог бежать с такой скоростью несколько дней.

Если бы вектор резко расходился со следом, ему пришлось бы пересмотреть свои действия. Мозг скафандра посоветовал бы ему что-либо другое, если бы, например, элевенеры улетели с планеты, починив свой корабль.

Это было возможно, потому что, к удивлению риллианина, этот безвоздушный спутник был обитаем. На орбите он заметил несколько спутников, испускающих сигналы с частотой выше, чем риллианская речь, но вполне воспринимаемые его органами.

Он мог приказать скафандру заблокировать помехи, но бессмысленный оглушающий шум напоминал ему о мгновенных перемещениях в пространстве и обо всем, что с этим связано. Такие воспоминания полезны для боя. Они приводят в ярость. Непонятные сигналы были речью – в этом он не сомневался. Вряд ли аборигены построили бы спутники с единственной целью оглушить прибывшего риллианина бессмысленным шумом. Мозг скафандра мог легко расшифровать и перевести передаваемую спутниками информацию, но никто не запрограммировал его на это. Основной функцией мозга была навигация.

Риллианскому солдату незачем разговаривать с низшими существами, это была привилегия командного звена риллианской военной структуры, да и то ей пользовались только для допросов.

Риллианин осмотрелся по сторонам и поднял оружие. Приклад удобно упирался в плечо. Автоматически включилась прицельная панорама, создав перед ним стереоизображение в вакууме. Он мог приказать скафандру навести оружие на цель, но в этом не было нужды, кроме того, он гордился своей меткостью.

Спутник двигался по низкой орбите. Другой шумящий объект поднимался вслед за ним над горизонтом, чтобы сменить первый. Всего их должно быть три, чтобы охватывать всю планету. Солдат приподнял верхнюю часть тела, левой рукой одновременно изменяя прицел...

Спутник связи, оснащенный солнечными батареями, двигателями, чтобы корректировать орбиту, и микроволновыми «тарелками», испускающими тот самый пронзительный шум, который заставлял риллианина дрожать от радостной злобы.

Солдат выстрелил.

Его оружие представляло собой монолитный кристалл с двумя трубками, длиной по двадцать сантиметров каждая, выступающими вперед, как рога у быка. После выстрела с оружием внешне ничего не произошло, но там, где пересеклись два поля, созданные рогами, в пространстве-времени появилось отверстие.

Спутник исчез с бледной вспышкой. Металлические обломки, превращаясь в плазму, разлетелись в стороны, оставляя за собой яркие следы. Во время выстрела необъятное море энергии, имевшееся в этой вселенной (как в каждой вселенной), выплеснулось и поглотило

все, что было у него на пути.

Сразу стало тише. Риллианин снова осмотрелся.

Он находился рядом с одним из населенных центров. Ясно, что это всего лишь колония, жизнь пришла с соседней планеты, огромного бело-синего шара, занимавшего полнеба. Здесь аборигены зарылись в камень, спрятавшись, словно черви в норы.

Чешуя солдата вздрогнула, ему стало противно. Было бы только достаточно времени, и его оружие уничтожит это отродье. Силикаты, алюминий, титан, защищающий их, не помогут...

Он мог выжечь отверстие, как делает хирург, когда удаляет гнойник из мышцы и для этого прожигает чешую; но это займет слишком много времени. Он вздрогнул при этом воспоминании, заныл старый шрам.

С его оружием разрушение всех структур займет несколько часов. Его сенсоры будут перегружены потоками энергии, высвобождаемой при взрывах. Разрушение зданий и убийство врага – не одно и то же.

Кроме того, если пространство-время будет сильно искажено, он может потерять вектор. Тогда он потеряет и элевенера в бесконечных сдвигах пространства-времени, и даже боевые компьютеры не смогут рассчитать, где искать беглеца.

Именно такую ошибку совершил флот. Если бы солдат повторил ее, командир прикончил бы его мучительной смертью, сдирая чешуйку за чешуйкой.

По его приказу сенсоры обнаружили корабли,двигающиеся в пространстве между большой планетой и малой, и высчитали их траектории. Некоторые корабли время от времени меняли курс, используя примитивные ракетные двигатели.

Риллианин мог не опасаться аборигенов. Элевенеров тоже. Поэтому...

След элевенера вел к небольшой конструкции на поверхности планеты. Это был шлюз, от которого начиналась дорога, ведущая к космодрому. Космодром был расположен на безопасном расстоянии от подземных жилых помещений, за стеной кратера.

Риллианин направился к шлюзу, сдерживал себя, чтобы на ходу не подпрыгивать от предвкушения боя. Успех. После стольких неудобств – успех.

И город на растерзание.

10. ЭФФЕКТ ПОЛЯ

Когда Шеннон почувствовал мыслезонд риллиан, сначала он пришел в ужас: один, окруженный чужаками, похороненный под толщей камня.

Потом он убедил Бредли вызвать Маклеода, а Маклеода – вызвать Йетса и Есилькову, и его страх немного улегся. Провидение покажет ему путь. Во вселенной существует множество возможностей. Он найдет выход.

Или не найдет. Он все еще не мог добиться встречи с некоторыми людьми – учеными и инженерами, которые могли бы помочь ему в постройке передатчика. Но он сумел восстановить контроль над своими эмоциями, а это было в большинстве случаев самой трудной задачей, особенно среди существ, мысли которых он мог читать.

Когда он укрепил свой разум против напора страха и недоверия, излучаемых ими, он понял, что не имеет права прекратить биение своего сердца.

Риллианский зонд укрепил его в этой мысли. После контакта с ним Шеннон понял, что его появление было даром судьбы в его отчаянном положении. Провидение посылало ему знак. Он не потерял навсегда в пространстве и времени. Если его смог обнаружить риллианский зонд, Шеннон сможет найти Сообщество Кири.

Если у него будет достаточно времени, настойчивости и ума, он сможет, руководя людьми, построить передатчик и послать предупреждение в Кири о риллианской угрозе. Судьба «Кир Стара» должна стать уроком и руководством к действию. Шеннон послужит своему народу, даже находясь вдали от него. Цивилизация встретит врага и победит его силой оружия или силой переговоров.

Появление зонда ответило на вопрос, который Шеннон боялся себе задать. Еще не было поздно. Его не забросило вперед или назад по стандартной шкале времени далеко, иначе бы посланное предупреждение встретило на своем пути только мертвый космос.

Провидение одарило его новой надеждой, и он понял, что ему не хватает риллианского зонда. Он снова был один среди детей желтой затерянной звезды.

А потом он снова почувствовал присутствие разума риллианина, но на этот раз не испугался. Шеннон не очень хорошо умел передавать мысли, но читать их мог прекрасно, используя рецепторы сверхнизких частот, которые были у всех кириан.

Он услышал риллианина, прирожденного убийцу, транслирующего страх, боль, разрушение, триумф.

Потом – тишина. Он снова был наедине с Бредли, которая тревожилась, потому что до сих пор не появились Йетс и Есилькова.

Шеннон лежал на кушетке, прикрыв глаза. Так он мог видеть Эллу, сидящую за столом Йетса. Она сидела тихо, подпирая голову рукой – боялась его разбудить. Если бы хоть кто-нибудь из людей не спал, бодрствовал в полном смысле этого слова, по Уэбстеру, Шеннону было бы здесь легче. Но они все дремали и только должны были проснуться.

И среди них Шеннон должен сотворить чудо. Он не мог остановить свое сердце, он не мог терять надежду.

Он был благодарен вселенной, которая создала его, и когда почувствовал, что риллианин рядом, то подумал, что его одиночество кончилось. Он больше не был затерян неведомо где во времени и пространстве, куда невозможно было бы добраться от Провала через одиннадцатимерный космос. Это было не так. Здешняя вселенная тоже была одиннадцатимерной. И он остался в своем времени, и сигнал его передатчика услышат живые кириане, а не безмолвные звездные системы, чьи жители еще не вошли в Сообщество.

И его задача, первоначальная задача, все еще оставалась в силе. Маяк – наименьшее, что он должен сделать.

Но и после этого нельзя будет умереть, заснуть в руках Терри: еще надо выполнить миссию, с которой «Кир Стар» направился к границе с риллианами.

Он благодарил в душе риллиан, своих заклятых врагов, за то, что они поддерживали его в минуту слабости. Если бы он мог встретиться с их посланником! Тогда его благодарность была бы безмерной.

Сделай так, чтобы будущее было тебе подарком.

Терри будет так рада, когда их души встретятся, узнав, что он нашел способ оценить риллиан. Ненависть разрушает, она – эквивалент распада молекул.

Как атомная структура, черпающая энергию из безграничного энергетического моря, при этом оставаясь стабильной, Сообщество Кири прочно существовало, находя источник жизни в доброй воле и взаимном уважении. Таким был краеугольный камень Кири.

Шеннон сел на кушетке, зная, что Бредли немедленно отреагирует на его пробуждение. Она подняла голову, отбросила завиток волос с лица и сказала ему, скривившись:

– Только не начинай опять: «Где Йетс, где Есилькова». Мы с ног сбились, разыскивая их. Рано или поздно они найдутся. Может, хочешь жасминового чая и бутерброд с огурцом?

– Вода с цветами, да, спасибо тебе.

Напиток стимулировал мозг. Надо быть осторожным, может развиться зависимость. Его рот наполнился слюной, когда он подумал о нем.

Бредли встала. Ее движения были резкими.

– Я собираюсь что-нибудь съесть, а ты можешь смотреть, как я убиваю эти беззащитные фрукты и овощи, если не хочешь присоединиться.

Она показала ему зубы, чтобы он понял, что это была шутка.

Они уже обсуждали поедание растений, пока те еще были живы, но Элла не видела альтернативы: почти все, что ели люди, было еще живым или только что убитым.

Сначала он думал об этом с отвращением, но потом немного привык. Жизнь переходила от низших форм к высшим, высвобождаясь из клеточной оболочки. Пока

человечество не создаст технологию для производства неживых питательных веществ, люди будут убивать растения и животных.

Снова он с трудом удержался от желания сравнить людей с риллианами. Но не обсуждать же это с Бредли...

Она по телефону заказывала пищу:

– Фруктовый салат с овечьим сыром, йогурт, жасминовый чай, кофе, три салата без приправ. И позвони Маклеоду. Скажи ему, я заказала легкий ужин и жду, когда он присоединится. Пусть скорее заканчивают там совещание.

Она повернула голову, и тут ее словно смыла волна. На ее месте Шеннон увидел... что-то невообразимое. Какой-то взрывающийся шар.

Одновременно он почувствовал каскад еще чьих-то эмоций, от которых сводило челюсти. Сначала злоба – такая интенсивная, что у него свело горло. Потом – боль, головокружение, потом с головы до ног его пронзило торжество... Риллианин был существом на четырех ногах, он сжимал оружие, похожее на рога, и шел к шлюзу, через который он, Шеннон, попал в подземный город.

– Друг Бредли, – сказал Шеннон. – Убивать обед – одна вещь. Убийство высшей жизни – другая вещь. Плохая вещь. Не убивать риллианина для Шеннона, ладно?

– Шеннон, если мы найдем риллианина и нам придется его убить, то это будет не из-за тебя. Не волнуйся, – она подошла к нему, что означало у людей, что она хочет подчеркнуть свое внимание к нему.

Бредли подтащила стул поближе к кушетке и села.

– Не волнуйся так, Шеннон. Мы защитим тебя всеми способами. И поможем тебе. Мы же обещали. Ты экстрасенс, должен это чувствовать.

– Не убивать риллианина. Шеннон будет вести переговоры. Шеннон должен поговорить с риллианином. Очень важно.

– Да, приказ твоего правительства. Мы уже знаем это. Мы тоже хотим поговорить с твоим правительством, когда построим передатчик. Но ты должен больше нам помогать...

– Не сейчас. Скажи, друг Бредли, Шеннон поговорит с живым риллианином?

– Почему ты думаешь, что здесь появится живой риллианин? А если появится, захочет говорить с тобой?

– Риллианин пришел, он здесь. Пока мы говорим, идет. Разрушение вашего передающего шара не заставит вас убить его?

– Ты думаешь, когда придет риллианин, он разрушит спутник связи? Тогда мы получим что-то вроде предупреждения, – глаза Бредли сияли, она излучала удовольствие, надеясь, что он будет долго говорить с ней.

Наверное, он неясно выразился, еще плохо владея ее языком.

Шеннон решил попробовать объяснить ей еще раз, что дело не терпит отлагательств.

– Риллианин здесь сейчас. Спутник связи взорван. Обещай Шеннону, люди не станут стрелять...

Поток риллианской злобы, недоумения и боли заставил его замолчать.

Когда он снова смог воспринимать окружающее, Бредли сидела рядом и уверяла его:

– Прошли века с тех пор, как мы сначала стреляли, а потом задавали вопросы. Не волнуйся так. Мы поможем тебе связаться с твоим народом, вот увидишь.

Шеннон предпринял экстраординарные меры, опасаясь нового потока риллианских эмоций. Он взял свой шлем с кушетки и надел его.

Бредли была в ужасе.

– Шеннон, не надо. Пожалуйста, Шеннон, я не хотела обидеть тебя. Тебе не позволят никуда пойти, пока Тинг не удостоверится, что прогулка не будет для тебя опасна. Мы очень тебя ценим, помни об этом. Ты же первый пришелец, с которым повстречалось человечество.

Внутри закрытого скафандра Шеннон мог блокировать сверхнизкие частоты, которые излучал риллианин. Ему стало полегче.

– Первый, но не последний, – прошептал он на своем языке. А потом через

громкоговоритель скафандра он сказал женщине, которая так ничего и не поняла:

– Йетс и Есилькова. Маклеод обещал Шеннону Йетса и Есилькову.

Они бы поняли, что он хочет сказать, и помогли бы объяснить своим собратям, что происходит сейчас на их безжизненной Луне. Надо убедить людей не убивать риллианина, чтобы у Шеннона появился шанс убедить риллиан не убивать людей.

Терри одобрила бы его. Это была бесценная возможность, подарок судьбы. Если ему не удастся начать диалог с риллианами, Сообщество Кири навсегда останется в долгу перед человечеством.

Но солдат уже уничтожил один спутник. И уничтожит еще, прежде чем Шеннон доберется до него даже с помощью Йетса и Есильковой.

Шеннон понимал, что его план небезупречен. Но положение, похоже, было безвыходным. Риллианин здесь, чтобы убить его, это его приказ, который он, без сомнения, выполнит, если только не удастся раньше убедить его этого не делать или если люди не прикончат самого риллианина.

Время истекало.

– Йетс, Есилькова, – неумолимо сказал он Элле Бредли через шлем.

Он еще раз проанализировал ситуацию. Риллианин был здесь, и Шеннон был теперь не единственным инопланетянином. Если не удастся поговорить с ним, то Шеннон окажется вместе с Терри раньше, чем ожидал. Но он не боялся. Когда судьба дает шанс, разумное существо пытается его использовать. Теперь ему казалось, что он был рожден для этой встречи с представителем риллиан.

Он был готов. Он больше не бежал от опасности, но шел навстречу ей, пытаясь спасти от гибели юную цивилизацию землян.

Оставалось только сожалеть, что ради этой встречи могут погибнуть разумные существа – люди.

Команда «Кир Стара» была составлена из добровольцев, которые знали, на что идут. Он смотрел на Бредли и думал, что ни она, ни кто-либо другой из ее сородичей, за исключением Йетса и Есильковой, не способен так же пожертвовать собой.

11. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ДЕЛО

Когда комиссар Безопасности занимал кабинет инспектора Безопасности, потому что его собственный кабинет ремонтировался, никто на это не жаловался, если не считать самого инспектора.

И видит небо, Сэм Йетс дал ей в прошлом много поводов к этому.

Соня Есилькова сидела на откидном стуле у стены и смотрела – вернее, испепеляла взглядом Йетса, который в данный момент занимал ее стол, раньше принадлежавший ему. Он мог бы легко посоветовать ей перестать дуться, сказать, что все произошло из-за прищельца, а он сам тут ни при чем. Но это была бы ложь. Он уже поступал так раньше: притворялся, лгал. Так погиб его брак с Сесиль. Конечно, это вовсе не значило, что виноват был он один.

Он сделал то, что сделал. Прошлого не вернешь, но ошибки можно не повторить.

– Соня, – негромко сказал Йетс и только теперь понял, что они впервые остались наедине с тех пор, как поднялась суматоха с прищельцем. – Я виноват. Зря я тогда всполошил тебя этим желтым кодом.

Есилькова хотела откинуться назад, но у стула не было спинки, и она уперлась в стену. Тогда она просто закинула руки за голову, переплетя пальцы. Резко выделились сухожилия на ее обнаженных предплечьях.

Теперь, когда она получила повышение, Соня редко носила форму, как и Йетс, когда он был инспектором. Сегодня она надела бледно-зеленые широкие брюки и шелковый пуловер того же цвета, но немного более насыщенного оттенка. Очевидно, под ним был бюстгальтер, но шелк неплотно и эротично облегал ее груди, так что казалось, что под блузкой больше

ничего не надето.

Есилькова безразлично уставилась в низкий потолок. Ее светлые волосы были так коротки, что почти не откинулись вниз при движении головы.

– Получил по мозгам, малыш, и теперь раскаиваешься? Что, не надо было подпускать проклятых русских к сенсации века?

Эти слова сошли бы за шутку, если бы не тон, которым они были произнесены.

– Проклятье, – вздохнул Сэм. Он не обиделся. Самое главное уже было сделано – он переборол себя и избежал лжи.

Он никогда не говорил Соне Есильковой, что любит ее. Он не любил ее. Но он не хотел разрушать тех отношений, что были между ними. Он ревновал и поступал соответственно, пытаясь доказать, что он – босс и может управлять ею как хочет.

Есилькова опустила голову, и их глаза встретились.

– Я работаю в ООН, – сказал Сэм. – Пока я работаю хорошо, все правительство США в полном составе может заняться коллективной мастурбацией.

Говоря это, Сэм позволил своему голосу немного дрожать, словно от сдерживаемого гнева. Не то чтобы он очень притворялся, но...

– Они могут... – процедила сквозь зубы Есилькова. Ее глаза сузились. – Тейлор Маклеод может вертеть твоей работой и твоей задницей как пожелает. Не надо тут рассказывать, на кого ты работаешь.

– Я не работаю на Маклеода, – отрезал Йетс, сверкнув глазами.

Есилькова промолчала. Она уже видела его таким спокойным раньше. Спокойствие предвещало бурю.

Йетс облизал губы, но это не помогло: язык его тоже был сухой. Он хрипло сказал:

– Я правда ни о чем таком не думал, когда вызвал тебя. Я считал, что так будет лучше. А если кто-то считает, что я поступил неправильно, ни у кого из них не хватило смелости сказать мне это в лицо.

Соня засмеялась и встала.

– Правда? – переспросила она с кошачьим потягиванием, которое Сэм хорошо помнил. – А меня спрашивал один важный чин, была ли какая-нибудь возможность вывести тебя из игры, когда я поняла, в чем дело.

Йетс приподнял бровь.

– Секретарша этого парня прилетает следующим рейсом, – продолжала Есилькова. Она потрянула своими светлыми волосами. – Ее виза затерялась в компьютере, поэтому ее, беднягу, продержали двенадцать часов на пересадочной станции.

Йетс тоже встал, стараясь двигаться осторожно. Быстрые движения на Луне приводили к ударам о потолок или о противоположную стену.

– Им придется крепко подумать, прежде чем они решатся превратить дело с пришельцем в игру «ковбои – индейцы».

– Именно этим уже занимаются ваши во главе с Маклеодом, – проворчала Есилькова.

Сказано было ехидно, но напряжение уже спало, и Йетс остался спокойным. Кроме того, это было правдой. Йетс уже научился более или менее оставаться спокойным, когда в глаза ему говорили правду.

Поэтому он усмехнулся и сказал:

– От нас не жди хороших манер. Кроме того, никто не назначал Маклеода заместителем Господа Бога. Что бы он там ни думал.

– Или что бы там Элла ни думала, – подхватила Есилькова.

Йетс покачал головой. Этот жест относился не к последней фразе, а ко всему их разговору.

Он расслабленно оглядел маленькую комнату. Она стала еще более захлавленной, чем в период его недолгого пребывания тут. Отчасти в этом была виновата Есилькова. В полицейском участке личного пространства не было ни у кого, поэтому у нее выработалась привычка занимать освободившееся место чем попало. Не займешь ты, займут другие

полицейские в следующую смену.

Появилось много новой аппаратуры, которую Йетс как комиссар Безопасности притащил с собой, – она полагалась ему по чину. В трех углах стояли головки голографического проектора, который мог показывать картинки в два раза больше, чем аппаратура, которой пользовался инспектор.

Сейчас все телефоны были отключены, но если бы потребовалось, Йетс мог связаться с Землей или с поясом астероидов через секретный 25 – сантиметровый канал. Для этого у него стоял передатчик, занимающий половину стола.

– Откуда у тебя это? – недоуменно спросил Йетс, показывая на голотанк и стены.

Это был обыкновенный прибор, ничего особенного, но совсем новый. Старая развалина, с которой он намучился, когда еще был инспектором, исчезла.

– Спустя три дня, как я вступила в должность, – осторожно сказала Соня, – пришли какие-то парни, притащили эту штуку и сказали, что это особый заказ от комиссара Безопасности.

– Черт! – ругнулся Йетс. – Черт, да, теперь я вспомнил, это я приказал. Совсем забыл, Соня, – он потер виски ладонями, прикрыв глаза. – Проклятая работа...

– Мы были очень заняты, ты и я... – мягко сказала Есилькова, и ее голос звучал не с того места, где она стояла, когда Йетс закрыл глаза, а ближе.

Он посмотрел на нее. Она легко коснулась его плеча. Сэм взял ее руку в свою и сказал тихо:

– Соня, я позвонил тебе за пять минут до появления Шеннона. Я был зол и...

Он не мог сказать – «я ревновал». Она была замужем. А Сэм был убежденным холостяком, слишком гордым для того, чтобы интересоваться, кто спит с ней.

– Я ревновал, – все-таки сказал он, потому что это было действительно так. Эти слова не сделали его еще большим идиотом, это было невозможно. – Это было в последний раз.

– Мы были очень заняты, – повторила она, проводя пальцами по его груди.

В кабинете не было нормальной двери, а только звукоизолирующая занавеска. Есилькова оглянулась на нее, когда Йетс притянул ее к себе одной рукой. Другой рукой он привычно полез ей под пуловер.

Если комиссар Безопасности настаивает, то она не против, хотя для выполнения того, к чему шло дело, в захламленном кабинете им пришлось бы прислониться к стене.

Йетс никогда не отступал, если дело зашло так далеко.

– Дай, я сама, – прошептала Есилькова, касаясь застёжки своих брюк.

Зазвонил телефон экстренной связи.

Йетс повернулся к столу, где стоял его огромный аппарат.

– Я сказал своим, чтобы никто меня не беспокоил, – проворчал он, протягивая руку к трубке. – Кто это там такой непонятливый...

В трубке раздался длинный гудок, а тревожный звон повторился.

– Извини, Сэм, – пробормотала Есилькова и нажала клавишу своего собственного телефона, который не был отключен.

– Что случилось? – сказала она в микрофон, поправляя пуловер.

– Это с главного входа! – закричал кто-то. Голос трудно было узнать из-за искажений. – У нас тут что-то появилось, посмотрите сами! Это какой-то танк!

– Успокойся и включи видеоканал, Гейтвуд, – сказал Йетс. Он узнал голос, сразу перейдя к делу. Есилькова будет недовольна таким пренебрежением.

– Голографическое изображение, – приказала Есилькова.

– Голографическое изображение, – повторил Йетс, потому что его приемник был настроен на выполнение голосовых команд, которые он отдавал лично. Трехмерное изображение лунной поверхности заполнило комнату. Работали сразу несколько камер, наблюдавших за входом в подземный город, чтобы засекать террористов и контрабандистов.

– Господи! – простонал Йетс. Есилькова выругалась по-русски.

Это был не танк, потому что у танков не бывает четырех ног, но в общем описание

Гейтвуда подходило. Пришелец был длиной около шести метров, его тяжелое, приземистое тело было одето в бесшовный гибкий металл, отливающий кобальтом.

Под куполом, который мог быть шлемом, было две руки. Руки были длиннее ног и сжимали что-то вроде фантастического ружья. Чудовище медленно подняло его к плечу...

– Гейтвуд, беги! – закричала Есилькова. – Спасайся!

12. МЕСТО ВСТРЕЧИ

Дверь была достаточно велика для риллианина. Это было хорошо, потому что ему не хотелось бы продираться по узким туннелям, оказавшись внутри.

Впрочем, если бы была необходимость, он полез бы куда угодно.

Массивная дверь была сделана из титанового сплава, выдерживающего прямое попадание метеорита без нарушения герметичности. Если обитатели подземного города знали о появлении риллианина (а к этому времени они должны были знать), вход наверняка охранялся.

Но это было не так уж важно. Солдат нацелил свое оружие на нижний левый край двери и, постоянно нажимая на спуск, повел стволом вверх и наискосок.

Середина толстой дверной панели превратилась в сгусток плазмы и разорвалась. Во все стороны полетели раскаленные обломки. Кусок титана размером с карточный столик врезался в шлем риллианина. Динамическая броня скафандра, работавшая на принципе все того же А-поля, отразила удар.

Солдат споткнулся и выругался.

Когда броня активировалась, риллианин был неуязвим, но оставался слеп и беспомощен, как во время пространственного перемещения. Реакция брони, собственно, и представляла собой пространственное перемещение: все, что находилось внутри скафандра, выбрасывалось из нормального пространства-времени.

Активация брони проходила быстрее, чем нормальная скорость света, возвращение в пассивное состояние специально немного задерживалось. Весь процесс занимал очень мало времени – не успеешь глазом моргнуть, как говорили инженеры.

Инженерам никогда не приходилось терять зрение и слух в разгар боя, когда аппаратура не работает, а кишки выворачивает наизнанку. Можно моргать глазами во время активации брони, а можно представить, как выдираешь челюсть у инженера, потом – чешую, потом...

Солдат снова мог видеть. Он снова почувствовал, что стоит на твердой поверхности всеми ногами. Он немного сбился с шага, но это было неудивительно. Внешняя дверь шлюза исчезла, на ее месте зиял пролом, по краям которого мерцали искры – последствия пространственного перемещения.

Эта случайная шрапнель послужила ему хорошим уроком. Местные жители не смогут причинить вреда риллианскому солдату, но он сам может причинить себе вред, если будет неосторожен.

Он отошел немного в сторону и выстрелил во внутреннюю дверь с безопасного угла. На этот раз все прошло удачно – только несколько обломков вылетело наружу, основное приложение силы пришлось внутрь.

Солдат шагнул вперед, заставив себя не обращать внимания на мерцание излишков энергии перемещения. Они не смогут пробить его броню, но...

Он вспомнил, и это были ложные воспоминания: существа с длинными шеями и телами, слишком массивными даже для риллианина, смотрели на него бессмысленными коричневыми глазами, а их челюсти неторопливо перемалывали что-то, двигаясь из стороны в сторону.

Только не здесь, не сейчас, не с ним! Очевидно, это был безвредный побочный эффект применения нового оружия.

И он не стал стрелять снова, войдя в разрушенный шлюз, как сначала собирался

сделать.

Внутри шлюза он наткнулся на труп. У существа было четыре конечности, оно ходило на двух, выпрямившись, пока было живо.

Шарики плазмы, желтые и голубые, весело прыгали по широкому коридору, тянущемуся перед ним, – видимо, в стенах были проложены кабели и трубы, притягивающие плазму. Когда содержимое каждого шарика возвращалось в нормальное пространство-время, они взрывались. Взрывы звучали приглушенно. Атмосфера быстро улетучивалась из шлюза.

Кислородная атмосфера. Это было хорошо. Новое оружие имело специальный предохранитель, ограничивающий его применение в хлориновой атмосфере, которой дышали риллиане. А-поле в хлорине вело себя непредсказуемо.

Риллианского солдата выбросило из нормального пространства-времени, потом он снова вернулся, потом весь цикл повторился несколько раз.

В промежутках между активацией брони риллианин видел, что один из туземцев стреляет в него из ручного оружия. Снаряды, выпускаемые им, были бы безвредны, даже если бы риллианин стоял перед ним голым.

Туземец не имел ни защиты, ни дыхательного аппарата, хотя теперь атмосферное давление должно было стать гораздо ниже, чем требовалось для поддержания его жизни. И каждый раз, когда безвредный снаряд ударял по броне, она активировалась, и бессмысленный скафандр, запрограммированный глупыми инженерами, выбрасывал риллианина в ад...

Пребывание там длилось примерно столько же, сколько проходило до следующего удара маленьким снарядом.

Риллианин вернулся в нормальное пространство, и скафандр временно перестал издеваться над ним. Он повернулся и нажал на спуск своего оружия. Его внутренности напряглись, ожидая боли от нового перемещения. Голографическая прицельная панорама исказилась, когда А-поле уничтожило часть пространства.

Туземец бросил свое опустошенное оружие и поспешил к люку возле шлюза, но дверь автоматически захлопнулась при понижении давления воздуха.

Риллианин снова нажал на спуск, затаив дыхание, а потом заглянул внутрь, в пролом, туда, где раньше была входная дверь в шлюз. Его зрению открылся широкий коридор с закрытыми дверями по бокам. Кое-где стены были прозрачными, и можно было видеть, что творится внутри. Светильники под потолком испускали свет, соответствующий по частоте излучения местной звезде, отфильтрованный разреженной кислородно-азотной атмосферой.

Местное атмосферное давление, кстати, начало расти. За спиной риллианина пролом в шлюзовых дверях быстро заполнялся какой-то зеленоватой застывающей пеной. Солдат не обратил на это внимания. Он мог пробить другое отверстие в любом месте.

Солдат направился дальше, по следу элевенера. Впереди по коридору открылось несколько дверей, он выстрелил, чтобы туземцы не вертелись под ногами. Он старался применять оружие осторожно, но все-таки поток раскаленного воздуха от следующего выстрела заставил защиту сработать, и его опять выбросило из нормального пространства.

Проклиная инженеров, командира и самого себя, он вернулся в обычную вселенную. Каждый раз, когда броня включалась, он испытывал неодолимый страх.

На дальней стене, куда попал выстрел, образовался глубокий кратер из расплавленного металла и камня, похожий на спиральную туманность. Солдат теперь понимал, что от применения оружия надо было ждать любой неожиданности. Эффект был непредсказуемым и впечатляющим.

Например, то существо, что стреляло в него, попало в фокус А-поля. Его ноги забросило далеко в коридор. Риллианину показалось, что обрубок тела туземца еще шевелится.

Впереди из-за поворота выехала оранжевая машина на колесах. Попад в сферу действия А-поля, она бесследно исчезла.

За его спиной из-за перекрестка выехала другая машина, голубая, в ней сидело шестеро

вооруженных туземцев. Риллианин, увлекшись продвижением вперед, не успел вовремя подготовиться к нападению. Он выстрелил, но маленькие злобные снаряды выбросили его из реальности.

Когда он вернулся назад, его тошнило, наполовину от ожидания того, как снова и снова проклятый скафандр будет совершать перемещения, пока он не сможет...

Но ничего не было. Машина превратилась в посверкивающие вспышки межпространственного перемещения. Он успел нажать на спуск до того, как снаряды ударили его, и сумел правильно прицелиться.

Они не могли причинить вреда риллианскому солдату, эти мягкие существа о четырех конечностях, которые стреляли в него. Но, похоже, они собирались мешать ему, и пока это у них получалось.

Он выстрелил, долго не отпуская курка. На этот раз обратной волны энергии и обломков не было. Поток холодного пламени пронесся по коридору, отделяя огненные ручейки на каждом перекрестке, как виноградная лоза, стремящаяся к солнцу. Риллианин не слышал взрывов и шума – они лежали в глухой для него полосе частот, только пощелкивание, когда разрывалось и сжималось пространство-время.

Обитатели этого кроличьего садка смеют сопротивляться? Тем лучше. Было бы хорошо, если бы с ним был напарник, но он и в одиночку сумеет защитить спину.

Риллианский солдат направился дальше, стреляя в каждую дверь, попадавшуюся на пути.

13. ТОРЖЕСТВЕННАЯ ВСТРЕЧА

Гейтвуд настроил камеры на пришельца, вход в шлюз не попал в объектив, поэтому двое в кабинете Есильковой не знали, какой эффект произвело оружие чужака.

Когда голографический проектор все-таки показал часть шлюза, Йетс сразу понял, что произошло.

Пыль и газ, вырывающиеся из взорванной двери, образовывали нестойкую атмосферу у шлюза, посверкивающую в свете солнца. Может, из-за этого изображение пришельца было размытым, но что произошло, когда в эту тварь попал кусок двери? Полтонны титана было достаточно, чтобы избавиться от чужака, если даже шестиногий был бронирован, как эсминец.

Если обломок не убил существо (а он его не убил), то должен был, по крайней мере, отбросить его назад... Но вместо этого оно на мгновение исчезло, и кусок титана пролетел сквозь него без всякого видимого удара.

Йетс решил потом посмотреть это место записи еще раз. Если останется в живых.

– Всеобщая тревога, – сказал он. – Метеоритный удар, поврежден главный шлюз.

Если бы он сказал правду о том, что происходило на стереозкране, больше не управляемом Гейтвудом, то в штабе могли бы потребовать объяснений, а что касается повреждения главного шлюза, сотрясение пола подтвердило, что оно как раз и произошло.

Всеобщая тревога давала ему как комиссару Безопасности приоритетный контроль над всеми коммуникационными системами колонии ООН. Телефон и голотанк Есильковой за микросекунды перестроились на восприятие его голоса.

Голотанк создал миниатюрное изображение пришельца. Есилькова понимала, что информация очень важна, она переключила голотанк на прием с камер, расположенных в коридорах на каждом перекрестке.

– Всем сотрудникам Безопасности, – продолжал Йетс, переключившись на закрытый канал. – Бронированная машина только что разрушила главный вход. Всем сотрудникам, не находящимся на дежурстве, срочно прибыть в участки для получения оружия и дыхательных аппаратов. Патрульные офицеры, ведите своих людей к месту происшествия, но осторожно. Эта штука очень опасна, я не знаю, чем ее можно остановить. Дежурный офицер, принимайте командование операцией.

Йетс говорил, роясь в среднем ящике стола Есильковой. Она наклонилась к нему и открыла нижний ящик.

– Здесь, – сказала Есилькова, вкладывая ему в руку станнер. Теперь это был ее стол, и она хранила оружие не там, где Йетс.

Но он не должен брать ее станнер.

У Есильковой на поясе висела небольшая плоская коробочка, которой было удобно пользоваться и при низкой гравитации. Когда свет падал на нее прямо, она казалась белой, но когда Есилькова открыла коробку, цвет стал красным, флюоресцирующим.

– Мой тут, – объяснила она. Ее рука вынырнула наружу с зажатым в ней станнером. В отличие от Йетса, она всегда носила оружие, даже если была без формы. – Но это его не остановят, – добавила она, кивая на голотанк, где существо продвигалось вперед тяжелыми прыжками, то и дело стреляя. Все, во что были направлены выстрелы, либо загоралось, либо взрывалось, либо просто исчезало.

– Выключить голограмму, – приказал Йетс искусственному разуму, контролирующему стереозэкран. Изображение, окрашивающее полуобнаженное тело Есильковой в полутона, исчезло.

Из всех приказов, отданных сегодня Йетсом, этот пока был самым разумным.

Пришелец дошел до первого перекрестка и направился дальше по коридору Е, предварительно стрельнув вправо и влево, уничтожив освещение. Судя по сотрясению пола, была также уничтожена какая-то важная система жизнеобеспечения. Бюро Утилизации не сможет исправить все эти разрушения, если Служба Безопасности не заставит чудовище прекратить свои безобразия.

Йетс отвечал за безопасность. Надо было что-то предпринимать, но что? Скорее можно научиться дышать в вакууме, чем остановить пришельца. Кстати, умение дышать в вакууме, похоже, скоро пригодится.

Соня схватила свой телефон. Йетс не слышал, как она называла номер, но даже если бы и слышал, это ему бы не помогло: он знал русский настолько, что мог только поблагодарить за рюмку водки на вечеринке.

Черт! Ну конечно!

– Банк данных, – сказал он. – Миссия США. Сортировка по военным чинам. Список телефонов.

Голотанк показывал, как лимузин, который как-то смог прорваться сквозь полицейский кордон, горел на перекрестке коридоров Е и 25. Пассажиры, с виду латиноамериканцы, разбегались в трех направлениях.

На сорокастрочном дисплее телефона Йетса загорелся список номеров.

Завитки огня срывались с медленнодвигающегося автомобиля. Пламя настигло бежавшие фигурки, не задевая ничего другого, и пожрало их.

Генерал, генерал... какой-то полковник. Военный персонал дипломатических миссий не всегда носил форму, но их личные дела содержались в компьютерных архивах визово-эмиграционного отдела.

Вот оно! Лейтенант-полковник Руфус Уильям Бердуэлл, морская пехота США. Атташе в миссии Южного региона – на это Йетсу было наплевать, как и самому Бердуэллу, вероятно.

– Телефон, – сказал Йетс. – Бердуэлл, срочно.

Если требуются люди, способные во весь рост наступать под пулеметным огнем, следует вызвать морскую пехоту. Если нужно остановить пулеметный огонь, для этого обычно используют другие методы и другой персонал, но бывают случаи, когда приходится отходить от установленных правил.

Сейчас как раз такой случай. Чудовище на экране голотанка повернуло на Двадцатую авеню. Его красный скафандр на мгновение исчез, когда взрывная волна от его собственного оружия вернулась назад, отразившись от стен. Тела в униформе, куски тел в униформе, смятые синие автомобили свидетельствовали о бесплодности попыток патрульной службы остановить вторжение.

– Какого черта? – проворчал совершенно лысый краснолицый человек с плоского экрана.

– Полковник, я комиссар Безопасности, – подчеркивая каждое слово, проговорил Йетс. – Мое имя Сэмюэль Йетс, американский гражданин. Ветеран никарагуанской кампании, Серебряная Звезда, Пурпурное Сердце.

Он не сказал, что был тогда сержантом и ползал по джунглям в поисках существ, которых надо было убивать... и находил их, очень часто находил их. Полковника не очень впечатлил изложенный послушной список.

– Какого черта? – повторил он несколько другим тоном, так что фраза не была самоплагиатом. Полковник был в пижаме. Не теряя времени, во время разговора он успел стянуть с себя ее верхнюю часть, видимо, он не знал, что у Йетса есть канал видеоизображения, или просто не придавал этому значения.

Есилькова что-то кричала в свой телефон, кто-то из трубки кричал на нее в ответ. Шум не мешал Сэму Йетсу. Он занимался делом. Выстрелы и вопли не беспокоили его, когда он вызывал артиллерийский огонь, зная, что ошибка в координатах на пятьдесят метров приведет к тому, что от него останутся ошметки.

– Полковник, к нам ворвалось нечто, напоминающее танк, оно с боем прорвалось через главный вход и сейчас движется по Двадцатой авеню. Мои...

– Русские? – рявкнул Бердуэлл, натягивая рубашку цвета хаки с нашивками на левом кармане и с названием подразделения на правом. – Что затеяли эти ублюдки?

В работе с морской пехотой есть свои плюсы и минусы...

– Никак нет, сэр, – четко ответил Йетс. – Это террористическое нападение, и красные помогают нам остановить его. Мои люди, – он вернулся к своей мысли, на которой его перебили, – вооружены только станнерами. Нам нужны автоматические винтовки и плазменное оружие. Нам нужны вы и помощь миссии США.

– Комиссар, я не могу подтвердить или отвергнуть... – начал было Бердуэлл.

– Полковник, нет времени для болтовни, – оборвал его Йетс. – Мои люди погибают там со своими игольчатыми станнерами, и я собираюсь присоединиться к ним. Я...

– Поймите, я не могу...

– Свяжите своих людей с моим начальством, – продолжал Йетс, словно его не прерывали. – Им дадут указания. Полковник, я не могу вам приказывать. Но если вы человек и американец, мне не придется этого делать. Конец связи.

Полковник Бердуэлл успел моргнуть, перед тем как отключилась связь.

Соня швырнула трубку на аппарат, все еще бормоча что-то по-русски.

– Проблемы? – поинтересовался Йетс, проходя мимо нее к двери.

– Проклятье, – процедила она, поднимаясь. – У нас будут плазменные излучатели, но только через час. До этого придется драться голыми руками.

– Н-ничего, скоро здесь будут войска, – ответил Йетс, слегка запинаясь от избытка адреналина в крови.

Когда они выходили из кабинета, вокруг чудовища в голотанке взрывали газовые гранаты. Двое мужчин в гражданской одежде, пригнувшись, стреляли в белое облако газа. Изображение пришельца на мгновение исчезло. А потом волна света пожрала газ и людей, их одежда вспыхнула, лица мгновенно обуглились.

– Только... – буркнул Йетс себе под нос. – Боюсь, это не поможет.

14. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ПРИКАЗОВ

Едва началось совещание командования флота, как между проходами зашныряли личные секретари присутствующих, показывая каждым движением, что у них неотложные дела к их хозяевам.

Генерал Монтэпо Сандерс величаво махнул своему секретарю, едва не задев при этом собеседника. Сандерс сидел не с американской делегацией, а с советским математиком

Султаньяном, и его помощник мог его не заметить.

Тейлор Маклеод стоял на трибуне, представляя присутствующим Дика Квинта. Его секретарь не мог к нему пробиться и был вынужден ждать в проходе. У Сэнди было преимущество – он мог узнать, в чем дело, раньше Маклеода. Он даже губами причмокнул от удовольствия. Не каждый день удастся подсидеть одного из коллег. Интересно, что же все-таки случилось?

Тем временем Султанян, советский армянин, телосложением напоминавший буйвола, говорил ему:

– Не поймите меня превратно, генерал. Вы должны понимать, что до сих пор мы используем только скалярные поля как примитивный инструмент для генерирования других полей, например, поле Ахаронова – Бома, оно применяется в коммуникационных системах. Поэтому А-потенциал будет иметь огромное значение. Это дело национальных интересов...

– Прошу прощения, доктор Султанян, – перебил его Сэнди, когда секретарь добрался до его кресла. – Я сейчас вернусь, и мы продолжим разговор, – он хлопнул собеседника по колену – советские любят физический контакт. – Ваши рассуждения чрезвычайно интересны. Чрезвычайно.

Султанян на совещании выполнял роль Московского радио: пытался убедить американцев, что Советам удалось получить от пришельца информации не больше, чем получили они.

Советские секретари тоже были здесь, сообщая что-то Рускину, влиятельному генералу Варшавского Договора, который по чину был равен Сандерсу, и Минскому, резиденту КГБ на Луне.

Похоже, что Маклеод будет последним на Луне, кто узнает, что стряслось.

– Что там, сынок? – спросил Сэнди у поджидавшего его лейтенанта, который в их конторе занимался секретарской работой.

– Сэр, – губы лейтенанта были синими, когда он наклонился к уху генерала. – Мы потеряли спутник связи, похоже, ведется нечестная игра. В штабе спрашивают, вернетесь ли вы в офис, мы считаем, что вам надо просмотреть данные...

– Просмотреть данные, – зарычал Сандерс, забыв, что надо говорить тихо. Узнав, что действительно произошло, он потерял контроль. – Ты понимаешь, что говоришь, сынок? Русские затеяли свару! Вот и все данные. Что еще? По дороге можешь рассказать мне подробнее.

Он схватил юнца за руку и потащил к дверям, забыв про Маклеода. Пикировка с Тейлором хороша в мирное время, которое внезапно закончилось. Взорвать спутник! О чем, интересно, думают проклятые русские?

– Мы никогда не видели ничего подобного, – слова лейтенанта остановили поток возмущенных мыслей Сандерса; гнев на русских, шок от начала войны – все было забыто. Он внезапно с холодной ясностью понял, что произошло. Последняя мировая война.

– Сэр, – снова заговорил лейтенант, прикрывая рот рукой, чтобы не видно было движений губ, по которым можно разобрать слова (потолок и стены коридора были напичканы подслушивающей и подглядывающей аппаратурой), – эта штука взорвала еще и главный вход. Мы думаем, что эта тварь также расправилась со спутником. Она уже внутри и разрушает все на своем пути. Ее ничто не берет, мы несем потери. Безопасность просит дать им плазменные излучатели, но пока ее ничто не берет. Может быть, САР...

– Что внутри? И какой идиот решил использовать специальные атомные разрушители внутри колонии?

Сэнди сжал кулаки. Тут он понял, что никто еще не решил использовать САР. Пока. Именно поэтому прислали лейтенанта, он должен был ввести Сэнди в курс дела, чтобы тот, как самый высокопоставленный офицер на Луне, разрешил то, что было необходимо.

Сандерс не осознавал, что куда-то идет, не видел, что между креслами идут Минский и Рускин со своими посыльными.

– Что это за штука? – хрипло спросил он, облизывая внезапно пересохшие губы. В

других обстоятельствах его тон прикончил бы лейтенанта на месте. – Новое экспериментальное оружие Советов? Атомная самоходка? Что?

– Наши эксперты думают, что это не русские, – лейтенант покосился на советских представителей, идущих впереди него к дверям. – Мы не можем понять, что это, сэр, – убито сказал лейтенант, протягивая руку, чтобы остановить колеблющуюся после прохода Минского дверь. – Но мы работаем над этим. Комиссар Безопасности вызвал морских пехотинцев Верди, и...

– По чьему распоряжению он сделал это? Я должен быть на месте происшествия, – они вышли из комнаты, и только теперь Сандерс понял, как там было душно. Он стер со лба едкий пот, наблюдая, как Минский и Рускин садятся в ожидавшие их ЗИЛы.

– Но, сэр, весь район схватки оцеплен. Красный код – нарушение герметичности. Йетс только использовал свое право вызвать подкрепление... Все ждут ваших приказаний.

– Немедленно туда, я тебе это уже сказал, сынок.

Парнишка, по сути дела, преградил ему путь. Сандерс сначала раздумывал, не отбросить ли его с дороги, просто толкнув в тщедушную грудь, но потом решил этого не делать.

В конце концов, он прав. Командир не должен лезть в пекло. Битву выигрывают с помощью приказов и телефонных звонков.

– Ладно, малыш. Возвращаемся в штаб, быстро.

Он сел в машину, мельком подумав, что было бы хорошо, если это «нечто» расправится с Минским и Рускиным, если они поедут к месту боя, а не в свои офисы.

Уже на пути к штабу ему пришла в голову мысль, что «это» скорее может иметь отношение к пришельцу-кирианцу, чем к террористам или к советским штучкам.

Неопознанный танкоподобный предмет, который он разглядывал на мониторе своего лимузина, не был похож на что-либо, что Советы, не говоря уж о террористах, могли бы сконструировать. Это было хорошо.

Хотя нет! Скорее, это было ужасно. Танк, словно вестник Армагеддона, разрушал колонию. Сандерс вспомнил, как Султанян распространялся насчет применения А-поля в качестве оружия. Он говорил, что Советы не смогут это осуществить и вряд ли кто-нибудь сможет.

Теперь он своими глазами видел, что кто-то смог. Монтэпо Сандерс знал все типы оружия. То, что использовал танк пришельцев, ни Советы, ни США не могли вообразить себе даже в мечтах.

Или в ночном кошмаре.

15. ВЕКТОРЫ

– Видишь, куда он направляется? – прошептала Соня, когда они вышли в коридор.

– Точно нельзя сказать, – начал было Йетс и остановился, увидев, что к ним идут двое мужчин.

Двое. Оба высокие, молодые, оба в гораздо лучшей форме, чем Йетс в свои лучшие дни.

Их костюмы были тоже лучше, чем одежда Йетса даже сейчас, поэтому он сразу понял, из какой организации эти двое.

– Комиссар Йетс, – сказал один из них, в сером шелковом костюме. – Мы должны...

– Малыш, как-нибудь в другой раз, – сказал Сэм. – Мы очень-очень спешим.

Йетс открыто вытащил станнер, направив дуло вверх. Он пошел прямо на них, его мышцы инстинктивно напряглись, ожидая сопротивления.

Они отпрянули в стороны, втянув свои и без того плоские животы. Йетс и Есилькова прошли между ними, никого не задев.

– Сэр, – не отставал парень в сером костюме. – Мы должны доставить вас и инспектора Есилькову к Маклеоду.

Еще двое парней Маклеода, ростом не уступающие первой паре, вышли из-за поворота впереди. Йетс оказался окруженным с четырех сторон, позволил себя поймать, как идиот. Теперь он даже не мог стрелять, чтобы прорваться.

– Послушайте! – отчаянно крикнул он, отступая назад. – Что-то ворвалось внутрь и разрушает всю колонию! Я поговорю с Маклеодом потом, после всего этого!

Если они будут еще живы к тому времени. Если кто-нибудь будет жив вообще.

Он быстро огляделся. Впереди по коридору стояло множество столов, но работали только три клерка. У них еще было время выхватить аварийные дыхательные аппараты из ящиков столов, но они стояли, с любопытством разглядывая Йетса и тех, кто окружал его...

...И еще четырех людей Маклеода, стоявших парами вдоль стены. Двое из них держали перед собой полуоткрытые атташе-кейсы. Йетс готов был поспорить, что там у них было что-нибудь посущественнее, чем игольчатые станнеры.

Господи! Видимо, подчиненные Йетса чересчур тщательно выполнили его приказ не пропускать телефонные звонки ему в кабинет. Маклеод, наверное, озверел, пытаясь дозвониться, и послал такую внушительную команду.

– Прошу прощения, сэр, – сказал серый костюм так вежливо, что это действительно прозвучало как извинение. – Наши инструкции вполне ясны. И чем скорее мы отправимся...

Соня молчала. Она была не шокирована, но гораздо больше потрясена, чем Йетс. Одинаковые события оказывают разное влияние на различных людей, и для советской подданной оказаться арестованной американской спецслужбой – это... Она не могла сбежать, но могла заставить их убить ее, а тогда... Йетс свободной рукой обнял Есилькову.

– Все будет в порядке, – прошептал он. – Спокойнее. Все будет хорошо.

– Зараза, – прошептала она в ответ. Йетс почувствовал, как ее рука судорожно обвилась вокруг него. Она не хотела умирать, Йетсу тоже не хотелось, чтобы ее убили, почти так же сильно.

Две шестиместные машины ждали их за дверями. Другого движения почти не было. Несколько пешеходов бежали по лентам, без нужды сжимая в руках дыхательные аппараты. Немногие решались выйти из квартир – только те, кто спешил добраться до родственников или любимых.

Внутри – там было безопасно. Все комнаты колонии имели герметичные двери и могли быть изолированы от коридора. Система циркуляции продолжала бы снабжать воздухом каждое неразрушенное помещение.

Завывая сиреной, мимо промчался оранжевый фургон Службы Утилизации. Частных машин не было вовсе. Богачи, сумевшие достать для себя запрещенные в принципе на Луне личные автомобили, тихо сидели по домам. У них не было людей, ради которых можно было бы рискнуть жизнью.

Пол под ногами содрогнулся три раза подряд. Секундой позже раздался один слитный звук взрыва, достаточно громкий и сильный, чтобы несколько пешеходов остановились.

– Садитесь в машину, – равнодушно сказал один из агентов. Одновременно он ловко залез рукой в поясную сумку Есильковой, вытащил оттуда станнер и кинул его своему ближайшему товарищу, даже не посмотрев, готов ли тот поймать его.

Есилькова якобы не поняла, что ее приглашают занять место в крытом автомобиле, и демонстративно развалилась на среднем сиденье открытой машины.

– Быстрее, – агент в сером костюме ухватился за ствол оружия Йетса, зажав его между наманикюренными большим и указательным пальцами. Он потянул станнер на себя, его коллеги отпрянули в стороны.

Йетс ухмыльнулся.

– Тебе он правда нужен, сынок? Бери, но если я сниму палец с курка, грянет взрыв, который разнесет весь квартал.

Двое ближайших агентов с проклятьями отскочили. Хватка серого костюма ослабла, а его рот приоткрылся на долю сантиметра. Йетс уронил станнер на колени Есильковой и уселся рядом с ней.

– Спасибо, что дала эту игрушку, – тихо сказал он ей. – Теперь она не понадобится.

– Поехали, – закричал с заднего сиденья серый. – Мы уже опаздываем!

Другой охранник запрыгнул на ходу, когда машина уже набирала скорость. Сзади в закрытый автомобиль торопливо забирались оставшиеся пять агентов.

Есилькова вздохнула. Держа станнер за рукоятку, она передала его назад через плечо, не оглядываясь. Поколебавшись секунду, агент забрал его.

– Не время играть с ними в игры, солдат, – усмехнулась она Йетсу, слегка отвернув лицо в сторону.

Йетс провел указательным пальцем вдоль ее шеи.

– Нельзя позволять им много, Соня, – сказал он с наигранной веселостью. – Иначе будет хуже.

Он обернулся и посмотрел на агентов, сидящих за ними. Их симпатичные молодые лица были так же напряжены, как лицо Есильковой в коридоре при аресте. Это будет ребятам хорошим уроком. Пусть учатся, как обращаться с бомбой, иначе в один прекрасный день будет слишком поздно.

В противоположном направлении без сирен и мигалки промелькнула патрульная машина: движения по коридору не было, и предупреждать было некого. Где-то далеко слышался унылый двухтонный вой – кто-то все-таки использовал сирену.

– А на переднем сиденье, – обратился к Есильковой Йетс, – был капитан Арамский из третьего сектора?

Он хорошо контролировал свой голос, но кулаки его сжимались и разжимались, словно он душил змею.

Впереди, вдоль куска коридора длиной в триста метров, внезапно погасло освещение. Три секунды машина ехала в темноте, а потом тускло засветился потолок. Встроенные рений-кадмиевые источники могли работать годы без подзарядки. Может быть, спасатели с Земли оценят этот вид освещения, когда придут сюда, чтобы поинтересоваться, что же все-таки произошло с лунной колонией.

– Да, – ответила Есилькова тем же безразличным тоном. – Отличный офицер в те редкие дни, когда трезв, – она помолчала, потом добавила: – И мне кажется, я знаю остальных парней тоже.

Они были в гражданской одежде. Высокие и такие здоровые, что каждый занимал в два раза больше места, чем обычный человек. На коленях у них были квадратные металлические коробки с ручками.

– Это ваши! – воскликнул Йетс. – Они тебя послушались. Скрести пальцы на счастье.

– Это были охранники из советского посольства, комиссар, – неожиданно сказал сзади агент.

Йетс вздрогнул и обернулся к нему. Закрытая машина нагоняла их в пятистах метрах. Ее скорость – около пятидесяти километров в час – была необычна для лунной колонии.

– Спасибо, – сказал ему Йетс. – Ты, дружок, не скажешь, куда мы едем?

– Э-э, ну туда, где был ваш кабинет, комиссар. Мистер Маклеод не объяснил нам, зачем вы ему понадобились.

Удар, с потолка посыпалась пыль. На мгновение автомобиль оказался в душном темном облаке. Фары на лунные машины не ставили, потому что коридоры освещались всегда, и в них не было нужды. В облаке пыли от фар толку все равно не было, но если погаснет все освещение...

– Сэр, моя фамилия Стюарт, – неожиданно добавил серый костюм.

– Джэб? – предположил Йетс.

– Джим, сэр, – преданно ответил Стюарт. – Джеймс Эвелл Браун Стюарт... Но я использую иногда инициалы вместо имени – Джэб.

– Прямо одна большая счастливая семья, – проворчала Есилькова.

Следовавший за ними закрытый автомобиль проезжал перекресток Н – 3. Из бокового коридора вылетел огненный зигзаг и коснулся машины. Все восемь встроенных в колеса

двигателей одновременно взорвались синими вспышками. Горящий автомобиль остановился, и оттуда никто не вылез.

– Мы уже почти добрались до места, – заметил Йетс, отводя глаза в сторону.

И не только они.

– Говорила я тебе, что оно направляется сюда, – произнесла Есилькова с мрачным удовлетворением.

16. МЯТЕЖ РАЗВЕДКИ

Инструкция КГБ, которую Соня Есилькова изучала во время своей подготовки для работы на Луне, гласила:

«Главная трудность в борьбе с американской доктриной состоит в том, что американцы, как правило, не читают своих инструкций и часто не следуют своей собственной доктрине».

Эти слова пришли ей на ум, когда она, как преступница, ехала в машине американской разведки, а вокруг царил хаос. Доктрина в тот момент заключалась во взаимодействии между союзниками. Но американцы всегда в чрезвычайных ситуациях смотрели на Советы как на врагов. Даже статус ООН и заступничество Йетса не могли защитить ее от ареста.

А холеный молодой человек, который возглавлял арест, мог запросто застрелить ее, если бы не Сэм. Вернее, если бы не комиссар Йетс. Нельзя больше поддаваться фальшивому ощущению безопасности, что, если она спит с Йетсом, он может защитить ее. Американские чиновники ничем не отличаются от советских: дружба и любовь не дают никаких привилегий, ничего.

Как она могла это забыть?

Минский был прав. Она оказалась в центре событий – слишком близко, чтобы разглядеть проблему. Минский был всегда прав, иначе он бы не стал резидентом КГБ на Луне. В этом было мало хорошего. Ее близкие отношения с Йетсом и особое положение в глазах Шеннона только навредили ей. Как любой подвыпивший русский, она сама разрушила свою карьеру.

Жизнь – водка, водка – жизнь, чистая, без цвета и без запаха. Почему она всегда уступала Йетсу, его мальчишескому взгляду, когда он лез к ней под блузку?

Она больше злилась на себя, чем на американцев, воспользовавшихся ее глупостью. Гнев душил ее: если за этим не последует секс, то сойдет и насилие для разрядки.

Надо контролировать свое состояние, иначе произойдет конфликт, прямо здесь, среди врагов из ЦРУ, красивых парней в красивых костюмах.

Она смотрела в заднее окно на перевернутую горящую машину, где обугливались уже некрасивые американские оперативники. Потом Стюарт подвинулся и заслонил собою зрелище.

Больше смотреть было не на что, разве на Стюарта и его товарища. Эти двое здорово натренированы. Они расположились на сиденье так, чтобы пресечь любые попытки пленников к сопротивлению, например, если Есилькова вытащит откуда-нибудь ненайденное оружие и воткнет его в живот водителю. Или в горло. Или в ухо.

Она тряхнула головой и принялась смотреть вперед, предпочитая хаос, творившийся впереди, молчаливым фигурам американских оперативников. Она вспомнила изречение, предписываемое одному видному германскому военному: «Американская армия хорошо действует в военное время потому, что война есть хаос, а в американской армии хаос практикуется ежедневно».

Американской армии придется сегодня показать себя на Луне. Советские войска... если эту штуку можно забросать телами, начальство, не колеблясь, пожертвует всем контингентом, чтобы спасти колонию.

Даже явно параноидальный Минский, выдающийся полковник КГБ, не смог предусмотреть такого развития событий. Минский никогда не упоминал ни о врагах с других

планет, ни об уничтожении неизвестного агрессора любой ценой.

Правда, когда она позвонила в штаб и подняла тревогу, ей сказали, что Минский оставил такой приказ: «Обеспечить сохранение в тайне сведений об оружии пришельцев любой ценой, желательно, чтобы американцы не знали об этом».

Минский никогда не считал, что дело может повернуться таким образом. Минский говорил ей, что из ее отношений с Йетсом не выйдет ничего хорошего, но Партия не возражала против секса, получая, благодаря ему, от Сони информацию об американцах. Минский говорил ей, что у нее еще будут проблемы с американцами из-за Шеннона. Минский говорил, что существует большая вероятность, что она окажется в такой вот машине, окруженная симпатичными молодыми людьми, от которых Йетс не сможет ее защитить.

Но Минский никогда не говорил, что пришелец приведет за собой своего могущественного врага, и что войска будут мобилизованы, и всем будет грозить смертельная опасность.

Но в конце концов КГБ часто говорило часть правды, необходимую только для получения нужных им результатов.

В тишине, нарушаемой лишь отдаленным воем сирен, она вспоминала, что Минский сказал ей.

Некоторые его предсказания полностью сбылись, а тогда она их не понимала. Минский сказал, что Султаниян близок к решению, которое «даст нам в распоряжение море энергии и сделает СССР неуязвимым против империалистической агрессии США». СССР будет бесспорным владыкой не только окололунного пространства, но и всей вселенной.

Такие речи она слышала уже много раз в душных курилках по ночам. Разговоры о погодном оружии, неразрушимых системах связи, холодных взрывах, обменах энергии с другими измерениями; слухи о лучевых ружьях, замораживающих кровь во вражеских солдатах, разрушающих танки, корабли и самолеты с огромного расстояния.

Разговоры были всегда, но на самом деле ничего не происходило. На Шарушагане и других секретных объектах исследования велись с тех пор, как она была ребенком. Скалярные волны пронизывали всю вселенную, и целью Султанияна было найти им применение, на Западе считали, что скалярные поля представляют лишь академический интерес.

Но Султанияну так и не удалось получить потенциал А-вектора из скалярных полей. Сейчас он пытался сделать это с помощью Шеннона и его передатчика. Минский сказал, что если передатчик может быть построен, Советский Союз получит небывалое оружие, а США останутся за бортом, потому что они до сих пор обращали мало внимания на А-потенциал в своих исследованиях.

Тогда Есильковой были даны инструкции внимательно слушать все, что говорит пришелец, даже туманные намеки могут помочь Султанияну. Хорошо бы получить от Шеннона твердое доказательство, что оружие, основанное на А-поле, может быть действительно построено.

Доказательства были сейчас повсюду, они с легкостью разрушали колонию, словно она была сделана из папье-маше. И доказательства могли уничтожить все, прежде чем какая-нибудь из стран найдет против них защиту.

Неудивительно, что американцы потеряли голову. Но каждый раз, когда это с ними происходит, они рушат все вокруг. Стоит только вспомнить Вьетнам, Чили, Филиппины, Ливан, Кипр, Панаму – список бесконечен.

Она не имела права надеяться, что Сэм Йетс защитит ее. И она не может позволить себе оказаться на допросе у Тейлора Маклеода и его друзей. Ее уже дважды допрашивали – один раз в МВД, а другой раз в КГБ после раскрытия заговора африканеров. Она прекрасно знала, что молчать на таких допросах невозможно.

И хотя она знала немного, но информация, которой она владела о проектах Султанияна насчет А-поля и планах Минского, ни в коем случае не должна попасть в руки США.

Она искоса посмотрела на Йетса и коснулась его руки, крепко сжатой в кулак. Это могло показаться непрофессиональным, но ей нужна была просто человеческая поддержка. Ей надо было выразить то, что невозможно, запрещено говорить вслух.

И Йетс опустил голову, поймал ее ладонь в свою и сказал снова:

– Все будет хорошо, Соня, все будет хорошо.

– Как ты можешь быть в этом уверен? – возразила она. – Ведь эта штука уничтожает все на своем пути.

– Она еще не уничтожила нас, малышка.

– Пока, – пробормотал товарищ Стюарта с заднего сиденья.

Есилькова обернулась, положила руку на спинку, а подбородок – на руку и улыбнулась им. Если они хотят поехидничать, что ж. Она не прочь.

– От имени моей страны выражаю вам соболезнование. Гибель ваших оперативников в машине потрясла меня.

– Спасибо, мадам, – ответил цэрэушник, который был младше по званию. – Однако еще рано надевать траурные платья, нам надо еще самим...

Стюарт толкнул его в бок.

– Инспектор Есилькова, может быть, вы знаете что-нибудь, что помогло бы нам справиться с нападением?

Этот вежливый вопрос совершенно взбесил Йетса. Он резко развернулся, едва не отломав переднее сиденье вместе с шофером, который стоически переносил все, сосредоточившись на управлении.

– Если бы она знала что-либо, разве она не сказала бы это сразу, а, сынок? Ты думаешь, ей не грозит та же опасность, что и всем? Или она едет в другой машине на пикник?

– Сэм, прекрати, – попыталась остановить его Есилькова.

– Черт, проклятые дурни, – злобно буркнул он и отвернулся. На шее у него вздулись жилы.

Она подвинулась к нему ближе и поудобнее устроила свою ладонь в его кулаке. При встрече с шестиногой тварью неудивительно, что человеку хочется быть с кем-нибудь вместе.

Сэм был мужчиной, ее мужчиной, хотя она не могла назвать его мужем. Она даже могла простить ему, что он был американцем, живым американцем, потому что скоро он может стать мертвым.

Точно так же, как она очень скоро может стать мертвой русской. Со спокойной уверенностью она взяла Йетса за подбородок, повернула его лицо к себе и поцеловала долгим поцелуем на глазах у американских оперативников. Пусть вносят это происшествие в досье, если досье не будут закрыты по причине смерти их владельцев к тому времени.

17. СМЕРТЬ ПО ПРИБЫТИИ

Кабинет комиссара Безопасности восемь лет назад располагался в другом месте. Теперь он занимал угловое помещение в одном из зданий комплекса ООН. Сэм Йетс постоянно злился: трудно было работать так далеко от подчиненных, но его сменщик – выходец из Северной Нигерии, представлявший не только Африку, но и весь исламский мир, был доволен. Ему было нужно много места.

Кабинет действительно был очень просторным. Йетс иногда думал, сколько еще помещений на Луне имеют достаточную площадь, чтобы в них поместился полностью экипированный *хаммам*.

Когда Сэм выпрыгнул из машины, которая еще продолжала медленно двигаться, он обнаружил, что дверь, выходящая на авеню Е, была заперта.

Черт, чему тут удивляться? Он же сам объявил метеоритную тревогу.

Стена была сделана из поляризованного акрила, а не из риголита, как обычно. Титановые ставни окон его кабинета были тоже закрыты. Первое, что приказал Маклеод,

расположившись в кабинете комиссара Безопасности, – это закрыть ставни. (Кстати, кого как не себя теперь следует проклинать, что Маклеод принял участие во всей этой неразберихе с пришельцем?)

– Маклеод! – закричал Йетс и инстинктивно посмотрел вверх в камеру, единственно наблюдавшую за входом. – Открывай быстрей, черт побери! Мы здесь!

Джэб Стюарт стоял и смотрел на догорающий остов машины невдалеке. Веселые язычки пламени то и дело ярко поблескивали на фоне черного кузова. Двое оставшихся в живых его коллег тоже смотрели туда.

Есилькова стояла спиной к спине с Йетсом. Она вряд ли могла бы что-нибудь сделать, если бы появился враг, но напряжение, накопившееся в ней за время ареста, требовало хоть какого-нибудь действия.

В трех кварталах от них с противоположного направления подъезжала другая машина. Несколько секунд все, в том числе и Йетс, смотрели на нее. Потом герметичная дверь с легким хлопком скользнула в сторону.

– Маклеод, придурок несчастный! – проревел Йетс, врываясь в дверь. – Мы тут...

На пороге стояла Элла Бредли, и больше внутри никого не было, если не считать личной секретарши Йетса. Салли даже теперь не могла не выглядеть привлекательно, несмотря на то что на подбородке у нее болталась маска дыхательного аппарата, чтобы мгновенно натянуть ее в случае опасности.

– А где Маклеод? – спросил Йетс несколько смущенным тоном.

Джэб Стюарт без нужды продублировал его вопрос, но более резко:

– Куда делся Маклеод? Отвечайте немедленно!

– Сэм, Шеннон говорит, что идет риллианин! – выпалила Элла вслед Йетсу, который вбежал внутрь, не дожидаясь ответа. – Но ты не должен...

– Салли, настрой мне картинку на эту тварь! – приказал Йетс. Дверь кабинета, настроенная на его голос, открылась. Видимо, Маклеод не успел перепрограммировать замок.

– Мисс Бредли, мне необходимо знать, где... – начал было Стюарт.

– Голограмма, перекресток С и восемьдесят семь! – приказала Есилькова. Салли, разумеется, не поняла, что приказал ей сделать ее босс, а Соня имела достаточно мозгов, чтобы не терять времени на объяснения.

– Но вы не должны причинять вред риллианину! – вскрикнула Элла.

– Сэм, он близко! – прокричала Есилькова, имея в виду, что он ближе, чем был, и что им не пережить следующие несколько минут.

– Он пришел за мной! – сказал Шеннон, протягивая свою худую руку к щеке Йетса. – Вы должны выдать меня!

Йетс схватил пистолет Токарева с полки над столом и проверил восьмизарядную обойму. Нигде ведь не сказано, что нельзя поддерживать коллекционный предмет в рабочем состоянии...

– Черта с два мы выдадим тебя! – рявкнул он на Шеннона. Он схватил пришельца за руку и потащил через комнату, одновременно крича: – Соня!

Есилькова, стоявшая на пороге, пыталась одновременно наблюдать и за Йетсом и за стереоизображением, которое голотанк проецировал в соседней комнате. Сэм швырнул ей свой станнер, чтобы высвободить руку, – он собирался нести Шеннона, если потребуется. Есилькова большим пальцем перевела предохранитель в положение «огонь».

Шеннон, казалось, не возражал. Он только на секунду задержался, чтобы захватить свой шлем со стола, – этим он показывал, что недоволен поступками Йетса и его мыслями.

– На Д есть шлюз, – торопливо проговорила Есилькова.

– Да, и там должен быть готовый к отправке корабль, – согласился Йетс, пытаясь думать на несколько ходов вперед. Курс корабля, количество топлива в нем ничего не значили. Главное – чтобы Шеннон оказался в космосе, в безопасности от чудовища, которое охотится за ним.

Может быть, им не удастся остановить риллианина здесь, на Луне, но его можно выманить на околоземную орбиту, в зону действия боевых спутников. Ядерные заряды, рентгеновские лазеры, плазменные излучатели, способные испарить небольшой город единственным выстрелом, – там посмотрим, кто кого.

Дать риллианину то, что он хочет, а потом надеяться, что он уйдет? Да лучше умереть!

Рядом с кабинетом комиссара был конференц-зал. Там стоял такой же проектор, что и в комнатухе Есильковой, но здесь для него было достаточно места.

Изображение риллианина, вернее, его зада, казалось, заполнило весь зал.

Чудовище больше не стреляло в каждую дверь, как вначале. Но на каждом перекрестке риллианин останавливался и палил вдоль коридоров. Если никто не переключал камеры, дающие изображение на проектор, риллианин был всего лишь в квартале от здания ООН.

– Бери машину! – крикнул Йетс на бегу. – Я его задержу...

– Лучше я, – бросилась за ним Элла.

– Сэр, вы не можете, – начал было Джэб Стюарт, а двое его подчиненных инстинктивно шагнули навстречу Йетсу, загораживая дорогу. Соня, не колеблясь, пальнула по ним из станнера.

Заряженные иглы поразили всех троих в живот, на высоте солнечного сплетения. Острия игл, прокалывая кожу, разряжались веществом, парализующим жертву на несколько минут. Эффект был исключительно болезненным, но потом перед пораженной целью можно было извиниться. Пистолет в руке Йетса не предоставлял такой возможности.

А ведь он уже почти нажал на спуск. Другого выхода не было, любая задержка таила в себе гибель.

Шеннон вместе с Йетсом и Есильковой ловко перепрыгнул через бьющиеся в судорогах тела людей Маклеода, словно учился таким маневрам несколько месяцев. Йетс больше не тащил его, Шеннон, казалось, понял, что от него требуется, и послушно все выполнял.

Они выскочили из здания. И едва не попали под взвизгнувшую тормозами машину, в которой сидело четверо мужчин.

Автомобиль принадлежал миссии США.

Водитель и двое на заднем сиденье с плазменными излучателями были в форме морской пехоты, один, в гражданской одежде, непрерывно что-то кричал в радиотелефон.

Сокрушительный поток пронесся вдоль коридора 87 – это было вовсе не адское пламя, а призрак голубого неба и пушистых белых облаков. Словно кто-то сорвал занавес, скрывающий весну на Земле.

Освещение в коридоре 87 погасло, через секунду погасли огни и на авеню Е, перед самым зданием ООН.

Передачик взревел от могучего разряда статического электричества, человек в гражданской одежде бросил его на пол и раздавил каблуком.

– Соня, скорей! – закричал Йетс. Он не обернулся, чтобы посмотреть, бежит ли она, потому что знал, что бежит. Она должна будет увести Шеннона как можно дальше, а сам Йетс в это время...

– Дайте мне, – сказал он морскому пехотинцу с красно-золотыми нашивками сержанта. – Я знаю, как с ним обращаться, – он сунул пистолет в карман и потянулся к плазменному излучателю.

– Пошел отсюда! – рявкнул сержант, небрежно и легко отпихивая Йетса, видимо, он только недавно прилетел с Земли и еще не отвык от высокой гравитации. Он, его напарник и человек в гражданском побежали к углу здания, а водитель остался в машине.

– Кабели полетели к черту, но еще должен оставаться...

– Правильно, – согласился сержант, прилаживая оружие к плечу. Он кивнул пехотинцу, который тоже был готов к стрельбе. – Пошли!

Пехотинец выскочил из-за угла, а сержант перекатился прямо в середину коридора. Йетс прикрыл левой рукой глаза, одновременно вытаскивая пистолет из кармана правой. Две

миниатюрные термоядерные бомбы, контролируемые лазерами, сработали внутри излучателей.

Йетс моргнул. Младший пехотинец отпрянул назад за стену, а сержант выждал секунду перед следующим выстрелом. Вместо сержанта возник тускло светящийся шар.

Шар потух, оставив после себя прекрасно отполированное углубление в полу. В образовавшуюся нишу с хлопком рванулся воздух, стремящийся заполнить вакуум, более разреженный, чем пустота, разделяющая звезды. Сержант исчез бесследно.

Его напарник машинально нажал на спуск. Ствол излучателя в этот момент был направлен вверх, в потолок.

Камень, расплавленный металл, куски кабеля огненным дождем брызнули в стороны. Пережить такой поток, обрушивающийся на голову, значило обладать чудовищной удачей. Младшему пехотинцу не повезло. Шофер с криком прикрыл обожженные глаза, но было поздно.

Взрыв отбросил Сэма метров на пять. Он приземлился на груды акриловых осколков, которые мгновение назад были стеной здания. Аварийное освещение в коридоре вспыхнуло особенно ярко и погасло.

Взрыв погнул даже титановые ставни, но потолок, отделяющий колонию от лунного вакуума, не был пробит. Шесть метров риголита выдержали натиск плазмы.

Появившийся на перекрестке риллианин осторожно обошел кратерообразное углубление в полу, оставшееся от сержанта. Он остановился в облаке пыли, сквозь которое едва просвечивали аварийные огни дальнего коридора.

Чудовище изогнулось, как танцующий слон, направляя оружие в Сэма Йетса.

Йетс отчаянно надавил на спуск. Вспышка и отдача сказали ему, что выстрел произошел, хотя он уже настолько оглох, что ничего не слышал. Прицел у ТТ был примитивный и рукоятка не очень удобная для пальцев, но стрельба велась практически в упор, метров с семи, и ствол оружия дергался, раз за разом изрыгая пули.

Еще функционирующая часть мозга Сэма ожидала, что риллианин исчезнет, как это происходило каждый раз на голограммах. Если даже несущиеся со скоростью света заряды плазмы оказались слишком медленными для его брони...

Риллианин не исчез и не разнес коридор своим страшным оружием. Вместо этого его огромное тело... съежилось, как медуза, выброшенная на прибрежный песок. Яркие фиолетовые искры переливались на поверхности его скафандра. При каждом выстреле Йетса на скафандре появлялась багровая точка, которая потом постепенно расширялась, как пятно кислоты, разъедающей цинк.

За полсекунды до последнего выстрела Йетса исчезла уже треть риллианина. Сэм смотрел на него, протирая свободной от пистолета рукой глаза. Пыль и ядовитые газы от сожженных плазмой веществ мешали смотреть.

Йетс оглянулся через плечо, чтобы посмотреть, как там Есилькова и Шеннон, но увидел только Эллу Бредли. Она сидела на полу чуть позади него, опираясь левой рукой, и кашляла, а указательный палец ее правой руки все еще нажимал на спуск станнера, магазин которого был давно пуст.

18. ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СИТУАЦИЯ

Маклеод резко затормозил у разгромленного перекрестка перед зданием ООН. Ему пришлось несколько раз моргнуть и протереть глаза, прежде чем он удостоверился, что не галлюцинирует вследствие шока.

Потом он откинулся на спинку сиденья и с некоторым усилием оторвал потные пальцы от липкого руля. Элла была жива. Он сразу увидел ее.

Он не мог позволить себе признаться, что думал только о ней, когда понял, куда направляется шестиногая тварь. Он не мог позволить кому-либо видеть его, когда у него такие белые губы, испарина на лбу и криво повязан галстук. Только немного приведя себя в

порядок, Маклеод собирался вылезти из машины с таким видом, словно снимался в новой версии картины «Благородный принц Валиант встречается с Гондзиллой (и покупает ферму)».

В коридоре был бой, это ясно. В центре красовался идеальный кратер, который, как надеялся Маклеод во имя своих будущих детей, не был радиоактивен. У стены приткнулся автомобиль морской пехоты, вернее, то, что от него осталось. В поле зрения находился только один живой пехотинец – его перевязанная голова покоилась на коленях у Салли, секретарши Йетса. Вокруг валялись куски тел, принадлежавшие, очевидно, двоим или даже троим. Потолок... потолок был выворочен ко всем чертям до самого риголита в некоторых местах, поэтому освещение не работало.

Впрочем, было не так уж темно – благодаря фарам его машины и освещенным окнам здания ООН, так что он мог отчетливо видеть гору фиолетовой пены, напоминающую застывшее привидение.

Он нажал кнопку передатчика и сказал в сторону встроенного в зеркало микрофона:

– Вызываю «Курятник». «Мама-курица» прибыла на место. Кажется, нашего друга остановили здесь. Выдавить всю информацию из компьютеров комиссара Безопасности. Моим именем. Вижу американских граждан: комиссара Йетса, его секретаршу Салли, не знаю ее фамилии, морского пехотинца, кажется, капрал по званию, и мисс Бредли. Больше морских пехотинцев нет, только куски тел в форме. Также одна советская подданная – инспектор Есилькова. И еще наш гость Счастливчик, похоже, живой и невредимый. Я выхожу из машины.

Он не дождался ответа «Курятника». Если случится что-нибудь особенное и он не услышит звонка, они могут дистанционно включить гудок автомобиля или подключиться к системе комиссариата.

Как бы то ни было, Маклеод почувствовал себя лучше. Все было под контролем. Теперь он меньше злился на Сэнди, меньше сожалел о своих недавних ошибках. Экстраординарные ситуации требуют экстраординарных поступков от всех.

«К Сэму Йетсу это, к сожалению, тоже относится», – напомнил он себе, выбрасывая свои длинные ноги из машины на скользкий, покрытый какой-то слизью тротуар.

Он посмотрел на счетчик радиации, вставленный в нагрудный карман. Уровень нормальный, бояться нечего.

Его немного беспокоила Элла – ее состояние. Она даже не встала, когда увидела, что он выходит из машины. Просто смотрела на него.

Йетс выглядел так, словно побывал в бою; впрочем, так оно и было. Маклеоду не понравилась его демонстративная походка киногероя, когда он подходил к нему.

Высокий здоровяк с красной шеей подошел на десяток шагов к Маклеоду, стряхивая с одежды и лица пыль, остатки изоляции или каменную крошку. Видимость была не слишком хорошей – более-менее светлое пятно на сером защитном фоне. Зубы Йетса ярко сверкнули на темном фоне, когда он сказал:

– Чуть запоздал, герой, спектакль окончен.

Йетс кивнул головой в сторону кучи застывшей накипи.

Маклеод протянул руку для приветствия.

Йетс не взял ее. В одной руке у него был старинный пистолет, в другой – плазменный излучатель, который, видимо, должен был производить впечатление.

– Спектакль не кончен, Йетс. Он только начинается. Докладывайте.

Проклятье, не надо было показывать, что он так злится, ко Йетс не выразил никакого почтения к субординации, ни малейшего. Если бы у этого придурка была хоть капля здравого смысла!

– О чем докладывать? Оно мертво, так же как и три-четыре морских пехотинца, которые добрались сюда вовремя (в отличие от вас), и какой-то начальник, чином постарше сержанта. Можно также сказать, что этот русский пистолет системы Токарева прикончил урода, но мне скорее кажется, что он погиб от взрыва, когда один парень разнес потолок к

черту. Это все...

Йетс ухмыльнулся, но было видно, что он отходит от боя гораздо медленнее, чем хотелось бы большинству командиров.

Маклеод тихо вздохнул и перевел взгляд с Йетса на Эллу, которая все так же сидела на ступеньках, прислонившись к стене. Рядом с ней стояли Есилькова и Шеннон, а в дверях можно было разглядеть какое-то скрюченное тело.

– Это не все. Где вы были? Мы не могли найти ни вас, ни Есильковой. Я послал за вами людей, чтобы они привезли вас к Шеннону. Где они? Как давно вы здесь?

Он коснулся пальцем магнитофона в нагрудном кармане, удостовераясь, что он работает, потом вспомнил, что включил его, как только вышел из помещения, где проводился брифинг, после того как Рускин, Минский и Сандерс сбежали оттуда с чрезвычайно таинственным и важным видом.

Йетс что-то говорил, когда Маклеод очнулся и стал прислушиваться к его словам.

– ...не могу сказать, что мне особенно жалко тех ваших парней, которые остались живы, но оглушить их иглами было единственным выходом. Джэб Стюарт пытался силой помешать двум офицерам Безопасности принять меры для обеспечения безопасности пришельца. В это время враждебный нам пришелец приближался сюда, и нам с Есильковой ничего не оставалось делать, как всеми средствами спасти Шеннона...

Однако у него хватает ума, чтобы попытаться оправдаться, по крайней мере. Правда, это ему не поможет...

– Йетс, правильно ли я вас понял: вы и ваша подчиненная применили станнер против аген... против моих людей, которые выполняли свои обязанности?

– Если бы они выполняли обязанности, а не идиотничали, ничего бы этого не произошло, сэр. Можете просмотреть запись происшедшего, если она осталась цела. Мы думали, что враждебный пришелец, риллианин, собирается ворваться прямо в мой кабинет и прикончить Шеннона, словно чуял, где он. Мы собирались взять корабль и улететь с Шенноном на околоземную орбиту, в зону действия боевых спутников.

– Мои люди там? – спросил Маклеод, имея в виду бесформенную кучу на пороге за спиной Шеннона.

– Те, что уцелели. Остальные изжарились в автомобиле, который поджег риллианин.

– Ужасно. Вы понимаете, что будет расследование.

– С нетерпением жду, – с мрачной угрожающей улыбкой проворчал Йетс.

– Это ваше право. А сейчас берите мой автомобиль и везите Счастливого ко мне. Там его будут ждать мои люди. Он получит новые апартаменты.

– Прекрасно. Мой кабинет снова принадлежит мне, – Йетс покрутил пистолет на пальце, словно заправский ковбой. Наверное, он себя им и представляет.

– Йетс, вы хотите быть уволенным или попасть под трибунал? Берите. Мой. Автомобиль. Везите Счастливого. В миссию США. Ясно?

– Угу, сэр, – Йетс опустил пистолет в карман.

Маклеод шагнул вперед. Йетс на шаг отступил.

– И заберите с собой свою советскую подружку. Я вас найду там, когда освобожусь здесь. Пока будете меня ждать, каждый из вас должен надиктовать полный отчет о происшедшем. Все, что помните. Счастливчик тоже этим займется. Я проверю. А теперь не путайтесь под ногами.

– Интересно, когда вся колония разгромлена, я должен сидеть в вашем секретариате и надиктовывать всякую чушь, хотя у меня кроме Шеннона еще полно дел. Или вам плевать на это?

– Вы будете делать то, что я вам прикажу, Йетс. Не больше и не меньше. Я не могу терять с вами время. Исполняйте.

Господи, почему он до сих пор не избавился от этого идиота? Он знал ответ: из-за Эллы.

Он прошел мимо Йетса и на время забыл о нем. Забыл о яме в полу, разрушенном

потолке, убитых пехотинцах и агентах.

Шеннон хотел видеть Йетса и Есилькову. По сути дела, он мог предвидеть будущее! И еще: цивилизация, обладающая А-оружием или, по крайней мере, имеющая дело с врагами с таким оружием, без сомнения, находится в сфере жизненных интересов США, и в будущем все желания Шеннона должны выполняться мгновенно.

Это нужно сообщить в Овальный кабинет. Тем временем следует избавиться от Йетса. И от Есильковой при первой возможности, разумеется, тоже. Эта стрельба из станнера в правительственных агентов существенно облегчит задачу их увольнения.

Маклеод знал, что делать. Он был совершенно уверен в себе, несмотря на враждебность Йетса. Его беспокоило сейчас одно – состояние Эллы.

Когда он подошел к ней, то смог сказать только:

– Как ты? – Слова прозвучали блекло и вяло, не выразив и сотой доли его тревоги за нее. Ничего не значило для него больше, чем ее безопасность.

Но он совершил ошибку в деле с Шенноном. Больше ошибок или даже неточностей совершать нельзя. За знания пришельца разгорится теперь настоящая борьба. Действия Маклеода должны быть безупречными.

Но Элла... он никогда не думал о ней как об обузе. И она никогда не мешала ему раньше, а теперь его чувство к ней ослабит его волю.

– Ты в порядке, Элла? – спросил он мягко и наклонился, чтобы осторожно помочь ей встать.

– Тинг... – ее голос был чужим и далеким. Рядом с ней на ступеньке лежал разряженный станнер. Она принимала участие в схватке. Значит, ее жизни угрожала смертельная опасность, а его рядом не было. Ему пришлось напомнить себе, что он ничего не знает. Надо просмотреть записи. Она была в шоке. И ему теперь не понять, как ужасно ждать прихода чудовища, видеть, как оно убивает людей...

– Элла, я хочу, чтобы ты вернулась на Землю. Я найду тебе замену. Вызову кого-нибудь. Я не хочу слышать никаких возражений...

– Нет, – она отстранилась от него.

Это было нетрудно, потому что он ее не удерживал против ее воли. Он просто хотел, чтобы она была рядом.

– Я остаюсь с Шенноном. Ты не понимаешь, Тейлор Маклеод! Ты не понимаешь. – Ее голос звучал почти спокойно, но было ясно, что она на грани истерики.

– Тише, тише. Поговорим об этом внутри. Пойдем...

Но Есилькова и Шеннон загораживали двери, ухаживая за полным комплектом оглушенных агентов ЦРУ. Они массировали им область солнечного сплетения и поили водой.

– Тинг, послушай, до того как йетс и Есилькова уедут...

Элла нетвердо стояла на ногах. Маклеод хотел поддержать ее, но она отпрянула, прислонившись к стене. Глаза ее были совершенно безумными.

Он внезапно пожалел, что включил запись. Но он был обязан сделать это. Миниатюрная камера запишет все, и ее искаженное лицо тоже. Навсегда.

– Тинг, Шеннон хотел поговорить с риллианином. Он хотел, чтобы мы не убивали его. Он заставил меня пообещать, что мы не убьем его...

– Он мертв, – машинально ответил Маклеод, махнув рукой в сторону кучи размером со слона. Или с лунный грузовик.

Из-за спины Эллы высунулась голова Шеннона. Кирианин встал на ноги. Он перешагнул через стонущего Стюарта и взял Эллу за руку.

– Да, мертв. Кончено. Элла – вины нет. Нет время объяснять, потом. Сейчас договоримся не убивать риллиан, да, Маклеод?

– Э-э, ну конечно, Шеннон, – он от души надеялся, что Шеннон не имеет в виду того, о чем он, Маклеод, подумал. – Ты же не хочешь сказать, что тут есть еще и другие, правда?

– Сейчас – нет, – ответил Шеннон. – Потом, скоро, придут. Люди, не убивайте.

Тут вмешался Йетс, которого Маклеод с удовольствием пристрелил бы из излучателя.

– Шеннон, мы не знаем, как их убивать. Мы даже не знаем, как погиб этот. Поверь мне, мы не знаем. Поэтому, если придут другие... если ты нам не поможешь, в лучшем случае мы сможем их прикончить. В худшем – они прикончат нас. Но мы никогда не сможем взять его живым. Мы даже не знаем, с чего начать.

Шеннон дернул головой, когда Йетс начал говорить. Потом он бешено закивал головой, как обычно.

– Да, хорошо. Научу Йетс и Есилькова этому, о чем разговор. Защита от риллиан, идти наружу.

– Согласен. Но не сейчас, – сказал Маклеод.

– Нужно очень спешить. Нужны ученые – рассказать о возможностях.

– Хорошо, я найду кого-нибудь. Что еще?

– Бредли. Нужна Бредли, – Шеннон поднял свою руку с зажатой в ней рукой Эллы. – И ты нужен, Маклеод, скоро.

– Как только смогу, обещаю, Шеннон. Почему такая спешка, ведь только что все было спокойно?

– Еда, Маклеод. Бредли, Шеннон не будет есть, пока не придет Маклеод. Никаких огурцов и чая из цветов с медом.

Йетс присвистнул и сказал:

– Слушай, Шеннон, тебя надо отвести в овощную лавку. Ты бы дал людям спокойно работать, – и он кивнул, показывая на Маклеода. Потом повел Шеннона к машине, предварительно крикнув Есильковой фельдфебельским голосом: – Есилькова, пошли. Мы уезжаем.

Соня оставила еще не пришедшего в себя оперативника и прошла мимо Маклеода, словно его не существовало. Садясь в машину, она что-то прошептала Йетсу на ухо.

А Йетс крикнул своей секретарше, залезая за руль:

– Салли, милочка, тебе придется помогать мистеру Маклеоду и его мальчикам из всех сил. Им придется заявить об имеющихся жертвах, подождать, пока прибудет полиция и коронер, а это займет время. И, естественно, Советы пришлют экспертов посмотреть, что осталось от риллианина. Потом, конечно, еще будут проблемы с организацией дорожного движения, запуском нового коммуникационного спутника, ну и другие мелочи... – Он обратился к Маклеоду: – Спасибо за тачку, Тинг. Ты знаешь, где найти меня, когда сделаешь мою работу.

Маклеод не потрудился ответить. Иногда случается, что люди с недоразвитым, как у Йетса, интеллектом занимают в обществе довольно высокие должности. Но человеческое общество обладает свойством саморегуляции. Когда Йетс не будет нужен, он сам себя устранил. Маклеоду не придется особенно трудиться. Очень скоро Великий стрелок окажется в большой грязной луже вместе со своей советской подружкой, и никто из агентства Маклеода не пошевелит пальцем, чтобы вытащить их оттуда.

Проблема была в том, что Маклеод не хотел, чтобы такой человек, как Йетс, опекал Шеннона, самую большую ценность, за которую отвечал Маклеод. Йетса надо было устранить быстро. Йетс не должен подозревать, что против него замышляется, иначе он легко выйдет сухим из воды.

Проблем и без того было достаточно. Например, Джим Стюарт и его ребята, которые матерно ругали сейчас Йетса и Есилькову.

Они мгновенно замолчали, когда увидели подходящего к ним Маклеода.

– Как дела, джентльмены?

Они заговорили все разом. Он сказал им:

– Не надо оправданий. Вы действовали правильно. Думаю, ваши устные доклады помогут мне в расследовании.

Вообще-то он не любил обвешиваться с головы до ног подслушивающей и записывающей аппаратурой, но сейчас это было полезно.

– Единственное, что мне от вас нужно, джентльмены, перед тем как вам будет предоставлен отпуск на сорок восемь часов и обед за мой счет, это – точная информация, кто нажал на спуск станнера или станнеров и по чьему приказу.

Имя Есильковой было повторено три раза, как человека, произведшего выстрел, Йетса тоже не забыли. Отлично.

Маклеод поднял руку, призывая к молчанию.

– Продолжим разговор через пару минут. Пока кто-нибудь пусть позвонит в «Курятник», а остальные проверят все внутри и подготовят кабинет для работы. Стюарт, ты назначаешься временно исполняющим обязанности комиссара Безопасности.

Он прошел между ними внутрь, в комнату, где долгое время находился Шеннон и где только что скрылась Элла.

Она была похожа на привидение. Он не понимал, в чем дело. Шок? Нет, он не верил в это. Тут было что-то другое.

Она сидела за столом и, когда он подошел, сказала:

– Тейлор, если ты отстранишь меня от работы с пришельцем, между нами все кончено.

– Но это глупо. И это шантаж.

– Ни то ни другое. Ты не стал бы так поступать, если бы... Тебе наплевать на меня. Я имею столько же права на риск, сколько и ты. Или Йетс. Или...

– Не говори мне о Йетсе. И о Есильковой. Я хочу, чтобы ты была в безопасности. Как я могу работать, когда мне приходится все время думать о твоей безопасности...

Он не заметил ее ловушки, пока не провалился в нее с головой.

– Видишь? – тихо сказала она. В ее дрожащем голосе не было торжества. – Ты не можешь выполнять свою работу из-за своих чувств и не позволяешь работать мне, поэтому...

– И она принялась крутить обручальное кольцо на пальце.

– Не надо, – попросил он, не понимая, как глупо звучат его слова. – Не сейчас. Господи, разве ты не понимаешь, что пришелец может нам дать? И не заставляй меня выбирать между тобой и им... – он снова выдал себя.

Он принял кольцо, когда она вручила ему его. В его руке кольцо выглядело маленьким и хрупким. Искорка бриллианта светилась ярче, чем бисеринки пота на его ладони.

Тишины не было. В ушах Маклеода барабаном бился пульс, он с трудом мог слышать.

– Послушай, – произнес он, не отрывая взгляда от кольца в ладони. – Я знаю, что ты права. Но эту проблему можно решить. – Он не хотел говорить этого, но она вынудила его.

– Я знаю, – сказала Элла. И все, только это.

Он всегда знал, что любит Эллу Бредли. Но в его жизни и сердце Америка значила так много, что трудно было сказать, осталось ли там место для другой возлюбленной.

Ему не оставили выбора. Он сказал кольцу, сверкающему на ладони:

– Я найду тебе работу на Земле. Ты не можешь оставаться здесь. Гости будут уведомлены, что свадьба откладывается на... неопределенное время.

Он сделал это для них обоих. Может, у них будет еще одна возможность после Шеннона. Может, не будет больше риллиан или, если будут, с помощью Шеннона земляне найдут способ защититься от них. Или риллиане найдут Шеннона и на этом успокоятся.

Маклеод ожидал, что Элла согласится. Он не привык, чтобы его прямым приказаниям не подчинялись.

Она подошла к кушетке, где обычно лежал пришелец, и сказала оттуда:

– Тейлор Маклеод, я не вернусь домой. Ты не сможешь заставить меня, потому что Шеннон хочет, чтобы я работала с ним, ты сам слышал это.

Голос ее звучал странно. Маклеод боялся смотреть на нее. Если она заплачет, он сдастся.

Но он посмотрел на нее. Элла плакала. Гордые молчаливые слезы. И она сказала:

– Он ждет нас. Без тебя он не будет есть.

– Элла, – сказал он, подходя к ней и чувствуя себя очень одиноким... – Дай мне руку.

Она протянула ему руку, и он вложил в нее кольцо.

– Иначе оно так и останется без дела. И... я не хочу терять тебя. Давай ты будешь делать вид, что подчиняешься мне, а я – что защищаю тебя. Если ты будешь здесь, мне, может, будет даже легче: не придется волноваться, что ты уехала на пикник с другим парнем.

Потом они обнимались, и Маклеод подумал, что впервые записывает это для потомства. Придется оставить это на пленке. Маклеод был слишком дисциплинированным, чтобы стереть запись.

– Значит, я буду работать с пришельцем по-прежнему?

– Да, если не появятся свидетельства, что ты не справляешься с обязанностями. Шеннон хочет, чтобы ты была в команде. И я тоже.

Двадцать минут спустя, когда они успокоились и вновь почувствовали себя профессионалами, а не влюбленными, раздался звонок. Звонил Минский, чтобы сообщить, что ЗИЛ генерала Рускина попал под огонь риллианина.

– Наши соболезнования, – ответил Маклеод своему коллеге из КГБ. – Какие перестановки будут в вашей команде, Олег?

– Я буду отвечать за все. По крайней мере, временно, – спокойно ответил Минский. Кстати, он говорил по-английски лучше, чем Йетс. – Конечно, это трагическое происшествие, но теперь наши позиции сравнялись. Вы полностью отвечаете за свою команду, а я – за свою.

– Да, – Маклеод кивнул Элле, чтобы она взяла параллельную трубку, показав жестами, как подключиться к линии.

Она подключилась, когда Минский говорил:

– Нам двоим надо встретиться. И нужно дать Султаняну свободный доступ к нашему гостю, вместе с вашими учеными, конечно, тоже. Необходимо получить всю информацию о противнике, которого, он, безусловно, знает лучше, чем мы.

Маклеод прикрыл глаза. Русский медведь настырен.

– Я только что обещал Шеннону и мисс Бредли, на которую он положил глаз, пообедать с ними. От огурцов и чая пришелец хмелеет, поэтому только завтра утром мы можем встретиться с Шенноном. Скажем, в восемь часов по зулусскому времени в моем кабинете, вас это устроит?

Маклеод знал, что нет. В это время спутниковая связь с Москвой затруднена. Но Маклеод мог заказывать музыку, пришелец был его – американская звезда предстоящего выступления.

Минский со вздохом буркнул что-то по-русски, потом сказал:

– Вы, либеральные интеллектуалы, отвратительно жестоки. Ладно, до завтра.

– До свиданья, Олег, – Маклеод позволил торжеству ясно прозвучать в его голосе.

Потом он жестом показал Элле, что надо положить трубку одновременно с ним.

Она весело сказала:

– Рада, что все устроилось. Пусть Салли вызовет машину. Шеннон ждет.

– Ты же знаешь, я ненавижу огурцы, – сказал он. – От них у меня несварение.

Но дело было не в огурцах. Его мучила мысль, что из-за всех этих проклятых компромиссов дело приняло совсем не тот оборот, который он ожидал.

Перед тем как уйти, он позвонил Дику Квинту, потом Сэнди. Сообщив им о завтрашней встрече в восемь, он посоветовал привести как можно больше людей, которые хоть чем-то могут оказаться полезными в качестве экспертов. Что бы там Шеннон ни хотел построить – передатчик или еще что, – надо было приступить к постройке.

Что касается конспирации и мер безопасности, все теперь изменилось.

Вся колония знала, по крайней мере, об одном из пришельцев. Кот был выпущен из мешка, и он оказался большим, плохим и шестиногим и мог проглотить все, что в него летело, кроме пуль из древнего русского пистолета.

Первым делом надо было официально объявить чрезвычайное положение на всей Луне. На Земле поднимется страшная суматоха, если они не решат ввести в действие Пункт Два.

Пункт Два – официальная отмена в течение двенадцати часов чрезвычайного положения, самостоятельно объявленного внеземными властями. Им придется поверить страшной истории о шестиногом, с гибелью которого угроза не исчезла.

Человек не был одинок в космосе, и вся проклятая лунная колония знала теперь это.

Кое-кому новости будут стоять теплых местечек, даже если удастся убедить общественность, что больше риллиане не придут. Или, по крайней мере, не должны прийти.

Торопливо снимая копии с записей Йетса, Маклеод с горечью думал, что новые риллиане появятся очень скоро. И Шеннон прямо об этом говорит.

И что говорить завтра на встрече?

«Друзья и коллеги! То, с чем мы встретились вчера, несмотря ни на что, практически неузвимо. Мы знаем только, что враг обладает весьма развитой технологией и совершенно очевидно агрессивен. Скоро появятся новые захватчики, поэтому нам нужно скоренько что-нибудь придумать: какое-нибудь чудовищное ружье или очень большую дубину с гигантской клеткой с очень-очень толстыми решетками, потому что, видите ли, дружественный нам пришелец просит нас не убивать врагов. Он хочет поговорить с ними и просит нас ему помочь».

Речуги вроде этой способствуют раннему выходу на пенсию.

Единственной удачей за день Маклеод считал то, что ему удалось не развестись, не успев жениться. Ему надо было сделать все, чтобы Элла чувствовала себя хорошо в сложившейся ситуации.

Это внезапно стало очень важным. Он не знал, сколько времени им еще отпущено судьбой, поэтому любимая им женщина должна быть счастлива, пока это возможно. Даже если это сделает его работу еще более сложной.

Если бы он хотел легкой работы, то давно поменял бы профессию.

19. ПОСЛЕ БОЯ

– Слышал от Бредли, что ты хотел видеть нас, Шеннон, – сказал Йетс, когда они порядочно отъехали от места боя.

Йетс был взволнован, Есилькова на заднем сиденье тоже, Шеннон чувствовал их эмоции.

– Да, – подхватила женщина-воин. – Расскажи-ка нам об этом все.

– Все? – переспросил Шеннон. – Я хотел предупредить о приходе риллианина. – Он был потрясен, оглушен насилием. И двое людей в машине громко излучали злобу, страх и жар битвы, которая уже кончилась. Первый раз за долгое время Шеннон снова боялся людей из-за их способности к разрушению.

– Предупредить? – Йетс повернулся к нему, и бок машины царапнул по стене коридора, высекая искры.

Есилькова произнесла несколько слов, которые не несли информации в данной ситуации, но обозначали анатомические понятия и функции некоторых органов.

Когда машина выровнялась, Йетс снова заговорил, на этот раз прилежно глядя вперед:

– Ты говоришь, хотел предупредить. То есть ты знал, что он придет?

– Знал... нет. Подозревал, да. Говорил эту историю раньше, – он боролся с грамматикой. – Пытался говорить.

– А мы не слушали. Он прав, Йетс, – Есилькова, как обычно, говорила слишком быстро.

– Поэтому Шеннон просил: привести Есилькова, привести Йетс. Маклеод сделал. Поздно, – Шеннон вздрогнул.

– Так ты говорил старине Тингу то же самое? А он недооценил ситуацию? Неудивительно, что сейчас он бесится. Что еще ты ему говорил?

– Шеннон хотел идти на поверхность. Йетс, Есилькова, Шеннон на поверхность.

– Так вот что он имел в виду. Не сейчас, приятель, разве что еще какой-нибудь

риллианин идет по горячим следам.

– Горячим следам?

– Сэм, он не понимает.

– Скорее, это мы не понимаем. Это так, Шеннон?

– Иногда – да. Должен поблагодарить Йетс и Есилькова за риск, за спасение...

– Эй, парень, – вмешалась Есилькова с заднего сиденья и положила руку Шеннону на плечо, и тот вздрогнул. – Это наша работа, и только.

– Жизнь – самое дорогое, – ответил Шеннон и, обернувшись, взял Есилькову за руку, как, он видел, делают иногда мужчины с женщинами. – Спасибо Есильковой. Спасибо Йетс. Спасибо семьям погибших воинов – вы передадите?

– Д-да, – слегка заикаясь, ответила Соня и убрала свою руку. – Стоит мне только увидеть их, так сразу и передам.

– Спокойно, Соня, – сурово сказал ей Йетс. – Он не понимает. Послушай, Шеннон, мы не хотим больше говорить о том, что произошло, понимаешь?

– Понимаю, больно. Прошу прощения, – он чувствовал их боль, которую они пытались скрыть, они хотели подавить свои чувства. Это было неправильно, но им, наверное, виднее, что делать.

– Давай еще поговорим о риллианской угрозе. Когда явится следующий, ты хочешь выйти на поверхность, так?

– Так, – Шеннон энергично кивнул.

– Ты только скажи когда, – посоветовала ему Есилькова. – А мы тебе поможем. Но надо обеспечить транспорт заранее...

– Хватит об этом. Не в машине, – оборвал ее Йетс.

– Спокойно, Сэм. Он при Маклеоде сказал, что научит нас обороняться против риллиан, выйдя на поверхность.

– Да, это так. Ты ведь сказал это, Шеннон. С чем нам придется столкнуться?

– С риллианами.

– Господи, теперь-то мы это знаем.

– Говорил раньше, – Шеннон чувствовал неловкость. – Говорил Бредли много раз, пока не стало поздно: нужно Йетс, нужно Есилькова.

– Ты достал меня, друг. Объясни толком, когда будет следующее нападение, откуда и какие приготовления, по-твоему, необходимы.

Они оба замолчали, ожидая ответа, а он не знал, как попросить то, что ему было нужно. Он не мог найти нужные слова. В машине стало тесно от их напряжения.

Повернув руль так, что автомобиль чуть не занесло, Йетс сказал:

– Ну, дипломат Кири, мы ждем.

– Когда я сказал: «Дайте риллианина мне», вы сказали: «Нет». Так?

– Так, – согласился Йетс, слегка скрипнув зубами.

– Это будет, когда они снова придут тоже?

– Можешь побиться об заклад на свою красную рожу, – посоветовал Йетс.

– Тогда идти на поверхность, дальше в космос. Увести риллианина далеко от колонии, от человечества.

– А потом что? – поинтересовалась Есилькова.

– Потом Шеннон говорить с риллианином перед смертью. Долг Шеннона выполнен. Йетс и Есилькова идти домой.

– Чушь собачья! – рявкнула Есилькова. – Это значит подставить самих себя. Маклеод только и ждет, чтобы Сэм совершил ошибку. Что касается меня, я вообще завязла по уши.

– Не понимаю.

– Она сказала – нет, – подсказал Йетс.

– Нет – чушь собачья?

– Мы просим прощения за эти слова, правда, Соня?

– Шеннон, если хочешь, я попрошу у тебя прощения от имени всего Советского Союза.

Мы хотим помочь тебе поймать риллианина и посмотреть на его оружие. Ты можешь говорить с ним, мы возьмем оружие. Все будут счастливы. Придумай, как это сделать.

– И еще, если можешь, чтобы я не мучился, – добавил Йетс, – скажи, как нам удалось прикончить тварь, чтобы мы могли при случае повторить это, ну, если ты не будешь против.

– Никогда нельзя убивать.

– Парень, ты пришелец или миссионер?

– И то и то, – пояснил Шеннон.

– Соня, в машине точно стоит подслушивающее устройство. Так мы попадем прямо в лапы Маклеоду, Шеннон. Если я тебе понадобится когда-нибудь в будущем, просто набери номер девятьсот девятнадцать и скажи: «Красный код». Тебя сразу соединят. Понял?

– Понял. Защита от риллиан. Шеннон придумает как. Скажет Маклеоду. Скажет всем людям.

Двое воинов обменялись взглядами через направленное назад зеркало. Йетс покачал головой, отрицая что-то.

– Красный код. Как только поймешь, что риллиане приближаются. Когда ты впервые понял, что он здесь?

– Когда? Когда взорвал спутник, когда появился мыслезонд.

– За час, за день, когда?

– Сэм, это не важно. Он не думает так, как мы. Просто предупреди нас сразу, Шеннон, ладно? – попросила Соня.

– Ладно. Но на поверхность скоро?

– Ты что, чувствуешь еще одного? – Йетс сделал что-то ногой, и машина резко остановилась, бросив Шеннона вперед.

– Не сейчас. Может, позже. Не уверен. Ни в чем не уверен. Но риллиане придут. Меньше опасности, если Шеннон в космосе.

– Он беспокоится о мирных жителях! Слушай, Шеннон, просто обратись к нам, когда понадобится. Иначе мы тебя больше не увидим, кроме как на завтрашнем брифинге утром.

Йетс запустил двигатель, и машина снова тронулась.

– Может, слишком поздно, – сказал Шеннон и ударил по стеклу кулаком. Стекло не разбилось. Он с удивлением посмотрел на свою руку, пораженный тем, что сделал. Видимо, эмоциональное напряжение двух воинов передалось ему. Шеннон осторожно положил руку на колено, где он мог всегда вцепиться в шлем, чтобы не выкинуть что-нибудь еще. – Нужно готовиться сейчас, не отдыхать.

– Знаешь, для краснокожего белоглазого пришельца ты не так наивен, как кажешься, – тепло сказала ему Есилькова.

– Ты готовься сам, – посоветовал ему Йетс, – а когда мы будем нужны – звони. К тому времени мы сумеем достать транспорт. Правда, Соня?

– Точно.

– Это ложь, зачем ложь? – он чувствовал, что на душе у Есильковой тяжело.

– Черт, Шеннон, не смей читать мысли, это невежливо, – проворчала она. – Мы только пешки – то есть ничего не решаем. Нам платят за то, чтобы мы рисковали шкурой. Где мы достанем космический транспорт?

– Он хочет его иметь, значит, Маклеод должен его выдать, – отрезал Йетс, показывая своим тоном, что разговор окончен. – Обещай мне, Шеннон, что расскажешь все Маклеоду и придумаешь, как защищаться от риллиан.

– Обещаю, – сказал Шеннон и внезапно почувствовал, что ему жалко двух воинов, которые верили, что он ведет их к гибели. – Шеннон не хочет ничего плохого, только мир. Если будет корабль, Шеннон уйдет... Риллиане найдут его... Люди не погибнут. Не погибнет Йетс, не погибнет Есилькова.

– Шеннон, чтобы я от тебя этого больше не слышал, – мягко сказал Йетс. – Не вздумай тут геройствовать, особенно из-за нас. Нам несдобровать, если мы потеряем тебя, это будет наша вина, если ты исчезнешь. Обещай мне, что не исчезнешь.

- Не исчезну. Не могу. Как? Придется остаться, если не помогут.
- Мы тебе поможем, но не убегай и не подставляй свою голову каждому риллианину, которого встретишь. Усек?
- Нет.
- Он хочет сказать: ты понял? – пояснила Есилькова.
- Понял, но не согласился. Подумайте, Йетс и Есилькова, придет риллианин. Не хочу гибели друзей, спасителей жизни Шеннона. Друзья – и так пострадали сегодня.
- Йетс махнул рукой, словно смахивал что-то.
- Ты не заткнешься никогда, кажется. Слушай, просто позвони нам, когда потребуется помощь. Или когда увидишь, что все нервничают. Или когда увидишь плохой сон. Или если захочешь домашней пищи – короче, в любое время. Это наша работа. Если ты заберешь ее у нас, нам будет очень-очень плохо, понял?
- Понял, – соврал Шеннон. То, что думал Йетс, не соответствовало его благородным словам. Он злился, что может появиться еще риллианин, что Шеннон предложил простое решение, с которым он не мог согласиться. Он был раздражен и расстроен. Он устал. – Может, риллиане больше не появятся.
- Это не было ложью. Шеннон не очень хорошо разбирался в риллианах, как и все кириане. Йетсу нужно было успокоиться, а Есильковой нужен был Йетс, чтобы он успокоил ее, и, сидя в машине с ними обоими, Шеннон желал им только добра, он хотел, чтобы они восстановили свое равновесие. Поэтому он добавил:
- Бояться не надо. Йетс и Есилькова живы. Шеннон жив. Поэтому победа это.
- Победа это, – грустно усмехнулся Йетс, и даже Есилькова заулыбалась.

20. НА ПОДХОДЕ

Риллианский командир вышел из параллельного пространства, уже зная, что скорость света в этой ответвляющейся вселенной всего триста тысяч метров в секунду, что составляло восемьдесят пять процентов от нормальной.

Нормальной для командира. Макровселенная была такой огромной, что даже риллиане, ее господа, не знали ее пределов и законов.

Пока.

Чужое пространство было для него неприятно, аппаратура скорректировалась автоматически, быстро. Мозг командира, гораздо более чувствительный и тонкий, чем мозг солдата, не мог приспособиться сразу. Пока он пытался сориентироваться, его компьютер выдал сообщение, что с вероятностью девяносто девять процентов элевенер, которого он выслеживал, находится здесь.

Было также сообщение и о солдате, который должен был осмотреть эту вселенную и который почему-то не доложил об исполнении. Тем не менее командир был готов к такому повороту событий: расследование происшествий было его долгом, а риллианин всегда готов выполнить свой долг.

Солдат был мертв.

Мускулы на спине командира напряглись. Если бы у него была чешуя, как у его предков миллионы лет назад или как у солдат, которыми он командовал, она бы неминуемо ошетилилась.

Командиру не нужна была чешуя, чтобы быть страшным, так же как ему не нужно было А-оружие, чтобы убивать. Он был создан со своим оружием, и он проверил его, а его мозг проверил аппаратуру. Все было в порядке. Он был готов выполнить долг риллианина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОШИБКА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

21. ДОНЕСЕНИЕ

Кожа Шеннона отслаивалась. Ему надо было снять скафандр и вымыться. Тогда зуд бы прошел. Может быть, отслаивание было нормальной реакцией на шок и недостаток обычных удобств. Он никогда еще так долго не находился в скафандре. Может...

Может быть, в его дискомфорте было что-то более зловещее: невозможно было определить, не убивают ли его люди своей добротой, водой с цветами, своими овощами, воздухом, которым они дышали, магнитными полями и низкочастотным излучением, которое никто из них не замечал.

Он знал наверняка, что любой вред, который они причиняли ему, был ненамеренный. С тех пор как они пожали друг другу руки в кабинете Йетса, Бредли испытывала к нему только самые добрые чувства.

Но как они ненавидели врагов! Контраст был поистине разительный. Видя своими глазами бой, в котором участвовали Йетс, Есилькова и их друзья, когда они сражались за жизнь Шеннона, он чувствовал их ненависть, и она душила его. Он знал, конечно, и раньше, что Йетс и Есилькова профессиональные воины, но... их желание убивать, заглушившее все, смерть, беспомощность – он не мог даже помочь отлетающим душам найти дорогу, жизнь, так расточительно расходуемая...

...видеть риллианского тяжелого десантника так близко и извиваться от волн первобытного гнева, которые прокатывались сквозь его мозг, злобу излучал не только его враг, но и его защитники, а ведь это он сделал своего врага их врагом.

...и риллианин был глух и слеп, не слышал ни одного его призыва к переговорам на всех частотах, используемых разумными существами для общения...

Ничего теперь исправить нельзя. У него остались только воспоминания, которые причиняли боль. Может быть, излучаемый гнев повредил клетки эпидермиса, которые погибали, вызывая этим зуд. Зуд будет его мучить, пока не отпадет отмерший слой.

Прошло много времени с тех пор, когда кто-либо из его народа видел войну. Отмирание кожи могло быть тогда древней физиологической защитой от насилия, излучаемого сразу по нескольким частотам. Хорошо бы изучить старинные записи в архивах Кири, но это невозможно, конечно. Все сгорело при взрыве «Кир Стара», часть материалов погибла вместе с капсулой.

Теперь поздно было предаваться сожалениям о погибшем архиве, больше всего в жалости нуждалось человечество. Люди гибли, защищая его, некоторые умерли у него на глазах. Когда он увидел, как воины преградили дорогу риллианину, он поклялся, что сделает все для этих существ, несмотря на то что они больше похожи на риллиан, чем на кириан.

Поэтому он снял свой шлем, когда понял, что риллианин приближается, чтобы полностью ощутить своего врага. На мгновение он стал риллианином, который убивает.

Эта минута была самой ужасной в его жизни, даже гибель «Кир Стара» не могла сравниться с ней.

Он был на грани сумасшествия.

А потом все стало далеким, более мягким, и он снова мог сопротивляться.

Снова он провел ногтями по тылу кисти. Кожа была темнее, чем обычно, там, где процарапал ноготь, кожа отслоилась, под ней оказался новый розовый слой. Если бы здесь был другой кириан, он мог бы проверить свою гипотезу – кожа отмирала при воздействии инфранизких волн, излучаемых убийцами.

Без этой природной брони он потерял бы сознание, когда снял шлем и когда умирал риллианин.

Он еще не оправился от шока, хотя уже довольно долго находился в номере Маклеода. Бредли и Маклеод отдыхали в соседней комнате. Бредли сказала Маклеоду, что Шеннону нужно прийти в себя.

Маклеод на это ответил:

– И не только ему. Давайте-ка поспим пару часов. Отложим пока все дела, ты согласен, Шеннон?

Он был согласен. Скафандр причинял ему все больше мучений при каждом движении,

в голове шумело от сегодняшних событий.

Он думал, что Бредли останется с ним, как раньше. Но она скользнула губами по его лбу и сказала:

– Мы будем... я буду там, в соседней комнате. Если я понадобится тебе, Шеннон, без колебаний зови меня. Пойдем, я покажу тебе ванную.

Там был кран с аш-два-о и различные непонятные предметы, видимо, для мытья.

Он в который раз оглядел комнату и медленно поднялся. Если бы можно было снять скафандр! Он бы ободрал мертвую кожу с бедер, локтей...

Стены в ванной были покрыты керамической плиткой. Он знал, что где-то спрятано наблюдающее устройство – было слышно, как жужжит его мотор, когда оно следит за его движениями.

Как бы то ни было, может, другого шанса не представится. Ослабляя замки скафандра, он подумал о паре в соседней комнате, они совокупились, как только остались вдвоем, и сколько насилия было даже в этом самом нежном акте!

Сначала возбуждение Бредли пугало его: ее чувства были так запутаны и противоречивы, а ведь он думал, что знает это существо.

Люди как женского, так и мужского пола плохо владели ситуационным контролем, он давно это понял – еще когда наблюдал за взаимоотношениями между Йетсом и Есильковой.

Он осторожно стянул скафандр с груди и наполовину прикрыл глаза, когда увидел, насколько его кожа изменила цвет. На руках горели свежие царапины.

Потом он снова открыл глаза, изучая изменения уже более спокойно, медленно стягивая скафандр до лодыжек. Когда это было сделано, он сел на каменный пол, снял ботинки и принялся тщательно вылизывать свои раны.

Те места, которые он не мог достать языком и смочить слюной, обладающей антисептическими свойствами, придется смочить водой. Процесс был болезненный, но приносил облегчение. Там, где отмерший слой сходил, оказывалась розовая здоровая кожа.

Если бы Терри была с ним, он бы мог обойтись без воды совсем: она бы вылизала ему те части спины, до которых он не мог дотянуться. Тогда он был бы совсем здоров.

Но придется довольствоваться душем. Он знал, что вода будет щипать, но не подозревал, что она будет такой горячей. Взвыв, он выскочил из кабинки, поскользнулся и чуть не упал, но устоял, схватившись рукой за стену. От лившейся воды исходил пар.

Даже люди не могли бы выдержать такую температуру. Следовательно, где-то должен быть регулятор. Он нашел его и покрутил, пока вода не стала теплой.

В воде было растворено много солей и других веществ, и от них исходил неприятный запах.

Однако вымыться было необходимо. Чего бы он не отдал за яму с чистым песком с графитовыми краями, чтобы точить ногти и зубы!

Это просто вода, убеждал он себя. Подкрашенная немного, такая же, какая выпадала с неба на родине в древние времена после извержений вулканов и в раннюю индустриальную эпоху. Если бы химикалии в ней содержали свободные радикалы, вызывающие рак, даже отсталое человечество очистило бы от них воду.

Он решительно шагнул в душ, настроенный следовать очистительному ритуалу своих хозяев, несмотря на то что его кожа была слишком чувствительна.

Когда он достаточно успокоился, чтобы осмотреться, то увидел пучок пластиковых волокон, свисающих с регулятора. Волокнами можно было тереть кожу, как он понял. Конечно, это хуже, чем язык, но пучок был достаточно длинен, чтобы взять его за концы и перекинуть за спину. Вода щипалась не больно.

Он внезапно увидел Бредли, стоявшую в дверях. Она смотрела на него, и он не знал, как долго это продолжалось. Он повернулся к ней, ее лицо казалось бледнее, чем обычно, очевидно, из-за пара.

– Шеннон, – сказала она. Ее лицо внезапно покрылось краской. От этого Шеннону почему-то захотелось прикрыться, но он не знал почему. – Мы слышали, как ты вскрикнул. Я

подумала... Если у тебя все хорошо, я буду в другой комнате...

– Бредли, остаться, хорошо. Вода слишком горячая была. Теперь лучше.

Она явно смотрела на его репродуктивные органы.

Он перестал тереть спину мочалкой и вытянул руку вперед.

– Видишь? – спросил он, слегка поворачиваясь, чтобы ей было лучше видно и она не чувствовала такого смущения. – Большого различия нет: мы тоже млекопитающие, смешанных браков нельзя, но попытки доставлять удовольствие... Бредли? Бредли, хочешь проверить? – крикнул он ей вслед, но она убежала.

Ее реакция была странной: страх, смущение и еще что-то, чему он не знал названия. Она же была ученой, разве нет? Участвовала в межпланетной контактной комиссии. Странно.

Он посмотрел вниз, на себя. Его тело было пятнистым от чередования новой и старой кожи и от синяков, но ничего особенно страшного. Почему же она испугалась?

Он вышел из душа в заполненную паром комнату и подошел к двери, чтобы сказать:

– Бредли, Шеннон знает, совокупилась с Маклеодом. Поздравления нельзя?

Потом он понял, что она – или Маклеод – кто-то из них забрал скафандр, пока он был в душе. Он вышел в соседнюю комнату, которая оказалась пустой, потом пошел дальше, в следующую.

Там был его скафандр, его шлем и Маклеод, сидевший на кровати, почти такой же голый, как и он сам.

– Дай скафандр, – сказал Шеннон, упирая руки в бедра, как он научился у Маклеода. – Отдай. Бредли огорчается видеть органы Шеннона.

– Да, я слышал. В следующий раз, приятель, в присутствии дамы вкладывай свой пистолет в кобуру.

– Не понимаю. Бредли пришла к Шеннону. Хотела видеть, наблюдать... – он шагнул вперед, протянув руку за своим скафандром.

– Она не хотела того, о чем ты думаешь, я уверен в этом, Шеннон, – скафандр лежал у Маклеода на колене. – Культурные различия, понимаешь?

– Понимаю. Надо делать поправку. Отдай скафандр. Шеннон наденет, найдет Бредли, поцелует голову. Все хорошо.

– Не спеши. Ведь он грязный, правильно? У тебя вроде несколько болячек, так? Скажи мне, как надо, и мы почистим его для тебя.

– Отдай скафандр, – повторил Шеннон. – Твой язык плохо чистит. Язык Шеннона – хорошо.

– А-а... об этом надо поговорить.

– Отдай скафандр, – Шеннон стоял над ним. – В скафандре нет секретов. Секреты в голове у Шеннона, – он ткнул пальцем в лоб. – Скафандр неживой. Отдай скафандр, пока не пришла Бредли.

– Элла сможет вынести тебя и в голом виде. Мне хочется, чтобы наши инженеры посмотрели на эту электронику или что там есть. Это может помочь нам продвинуться в теории для постройки передатчика, который тебе нужен.

– Шеннону нужен скафандр.

– Знаешь, а ты упрямый сукин сын.

– Нет, практичный. Риллианин придет, Шеннон должен идти наружу на этот раз. Риллианин преследует, далеко от колонии. Лучше. Люди не умирать. Нет плохих смертей.

– А ты знаешь какие-нибудь хорошие смерти, дружище? – Маклеод откинулся назад, опираясь на руки, и смотрел на него.

Шеннон мог выхватить у него скафандр, но он знал, что Маклеод плохо отреагирует на такой поступок. Поэтому он сказал:

– Хорошие смерти, конечно, в руках возлюбленной, когда придет время, когда работа сделана, когда жизнь прошла – уснуть, идти в место успокоения души.

– Да ну? Может, это там, у вас. Здесь – не так. А жаль, – голос Маклеода неожиданно

сел. – Слушай, давай заключим сделку. Ты садись и чисть свой скафандр, прямо здесь, а я тебе дам одежду на время, и мы поговорим. И я вызову инженеров, чтобы они посмотрели на коммуникатор, переводчик и что там еще у тебя есть. Иначе нам придется сделать это позже. Я хочу, чтобы это осталось между мной, тобой, нашими инженерами, чтобы Советы не знали. Итак, если ты разрешишь нам осмотреть его в твоём присутствии, я поддержу твой отказ, когда завтра тебя попросят отдать скафандр на экспертизу. Ты его тогда долго не увидишь, даже если он тебе срочно потребуется. Ну что – сделка?

Все у Маклеода было основано на сделках.

– Сделка. Дай одежду, чтобы Бредли вышла из туалета.

– Не из туалета, – усмехнулся Маклеод. – Из ванной, там тоже душ, как и у тебя был. Я приведу ее, как только ты будешь в приличном виде.

– Я в приличном виде. Никаких последствий от вида убийств у кириан не бывает. Плохие мысли и поступки не заразны для нас. Нужна одежда, чтобы пришла Бредли.

– Я тебе достану. Вот твой скафандр. Садись и давай вылизывай, если так надо.

Маклеод носил белую ткань поверх органов размножения. Наверное, у людей был такой обычай.

– Дай белую ткань тоже.

– Трусы? Ну хитрец! – Маклеод был в хорошем настроении. Его радость была такой сильной, что даже Шеннон приободрился. И кожа стала меньше болеть.

Шеннон спросил:

– Совокупление было успешным?

– Черт, Шеннон, об этом не спрашивают. Ты, по идее, даже не должен об этом знать. Элла мне сказала, что ты телепат, или экстрасенс, или еще кто-то. – Маклеод встал и достал из шкафа трусы и накидку для туловища. И остановился, смотря на Шеннона, который примостился на полу со своим скафандром.

– Значит, ты можешь читать мысли? – спросил Маклеод, слегка прищурившись. – Наши мысли, русских, риллиан?

– Могу слышать эмоции: гнев, страх, боль. Чувствую ложь, правду. Чувствую риллиан, когда приходят.

– Ужасно. Когда почувствуешь риллианина в следующий раз, обязательно скажи мне, Элле или Йетсу, хорошо? Еще что-нибудь, что я не знаю?

– Ты много не знаешь.

– Что ты еще можешь чувствовать или слышать, то, что не можем мы?

– Смерть. Рождение.

– Ну и ну!

Маклеод принялся показывать, как надевать трусы и майку.

– Сначала одну ногу, потом другую. Так делаем мы. Ясно? Сюда просунуть руки, это несложно...

– Спасибо, Маклеод. Бредли вышла?

– Ты знаешь женщин... хотя нет, не знаешь. Она немного испугалась. Кажется, она подумала, что ты к ней пристаешь. Я ей объясню, – он пошел к двери и обернулся на пороге:

– Послушай, Шеннон, ты должен меня понять, как дипломат дипломата: мы, Соединенные Штаты, моя страна, которую я представляю, мы – твои самые близкие друзья. Союзники. Правительства Земли соперничают между собой, как и у вас в Кири, наверное.

– Нет.

– Ну хорошо. Мы не экстрасенсы, поэтому я этого не знал. Советы – Есилькова – наши старые враги, мы только начинаем работать вместе. Некоторые работают, а некоторые притворяются. Остальные правительства будут пытаться опорочить нас в твоих глазах, чтобы доказать, что у них больше возможностей защищать тебя, что они более... гостеприимны, что ли. Я хочу, чтобы ты понимал нашу политику и не смущался, когда такое случится. Ты был с нами достаточно долго и должен понимать, что мы делаем все для твоей безопасности. Когда ты попросил убежища – нас попросил, а не какую-нибудь другую

страну, – мы стали твоими опекунами. И мы выполним свой долг, чего бы это ни стоило.

– Уже отдали жизни некоторые люди, – мягко сказал Шеннон, натягивая майку. – Шеннон знает цену жизни, что значит защита, – его горло пересохло внезапно. Но он сглотнул и сказал: – Шеннон благодарен и опечален вашими потерями. Риллиане... – Он уронил трусы, пытаясь жестикулировать. – Риллиане сами по себе. Всегда. Как люди, как Йетс...

– Мы лучше, чем ты думаешь, Шеннон. Ты просто видишь нас в трудных... боевых ситуациях.

Маклеод наклонился за упавшими трусами и вручил их Шеннону.

– Шеннон желает, чтобы возлюбленные погибших встретили их, когда превратятся в духов.

– Хорошо, я им передам, – торжественно объявил Маклеод. – Давай перейдем к другим делам. В восемь часов – совещание. Мы грудью встанем против всех попыток отнять тебя у нас. Твоя кожа – мы скажем, что может быть опасно... или даже заразно. Это будет «белая ложь», ложь для доброго дела. Если тебе действительно нужно выйти на поверхность, Йетс и Есилькова тайно тебя проводят.

– Хорошо сказал, – одобрил Шеннон, осторожно влезая в трусы под наблюдением Маклеода. – Но еще нужен советский математик, чтобы построить...

– Мы вернемся к этому позже, когда мои ребята посмотрят твой шлем и скафандр. Требуется технология, слишком сложная для нашей отсталой цивилизации, ты должен это понимать. Еще надо поговорить, как поймать риллианина...

– Поймать, да. Скажу Маклеоду самый большой секрет: Шеннон учит, что войны вообще не надо. Хорошо.

– Мы стараемся воевать как можно меньше, Шеннон. Как твой народ с риллианами. Но иногда, опять же, как у вас с риллианами, обнаруживается, что враг не хочет говорить. Тогда, если ты слаб, понесешь большие потери.

– Правда. Тогда надо дать технологию всем народам. Сохранить равновесие.

– Тьфу! – Маклеод даже головой затряс. – Ты скоро станешь мне являться в кошмарных снах, знаешь об этом?

– Где Бредли? Я теперь закрыт.

– Да, я забыл. Сейчас позову.

Маклеод снова подошел к дальней двери и осторожно постучал в нее согнутым пальцем.

– Все с нетерпением ждут вас, мадам. Можете выходить – и как можно скорее, пожалуйста. Шеннон согласился, чтобы техники исследовали его скафандр, пока мы будем инструктировать его для совещания.

– Сейчас? – раздался приглушенный голос Бредли из-за двери.

– Сейчас, доктор. Поскорее, – это уже был приказ.

Дверь открылась так резко, что внутри что-то упало. Бредли вышла и смущенно улыbnулась Шеннону.

Потом она сказала Маклеоду:

– Я думала, мы просмотрим записи, сделанные в кабинете Йетса, чтобы решить, можно ли заявить официальный протест по поводу выстрела Есильковой.

– Позже. Шеннон беспокоится, что напугал тебя.

– Кого? Меня? Я просто удивилась – и все.

– Думала раньше, что Шеннон – женщина? – вмешался пришелец.

– Давай не будем больше об этом, а? – резко обернулся к нему Маклеод. – Почему бы тебе, Шеннон, пока мы ждем инженеров, не поделиться мыслями, как нам подготовиться к следующему визиту риллиан?

Шеннон пожал плечами, чтобы показать Бредли, что все в порядке, и присел на корточки, чтобы удобнее было вылизывать скафандр.

– Магнит, – сказал он, подумав. – Большой, два, туннель с двух сторон: один поймает

риллианина, другой – его оружие.

– Да ты гений! – Маклеод хлопнул ладонью по коммуникатору, который он уже захватил. – Я сейчас кому-нибудь сообщу. Какого размера магнит, как думаешь?

– Большой, как риллианин, – ответил Шеннон, глядя на Бредли поверх шлема. – Бредли хочет посмотреть скафандр? – Он протянул руку к ней, чтобы показать, что между ними все снова в порядке.

Это заставило его начать думать. За очень короткое время эти первобытные существа стали для него отдельными личностями, а не просто представителями юной цивилизации, которую надо защищать.

Особенно Бредли надо защищать теперь: ее коитус с Маклеодом был успешен. Если ее не убьют риллиане, в свое время у нее и Маклеода будет ребенок.

В любом мире за новую жизнь следовало бороться. Надо сделать все, чтобы эта Бредли и те Бредли, которые еще будут, не погибли.

22. КАРАНТИН

Элле казалось, что она никогда не поймет человека, за которого собирается выйти замуж. Его безжалостность, двуличность, искренняя преданность работе не всегда являлись отрицательными качествами, но испытать их все на себе...

Совещание, проходившее в комнате с постмодерновым интерьером, началось точно в восемь ноль-ноль и уже было в полном разгаре, а Маклеод еще не выложил своего главного козыря. Все вразнобой разговаривали, заедая разговор нью-йоркскими сосисками и запивая кофе и фруктовым соком. Начался просмотр записей, основательно отредактированных людьми Маклеода.

На экране риллианин пробивал себе дорогу через внешнюю дверь шлюза, потом – через внутреннюю, потом – дальше. Запись постоянно останавливали, проматывали назад, потом вперед уже на медленной скорости. Картинка была утыкана кружочками и стрелочками, обращающими внимание зрителей на скафандр пришельца, на его анатомию, его оружие.

Все это было в порядке вещей: стандартная процедура, ничего такого, что встревожило бы русских, сотрудников ООН, женщину из ВОЗ или даже американских представителей: полковника морской пехоты Бердуэлла, генерала Сандерса, Джима Стюарта, Дика Квинта и того человека, что пришел вместе с Квинтом, но его Элла не знала.

В комнате кроме нее самой и Маклеода, рядом с которым стоял пустой стул, предназначенный для Шеннона, было пятнадцать человек. Только она и Маклеод знали, зачем, собственно, было созвано совещание – не для просмотра пленок, нет. Тейлор собирался представить всем Шеннона, показать трансформации его кожи и объявить недельный карантин для пришельца и всех, кто с ним контактировал, то есть для всех присутствующих. Элла подумала, что лучше бы она этого не знала заранее. По крайней мере, она бы не чувствовала бы себя так погано все это время. И еще она знала, что Маклеод не ожидал и не хотел никакого совместного решения проблемы риллиан.

Он позвонил на Землю, и там согласились с ним (еще бы!), что любые технологические секреты, выведенные у пришельца, должны принадлежать исключительно США.

– Зачем тогда вообще было устраивать эту канитель с собранием? – спросила она его, когда они оказались вместе во время просмотра записей в «чистом» (с маниакальной скрупулезностью проверенной на отсутствие «жучков») конференц-зале с никелевым потолком и обитыми бело-голубой тканью стенами.

– Нам нужно, чтобы карантин захватил как можно больше людей, – объяснил он ей снисходительно, словно он был учитель, а она – двоечница. – Чем больше игроков с противоположной стороны выйдет из строя, хотя бы на время, тем лучше.

– А, – только и смогла сказать она. Человечество вступало в новую эру, а Тинг все продолжал думать об угрозе шпионажа и технологических преимуществах над другими странами, как будто слова Шеннона о новом визите риллиан были выдумкой.

Она потянулась за новым бутербродом, не потому, что ей хотелось есть, а чтобы отвлечься. При этом она еще умудрилась толкнуть Маклеода локтем.

Он ее неправильно понял, опустил руку под стол и положил ей на колено, потом провел вверх между бедрами. Она прикрыла глаза, убеждая себя, что его можно убить и позже.

Это было слишком похоже на выражение удовольствия, которого она не испытывала, поэтому она наклонилась немного к нему и прошептала:

– Не надо. Не здесь.

Он отнял руку и посмотрел на нее, подняв бровь:

– Что, заболеваешь вирусом Кири?

Элла бросила бутерброд обратно на тарелку и уставилась на экран. И она еще помогала ему заявить официальный протест по поводу применения Есильковой станнера против его ненаглядной группы специального назначения!

Лучше бы этого не было! Элла не обвиняла Есилькову. Она бы, наверное, и сама так поступила, если бы была обучена стрелять, оказавшись в опасной ситуации. Например, когда Стюарт и его подручные пытались остановить Йетса...

Иногда она ненавидела все правительства на свете, иногда – гордилась, что работает на правительство. Маклеоду было лучше. Но так могут только мужчины.

Минский, глава советской делегации, о котором Тейлор сказал, что он из КГБ (официально его пост назывался «торговый представитель» или что-то в этом роде), попросил остановить пленку.

Спрятанный за стеной оператор подчинился только тогда, когда Тинг поднял руку. По его команде зажегся свет.

– Вам слово, мистер Минский.

– Это оружие, что обведено красным кружком, что мы знаем о нем?

Квинт из Космических исследований ответил:

– Оно разрушает материю. Полностью и очень быстро. Без какого-либо внешнего воздействия. Оружие не перезаряжается. Лучи невидимы, по крайней мере, я их не вижу, если только это лучи. Иногда при выстреле появляется иллюзия голубого неба и кучевых облаков... это вторичный эффект.

Султанян протянул короткую руку через стол.

– И еще, – добавил он. – Когда оно стреляет, риллианин становится невидимым, именно в момент выброса энергии. Мне кажется, поэтому мы не могли причинить ему вреда. Это согласуется с предполагаемым эффектом А-поля...

С другого конца стола Силов, лысый как яйцо советский астрофизик, сказал:

– Я склоняюсь к другой точке зрения, господа. Риллианин перестает быть видимым не когда он стреляет, а когда стреляют в него. Его не берут ни пули, ни плазма, потому что он исчезает из нашего пространства и времени и оружие поражает то место, где никого нет. Так я объясняю исчезновение риллианина из видимого спектра.

– Нет, это неправильно, – сказал незнакомец, пришедший вместе с Квинтом. – Моя фамилия Джонс, я не представился. Мне кажется, что у него был какой-то экран, который делал его невидимым. Он стреляет через него, раз! – и экран исчезает, мы стреляем, оп! – экран включается, он снова невидим. И так далее.

– Какова ваша область деятельности, мистер Джонс? – поинтересовался Минский.

– Оружие, мистер Минский. Оружие космического флота США, – живо ответил Джонс.

– И советское оружие, конечно, – Минский повернулся к нему, оглядел с головы до ног, посмотрел на Сандерса, потом ласково улыбнулся Маклеоду, как врач, осматривающий непослушного ребенка. – Я надеялся, что на совещании будут присутствовать только наши группы, мистер Маклеод. Новички не могут ничего добавить к...

– Это вы хотели, чтобы пришли люди из ООН и ВОЗ, господин Минский, вовсе не я. Раз число приглашенных стало увеличиваться, я не мог отказать Сэнди в просьбе ввести двух его приятелей в компанию, так как командование флота США не считает ООН нейтральной организацией.

Элле хотелось закрыть глаза или лучше – провалиться под стол вместе с бутербродом...

– Понятно, начало не очень хорошее. Где же наш гость?

– Он чувствует себя не очень хорошо, – грустно объявил Маклеод, покачивая головой.
– Йетс и Есилькова привезут его, как только он почувствует себя лучше. Надеюсь, тогда ваше могучее желание паритета будет удовлетворено, мистер Минский? А пока предлагаю вернуться к записи. Согласны?

– Согласен, – шумно вздохнул Минский.

– У кого-нибудь есть еще вопросы, замечания? Доктор Султаниян, доктор Квинт? Джонс?

По сигналу Маклеода свет снова померк, и опять запустили запись.

Танкоподобный риллианин грациозно шагнул вперед и разнес коридор из своего двурогого оружия. Картинка в очередной раз исчезла, потом снова появилась: сгорела одна из камер и почти сразу же включилась другая. Запись могла бы быть лучше, если бы не нехватка времени. Но времени не было. Элла знала это. Времени не было с тех пор, как риллианин взорвал главный вход.

Йетс и Есилькова приехали с Шенноном, когда запись подходила к концу. Маклеод не упустил случая и здесь схитрить.

Двое офицеров Безопасности проводили Шеннона к его месту во главе стола. Он все еще был одет в нижнее белье Тинга. Отличная картина.

Никто еще не успел открыть рта, чтобы спросить, где шлем и скафандр пришельца, как Тейлор вскочил, притворяясь удивленным, подбежал к Шеннону и что-то зашептал ему на ухо.

В комнату вошел другой человек, одетый в белый халат с нарукавной нашивкой медика. Он тоже принялся шептаться с Шенноном и с Маклеодом.

Загадочное совещание продолжалось. Присутствующие начали недоуменно переглядываться и обмениваться тихими замечаниями. Гул от многих голосов был так громок, что Тинг поднял руку, призывая всех к молчанию.

– Друзья и коллеги, большинство из вас уже встречалось с мистером Шенноном, который находится под протекцией правительства США после его просьбы о политическом убежище, согласно Кодексу законов США, глава одиннадцатая, пункт десятый. Согласно этим уложениям, мы имеем право объявить карантин ограниченного масштаба, что мы и сделаем. Мистер Шеннон, как вы можете видеть, страдает от неизвестного поражения кожи. Все, кто не желает подвергаться риску заразиться неизвестным заболеванием, могут покинуть комнату.

Поднялась только женщина, представительница ВОЗ, но не ушла, а принялась шептаться с врачом.

– Остальным следует знать, что без санкции ООН мы вводим чрезвычайное положение, недельный карантин для всех присутствующих. Мы не можем позволить, чтобы инфекция распространилась на все население Луны, еще не доказано, что она не поражает также и людей. Я спрашиваю еще раз: может быть, кто-нибудь хочет уйти?

Элла посмотрела вдоль стола. Шепот все усиливался, скрипели стулья. Но никто не ушел.

Чего же хотел Маклеод? Элла слегка запуталась, а потом поняла. Теперь никто не мог сказать, что его не предупреждали. Но как только кто-либо выйдет из комнаты, войти назад он уже не сможет. И доступ в миссию США будет закрыт для всех, по крайней мере, на неделю. За эту неделю если не придут риллиане и не перебьют всех, Тинг получит все, что ему надо от Счастливчика: полную конфиденциальную информацию.

Никто не мог убедить Маклеода, что Султаниян действительно разбирался в А-поле лучше, чем американские эксперты. Но если даже это было так, Тейлор собирался получить все необходимые данные в личной беседе или по видео.

Минский смотрел на Маклеода, как будто хотел убить его взглядом. Но начальнику

КГБ было нечего сказать.

Ничего удивительного в том, что кожное заболевание Шеннона объявили заразным, не было. Элла видела, как Минский трет ладонь. Все люди за столом поглаживали шею и смотрели подозрительно на свои руки. Но все-таки никто не ушел. Все понимали: если болезнь заразная, они уже и так заболеют.

А Шеннон сказал:

– Рад видеть вас, все люди. Мы должны научиться останавливать риллиан, все вместе, в дружбе.

Это Элла посоветовала ему так начать встречу. Шеннон посмотрел на нее, и она ему улыбнулась. Он кивнул ей в ответ и уселся на свое место. Он действительно выглядел больным.

Господи! Хоть бы он и вправду не заболел. А если заболевание заразно? Внезапно ее левая рука отчаянно зачесалась. Элла усилием воли сдержалась.

Очень часто она жалела, что не стала заниматься садоводством или рисовать акварелью. В школе она здорово рисовала. Сейчас она могла бы сидеть где-нибудь на пляже с парой ребятишек или подрезать вишни, чтобы на картине они выглядели лучше...

Нет, ей, видите ли, захотелось иметь приключения, ее жизнь должна была стать особенной.

Но, глядя в нечеловеческие опалесцирующие глаза Шеннона, она понимала, что не отдала бы этот момент своей жизни ни за что на свете. Шеннон толкнул человечество на грань катастрофы, но оно бы и так там оказалось, только несколько позже.

И от Шеннона Элла научилась ценить надежду.

Надежда была на все и для всех: для Сообщества Кири, на мир с риллианами, даже на Тинга Маклеода была надежда. Шеннон был уверен, что Элла беременна.

Когда она оправилась от шока этого сообщения инопланетянина, ей стало даже приятно. Шеннон сказал, что поверхность яйцеклетки уже затвердевает, чтобы больше не проникали сперматозоиды. Она не понимала, откуда он мог это узнать. Может быть, причина в том, что он – представитель гораздо более древней цивилизации, которую без особой натяжки можно было бы назвать высшей.

Это было тяжело для многих сидящих за столом, Элла чувствовала это. Они боялись, что их превосшли в силе. Не только в военной, но и вообще.

Только она, Маклеод и, может быть, еще Йетс с Есильковой провели с Шенноном достаточно времени, чтобы понять: Сообщество Кири не несло в себе ничего такого, чего надо было опасаться, разве что своих врагов.

Сами кириане обладали достаточной мудростью, чтобы спасти человечество от самого себя, если когда-нибудь люди смогут вступить в межзвездное братство.

И, конечно, если горстка первобытных, параноидных человеческих существ поможет Шеннону спасти Сообщество Кири от риллиан. Шеннон на это очень надеялся.

23. ОБЫЧНОЕ ДЕЛО

Йетсу нравилось сидеть развалясь. Этот стул в офисе Маклеода был слишком удобен: как бы тело сидящего в нем человека ни изгибалось, он подстраивался под форму тела; никакого давления, кроме гравитации, не ощущалось совершенно. А лунная гравитация и сама по себе изнеживала людей.

– Телефон, – приказал Йетс. – Комиссия по безопасности ООН. Отдел кадров. Суперинтендант Трефузис.

Он встал и пару раз потянулся, упираясь вытянутыми руками в потолок. По крайней мере, хоть потолок был здесь такой же, как и везде.

Йетс не любил Маклеода не из-за Эллы Бредли. Вернее, не только из-за нее, если говорить честно. Всегда возникает чувство собственности к женщине, которая когда-то была твоя. Тут надо отметить, что никто не сможет долго называть ее своей.

Интересно, понимает ли это Маклеод? Нет, конечно. От этой мысли Йетс по-ребячьи засмеялся.

Телефон продолжал пощелкивать. Соединяется. За это время точно такой же телефон в кабинете Йетса соединился бы уже несколько раз, но здесь же кабинет самого резидента ЦРУ, черт бы его побрал! Проверка линии на наличие подслушивающих устройств занимает больше времени, чем сам разговор.

Маклеод – неприятный тип. «Никакие расходы не являются слишком большими, никакие жертвы вас, пешек, не являются слишком тяжелыми, раз я чего-то хочу». Таков, должно быть, его принцип. Умный, хитрый, хочет подняться как можно выше.

Дело в том, что Сэм знал множество парней, которые тоже хотели бы подняться как можно выше. Примерно тридцать тысяч таких ребят вернулись из Центральной Америки в западных гробах. Остальные, которые вернулись в более приличном виде – как сам Йетс, – не привезли с собой ничего, кроме шрамов. А все благодаря заботе таких, как Маклеод.

Да, жизнь несправедлива.

– Пост семь, – раздраженно сказал телефон. – Какого черта кому надо?

– В последний раз, Аллан, – вкрадчиво сказал Йетс, – я был очень похож на твоего начальника. Кстати, как там насчет статистики потерь?

– О Господи! – убито пробормотал Трефузис. – Шеф? Я так рад, что вы позвонили. Мы думали, вы купили себе ферму на Земле и теперь живете там.

– Нет, это просто я работаю пока вне офиса, – скривившись, пояснил Йетс и положил ноги на стол, пытаясь его сломать. – Дел везде полно.

Композитный стол, который был ни в чем не повинен, выдержал натиск.

– Ах да, конечно, – мямлил Трефузис, отчаянно пытаясь придумать что-нибудь. – Я, к сожалению, не знаю, кто занимается этими цифрами. Может, аль-Азиз из Патрульной службы. Вы не хотите...

– Аллан, – Йетс прикрыл глаза, сделав еще одну бесплодную попытку отломать столешницу. – Если бы я хотел обратиться в Патруль, я туда бы и обратился. А мне нужно знать, что произошло с моими людьми и с мирным населением. Может быть, потом я начну интересоваться другими, более приятными вещами, но это будет не скоро. Ясно?

– Простите, комиссар, я могу переслать вам данные о перемещении кадров. Это самое простое. Какой у вас номер?

Чертова секретность!

– Номер обычный, но сначала набери один-семь-шесть. Это должно сработать. Если не сработает, то я им тут закачу скандал.

– Ясно, – сказал Трефузис. Телефон Йетса зажужжал, когда заработала система передачи данных. – А вы в американской миссии? – весело поинтересовался Трефузис как бы между прочим.

– Аллан... – укоризненно сказал Йетс, но против воли улыбнулся.

– Простите, шеф, секрет, понимаю, – ответил Трефузис, сдерживая смех. – Дело займет минуточку-две.

Или он был просто рад, что Йетс не погиб, или был доволен, что не придется составлять архивный файл на еще одного погибшего.

Голотанк переливался разными цветами, ожидая приказа на воспроизведение. Может быть, стереопроекторы и хороши для больших залов, но по качеству изображения с голотанком их не сравнить.

– Послушайте, шеф... – смущенно начал Трефузис.

– Да? – Йетс расслабился и потянулся, прогоняя слабость.

– Что это было на самом деле, а?

Йетс открыл глаза, потому что ему не понравилось то, что он слишком живо вспомнил.

– Это был метеорит, Аллан. Огромный метеорит.

Голотанк защелкал: все данные приняты.

– Одна копия пойдет Маклеоду. Его контора тоже понесла большие потери, правда, не

такие тяжелые, как Служба Безопасности.

– Да, я знаю, но если неофициально?..

– Ты в своем уме, Аллан? Мечтатель чертов! Ты понимаешь, откуда я говорю?

– Простите, шеф.

– Ладно. Спасибо, я отключаюсь.

Сэм повертел в руках пистолет Токарева, который теперь носил в правом кармане костюма. Может, когда эта заваруха кончится, русские подарят ему кобуру к этой штуке. И боезапас. Сейчас осталась только одна обойма из семи патронов. Она лежала в левом кармане для противовеса.

Он отдал один патрон экспертам Маклеода. Они сделают микрофотографии, буквально разложат его на атомы с помощью активных нейтронов. Они хотели, чтобы он дал еще, но Сэм отказался. Он сразу запросил в обмен целую упаковку из двадцати пяти патронов.

Пистолет был теперь заряжен. Сэм прекрасно знал, как опасно носить в кармане оружие, не имеющее предохранителя, но все равно таскал пистолет с собой.

«Когда заваруха закончится». А еще называл мечтателем Трефузиса!

Двадцать три трупа. Только семеро раненых: четверо пострадали, когда столкнулись два патрульных автомобиля. До риллианина вояки не доехали более километра. Лунная гравитация меньше земной, но инерция на Луне такая же, и если человек влетает в стену со скоростью сорок километров в час, то, конечно, надолго выбывает из борьбы.

Двадцать три подчиненных Сэма Йетса погибли. Не так уж много, если разобраться. Если считать их пешками, которыми надо пожертвовать, чтобы победить.

На ладони остались отпечатки рубчатой рукоятки пистолета. Он положил оружие на стол, потому что указательный палец все время хотел нажать на курок.

Погибшие. Джунгли, коридоры, воняющие сгоревшим мясом и озоном после выстрелов из плазмеров...

Сэм знал людей, для которых число погибших было просто цифрами. Если бы один из них вошел сейчас в дверь, он бы не вышел отсюда на своих ногах.

Ты должен расслабиться. Ты никогда не должен спрашивать, почему погиб тот, с кем ты играл в карты, а не ты.

Никогда не спрашивай. Потому что ответа нет.

Он посмотрел в конец списка. Против каждой фамилии стоял код камеры, заснявшей гибель. Но сейчас он не будет смотреть. Может быть, позже.

Причина отсутствия на службе: смерть.

– Господи! – простонал он хрипло. – Господи!

Сэм встал, положив пистолет обратно в карман.

– Голотанк, выключиться, – приказал он, вспомнив, что во время просмотра кто-нибудь может неожиданно войти в кабинет и увидеть...

Сэм направился к двери. У порога он остановился и сказал:

– Телефон, миссия США. Тейлор Маклеод.

Снова щелчки, телефон переключался сначала на самого себя. Потом приятный женский голос:

– Семь-пять-шесть-один?

– Это Сэм Йетс, – голос его звучал немного более музыкальнее, чем обычно, из-за адреналина, насытившего кровь. – Передайте, пожалуйста, мистеру Маклеоду, что я сейчас к нему приду.

– Сэр, прежде я должна спросить...

– Не надо! Милочка, если ты не поняла, читай по губам: я иду к Маклеоду. Телефон. Выключиться.

Он вышел в соседнюю комнату. Соня подняла голову. Они с Шенноном сидели возле другого голотанка и болтали Бог знает о чем. Бог и подслушивающая система.

– Поспал, Сэм? – спросила она.

Йетс послал ей воздушный поцелуй, когда проходил мимо. Маклеод сейчас работал

через три двери по коридору. Переехал.

– Я тут заковырялся с бумажками. Ужасно. Поэтому за такую работу так много платят.

– Сэм?

– Я иду повидаться кое с кем, – бросил через плечо Йетс. – Скоро приду.

Может быть, ему удалось обмануть Есилькову. Но Шеннон сидел, так загородившись руками от него, что было ясно: он почувствовал, в каком настроении находится Сэм Йетс.

24. ОЦЕНКА РИСКА

Первое: если элевенеры могли бы отразить атаку риллианина, их корабль не был бы уничтожен с такой легкостью, что вызывало презрение у флота.

Второе: единственный уцелевший элевенер без оборудования, которое он не взял со спасательного судна, не мог убить риллианского солдата.

Третье: солдат был убит туземцами, вернее, если быть более точным (а риллианский командир всегда был точен), – пришельцами с соседней кислородной планеты, которые колонизировали холодный спутник, на который совершил посадку элевенер.

Все было ясно, но...

Но у туземцев было меньше возможностей для защиты, чем даже у элевенеров. Чем больше он висел в вакууме над поверхностью безвоздушного шара, измеряя и сравнивая, тем больше росло его удивление.

Он пришел сюда, ожидая встретить грозного противника. Он был уверен...

Шейные мускулы риллианина напряглись, мигательная перепонка на мгновение прикрыла его глазные яблоки. У предков риллианина перепонка была роговой для защиты от клыков противника.

Он подозревал, что где-нибудь в бескрайней макровселенной может существовать цивилизация, которая не склонит головы перед риллианами. Но не здесь. Только не здесь...

Ничто на спутнике, где погиб солдат, не могло представлять угрозу, разве что командир пропустил что-нибудь среди мешанины химических ракет, солнечных батарей и примитивной защиты от космического излучения в виде толстого слоя камня, покрывающего колонию.

Вся техника туземцев работала плохо, неэффективно, несмотря на то что быстрая оценка технологии основной планеты показала, что на спутнике они применяли свои последние достижения.

Такая цивилизация не могла уничтожить риллианского солдата, защищенного и вооруженного всей мощью энергетического моря. Но, как оказалось, защищенного недостаточно.

Может быть, расстроилось А-оружие солдата и вызвало энергетический потенциал не в кислороде, а в хлориновой атмосфере скафандра? Может быть, испортился сам скафандр? Что, если защита подведет и его?

Риллианские солдаты не думали о своей смерти, это не входило в их обязанности. Этим занимался командир: рассматривал все вероятности, которые могут помешать его подчиненным выполнить задачу. Итак...

Вися над поверхностью, не обращая внимания на неправильное движение звезд и света, риллианин собирал информацию. Когда его оборудование не обнаружило никакой опасности, никаких ловушек, он исследовал окружающее пространство своим мозгом, несмотря на то что всегда существовала вероятность сойти с ума, погружая свою незащищенную психику в чужую, чуждую среду.

И ничего. Или он сошел с ума и галлюцинирует, представляя себе всю здешнюю техническую структуру, недалеко ушедшую от каменного века.

Сумасшедший или в здравом рассудке, но он должен выполнить свой долг.

Он ясно видел следы, оставленные солдатом, когда тот вошел в колонию, прокладывая себе путь оружием, защищенный броней. Пока броня не исчезла и его жизнь вместе с ней...

Флот мог бы испарить весь спутник или раскаленной массой обрушить его на основную планету. Но огромных кораблей риллиан здесь не было, и возможности ручного оружия риллианина были ограничены.

Ограничены, но вполне достаточны.

Первым делом он разрушит энергостанцию, это выведет из строя систему жизнеобеспечения и циркуляции воздуха. Тогда можно будет заняться элевенером.

А если туземцы ожидают, что он, как солдат, будет следовать по лабиринту их коридоров, то они ошибаются. Он выберет себе прямой путь, игнорируя камень и металл в данном пространстве-времени.

25. ТРУДНАЯ ПОБЕДА

С насупленным лицом Джим Стюарт широкими шагами шел по коридору, когда увидел Сэма Йетса. Он пустился бежать, но Йетс уже подходил к двери босса.

– Стойте! – крикнул Стюарт.

Йетс оглянулся, но не остановился.

– Джим, – сказал он. – Прости за вчерашнее, но сегодня...

Стюарт схватил его за правое плечо и дернул. Йетс поддался его движению, повернулся и, используя силу разворота, ударил его кулаком в солнечное сплетение.

Это был все-таки не особенно сильный удар. Со стороны он мог показаться случайным неловким движением.

Но щенок Маклеода не далее как вчера получил в брюхо три иглы из станнера. Джим Стюарт с криком согнулся пополам, когда его несчастные мускулы свело неодолимой судорогой.

– Мне очень жаль, малыш, – пробормотал Йетс, открывая дверь кабинета Маклеода.

Ему действительно было его жаль. Стюарт был вообще-то неплохим парнем, но он оказался на пути, и ему опять досталось. С другой стороны, если этот Джэб не погибнет в ближайшие несколько дней, у него будет куда как меньше причин опасаться за свою шкуру, чем у самого Йетса.

Сэм ожидал, что Маклеод открыл новую лавочку в помещении, по размерам не уступающем футбольному полю, но его кабинет оказался достаточно скромным. Только одна комната, нигде не видно секретарши, которая приняла звонок Йетса. В комнате один стол, три стула, полно электроники и достаточно места, чтобы не чувствовать себя в тесноте. Если сравнить с кабинетом Есильковой, тут настоящие хоромы.

Снаружи, в конце коридора, виднелась машина Маклеода – это на тот случай, если риллиане опять учинят пальбу.

– Садитесь, Йетс, – сказал ему Маклеод. Его руки расслабленно лежали на столе, но тело было напряжено, словно он опасался нападения.

– Нет, – Йетс потер глаза ладонью. Он сам боялся того, что должно было произойти, больше, чем Маклеод. – Послушайте. Говорят, что Соню выгоняют. Так нельзя.

Его речь была отрывистой и не очень связной: он не мог сконцентрироваться на словах, думая о другом.

– Почему бы вам не сесть, Йетс? – повторил Маклеод. Его голос был спокоен, но глаза перебегали с посетителя на дверь и обратно. – Я думал, что это может случиться, и попросил присутствовать Минского, если вы не возражаете. Как представителя ООН.

– Отлично, – ответил Йетс. – Великолепно. Созовите весь Совет Безопасности. Но это не поможет, – он встретился глазами с Маклеодом и добавил почти без паузы: – Ждете Джима? Напрасно. Не скоро он выздоровеет.

Выражение лица Маклеода слегка изменилось, до того неподвижные пальцы шевельнулись.

Йетс улыбнулся.

– Маклеод, чтобы справиться с вами, мне не нужен пистолет. Но у меня он есть. Вы же

сами приказали мне носить его с собой, помните? – он вытащил пистолет из кармана и положил его на стол, стволом к стене, рукояткой к Маклеоду. – Осторожно, он стреляет.

– Я не считаю... – начал Маклеод. Йетс уперся руками в потолок и потянулся, словно был в гимнастическом зале...

Дверь распахнулась. В кабинет неуклюже, словно у него был сломан позвоночник, ввалился Джим Стюарт со «Смит-Вессоном» в руке, который, по идее, у него должны были отобрать при входе в здание миссии США.

– Ни с места, скотина! – заорал он, направляя дуло на Йетса.

Маклеод про себя молился, чтобы пистолет был заряжен мягкими пулями, которые обычно применяются на внеземных колониях: они не рикошетили.

За спиной Стюарта с профессионально безразличным выражением лица стоял Олег Минский. Маклеод уже начал думать, как написать объяснение о гибели резидента КГБ от срикошетившей пули.

Сэм Йетс начал смеяться. Стюарт, у которого было теперь достаточно времени, чтобы заметить, что его жертва упирается в потолок руками, растерянно огляделся по сторонам и заметил пистолет Токарева на столе. Его начала бить дрожь.

– Джим, – сказал Маклеод. – Ты мне не одолжишь эту штучку?

Он кивнул на «Смит-Вессон». Стюарт, побледнев, передал ему пистолет рукояткой вперед. Рукоятка, когда Маклеод взял оружие, была холодной и мокрой от пота. Тейлор вытащил магазин.

– Джим, – тихо сказал он, передергивая затвор, – ты отстранен от выполнения обязанностей на две недели или до моего распоряжения. Иди к себе на квартиру и не покидай ее.

Патроны в обойме – слава Богу за его маленькие подарки – имели серые головки – мягкие пули. Правда, теперь это уже все равно.

Стюарт кивнул и вышел из комнаты. Он выглядел вполне нормально, на губах у него было нечто вроде улыбки, но Минскому, стоящему в дверях, пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы тот не прошел сквозь него.

– Американцы! – сказал Минский, входя в комнату. Он вопросительно посмотрел на Маклеода, тот кивнул.

Минский закрыл за собой дверь.

– Американцы! – повторил он.

– Мне кажется, я могу сесть, дружище Тейлор, – весело сказал Йетс. Он сел и заговорил: – Я прошу прощения за свой смех. Но не надо быть слишком строгим с парнем. Вчера он потерял друзей. Будь по-моему, я бы оставил его в покое на несколько недель. Пусть придет в себя.

Маклеод не мог понять, насколько это была действительно забота о Стюарте и насколько – издевательство. Он подумал, что электронный анализ разговора, который, разумеется, записывался, не поможет это определить.

Он посмотрел на пистолет Токарева, невинно лежащий на столе. Он едва отделался от опасного придурка, который, может быть, и не так глуп, как кажется.

Вице-секретарь Минский тоже уселся, вытирая лицо вышитым носовым платком. Не один Маклеод опасался рикошетов.

– Вице-секретарь, – сказал Йетс, закинув ногу на ногу и лихо разваливаясь на стуле. – Я как раз говорил моему другу Тейлору, что произошла ошибка в работе с кадрами: хотят уволить инспектора Есилькову. А я это отменил.

Он улыбнулся сначала одному собеседнику, потом – второму. Улыбка была фальшивой и скорее выражала твердость намерений.

– Йетс... – начал Маклеод.

– Даже несмотря на то, что Тейлор не является моим непосредственным начальником, – добавил Йетс, обращаясь снова к Минскому.

Может быть, эта тупая скотина еще сомневается, что Маклеод (что ЦРУ) не оговорил –

услуга за услугу – увольнение Есильковой с Минским?

– Йетс, – по-прежнему спокойно сказал Маклеод, так же как он требовал от юного Стюарта сдать оружие, – инспектор Безопасности совершила нападение на моих людей, выстрелила в них из станнера, оставив их беспомощными во время... событий вчера. Я потребовал ее отстранения. Вице-секретарь Минский, ваш начальник в ООН, полностью меня поддержал.

– Я ценю это, – сказал Йетс, сжимая и разжимая кулаки на коленях так, что побелели костяшки пальцев. Его голос, однако, звучал совершенно нормально. – Нужен кто-то, кому вы оба доверяете, чтобы следить за Шенноном? За Шенноном и мной. Но я вас не поддерживаю, а я комиссар Безопасности.

Маклеод начал против своей воли заводитьсь.

– *Йетс* ! – рявкнул он. – Если вы собираетесь строить из себя ковбоя...

– Нет, не собираюсь, – твердо пообещал Йетс.

– ...не выполняющего приказов...

– *Твоих* ?

Йетс на минуту прикрыл глаза. И хорошо сделал, потому что Маклеоду не понравилось их угрожающее выражение. Он опасливо посмотрел на пистолет.

Йетс повернулся к русскому.

– Вице-секретарь Минский, – его голос на этот раз дрожал. – Ваш секретариат может мне приказывать. Только один приказ. Вы уже нашли кандидата на мое место?

Он полез двумя пальцами во внутренний карман костюма и выудил оттуда удостоверение ООН.

Минский скосил глаза на Маклеода.

Тот отчаянно затряс головой. Надо держать себя в руках. На мгновение ему показалось, что он не выдержит и взбесится.

Если бы Йетс не был ему больше нужен, он бы удавил его голыми руками.

– Мне кажется, вы не понимаете всей сложности ситуации, комиссар, – вкрадчиво заговорил Минский. – Ваша отставка получит огласку, что плохо отразится на судьбе гражданки Есильковой. Выстрелить в американских оперативников – это, знаете ли... Я, конечно, могу говорить только как сотрудник секретариата ООН, но я боюсь, мои соотечественники посчитают поступок Есильковой серьезным антигосударственным преступлением, – он улыбнулся. Между резцами у него была щель – диастема. – А наказание – расстрел – еще не отменено.

Йетс пожал плечами.

– Я тут ни при чем. Я не уволю ее.

Лицо Минского потеряло последние остатки доброжелательности.

– Вы думаете, я шучу, комиссар?

– Нет, вице-секретарь, – устало ответил Йетс, глядя ему в глаза. – Я знаю, что вы говорите серьезно, вы действительно можете это сделать. – Он облизнул губы и добавил: – Я не могу контролировать события, но я могу контролировать свои поступки. Я не уволю ее. Соня сделала то, что я приказал ей сделать. Это моя вина, не ее.

– Йетс, все происшедшее записано, – вмешался Маклеод, подавшись вперед. – Вы не отдавали никаких приказаний...

– Я дал ей этот проклятый станнер! – заорал Йетс, поднимаясь с грацией, которую трудно было ожидать от такого массивного человека. Маклеод вспомнил его точные, экономные движения на записи, когда он целился в риллианина из пистолета среди клубов пыли. – Ей был отдан приказ спасти Шеннона, и это она сделала.

– Она не сделала...

– Маклеод, – Йетс снова говорил устало, – если бы пистолет был заряжен пулями, я бы все равно дал его ей. И, выстрелив из него, она поступила бы тоже правильно, потому что времени не было, а ваши люди ковырялись под ногами.

– Послушайте, вы... – тихо начал Маклеод.

– Минский, – игнорируя его, спросил Йетс, – кто подал жалобу? Этот дурень, что махал здесь пистолетом?

Минский посмотрел на Маклеода и поднял бровь.

Маклеод промолчал.

Йетс пожал плечами.

– Кажется, все потеряли дар речи. Не надо передо мной извиняться, в меня и раньше тыкали пистолетом. Но давайте так: вы будете говорить правду, или... – Он смерил Маклеода взглядом. – Или Тейлор хочет нас убедить, что я был неправ, отдавая приказания? Может быть, он скажет для записи, что сам приказал Стюарту во что бы то ни стало задержать меня? И его игры с пистолетом – тоже выполнение ваших инструкций? Давайте, расскажите нам все.

– Вице-секретарь Минский... – заговорил Маклеод, показывая, что не желает отвечать крестину, который ухмылялся, глядя на него.

– Хотя мы и так все знаем, – свернул Йетс. Его улыбка больше была похожа на оскал.

– У нас есть свои обязанности! – рявкнул наконец Маклеод, вскакивая. – Эта информация может уложиться в вашем черепе?

– В ваши обязанности не входит предательство моих людей, – возразил Йетс. Теперь все было сказано.

– Ах ты, сука, ты...

– Элла Бредли – приличная женщина. Вам не следует выражаться, – вкрадчиво заметил Йетс.

Они делают это, потому что думают, что ты промолчишь. Не осмелишься. Побоишься. Потому что ты для них – быдло.

Минский не шевелился, словно на него еще был наведен пистолет Стюарта. Его как будто не было в комнате.

– Так, – после минуты тишины сказал Йетс. – Я, пожалуй, вернусь и посмотрю, как там Соня и Шеннон.

– Убирайтесь, – прошипел Маклеод.

– Я возьму это, – усмехнулся Йетс, показывая же двумя пальцами, которыми он доставал карточку, на пистолет. – Для следующего риллианина.

– Убирайтесь...

Йетс сунул пистолет в карман и вышел, лишь холодно кивнув вице-секретарю. Он сказал Маклеоду все, что мог сказать.

Приходится довольствоваться тем, что есть. Потом, может, придут в голову лучшие варианты сегодняшнего разговора, но пока приходится довольствоваться тем, что есть.

26. ПРИЦЕЛИВАНИЕ

У риллианского контролера возникли проблемы. Вернее, несколько проблем. Согласно инструкции, он должен выявлять то, что может помешать войскам выполнить боевую задачу. Перед тем как начать танец смерти на безвоздушном спутнике планеты, ему надо было доложить результаты разведки. Но он не мог установить связь.

Неполадки в работе аппаратуры не могли служить оправданием. Ничто не могло служить оправданием риллианину, не выполнившему свою задачу. Формулировка могла быть только одна: *миссия не выполнена*, исполнитель погиб.

В риллианской армии не было такого понятия, как «потерпевший неудачу». Были либо погибшие, либо победители, середины не дано. Следовательно, нужно победить или погибнуть.

Погибнуть, как первый риллианин, в загадочной, ужасной вселенной двуногих, где гравитационные колодцы в ограниченном и сжатом пространстве-времени создавали негативные эффекты, мешающие работать аппаратуре.

Кроме того, он никак не мог приспособиться к темпоральной фазе. Может быть,

удастся перенастроить передатчик и послать предварительное сообщение, когда удастся решить проблему с темпоральной фазой, но это не так-то легко.

Все оборудование было калибровано по риллианскому стандартному времени, оно было способно перенести N-пространство по любому из темпоральных $T - 2$ векторов и скорректировать направление переноса. Таким образом посылались сообщения независимо от непостоянной скорости света и времени. Информация, переданная данным контролером (или любым другим контролером), за счет самокоррекции аппаратуры попадала по назначению через несколько мгновений в будущем, относительно времени, в котором находился контролер.

По временной оси X-Y (или север-юг) ему надо было построить проекцию на горизонтальную ось A-B, которая определяет расположение событий в реальном времени, и в правом северном квадранте найти точку, куда должно быть послано сообщение. Тогда индикатор на передатчике сменит цвет с красного на зеленый, показывая, что в реальном времени сообщение принято.

Контролер висел низко над стеной кратера (чтобы не быть обнаруженным примитивными радарными туземцев) на темной стороне спутника и раздумывал, как бы получше совершить этот небольшой подвиг. Точка на экране его передатчика была смещена на запад от оси A-B: если бы он послал сообщение сейчас, оно было бы принято в прошлом.

Он никак не мог удержать точку в нужной позиции достаточно долго, чтобы успеть передать информацию.

Он был почти уверен, что дело было в необычных свойствах материи в этой вселенной; это надо будет учитывать в бою.

Время текло здесь слишком медленно для его организма и для аппаратуры, следовательно, его можно было растянуть. Скорость света значительно уступала средней скорости света в части макровселенной, известной риллианам. Это означало, что на его стороне есть несколько тактических преимуществ. Строение Солнечной системы было довольно сложным: эллиптические орбиты планет, угасший далекий коричневый карлик. Текущее время, разделявшее пространство со временем $T - 2$ (родное для контролера пространство) и пространство со временем $T - 1$ (где рождались риллиане), было слишком стабильным.

По риллианским обычаям, будущие солдаты выращивались в отдельном, асимптотическом пространстве. Так было легче превращать их в убийц, с подготовленным для убийства телом и психологией.

Риллианский солдат никогда не расставался со специальным закрытым микропространством-временем, которое автоматически приспособлялось к тому макропространству-времени, где оказывался солдат. Таким образом, в любой вселенной риллианин никогда не испытывал дискомфорта, снижающего его боеспособность.

Контролер обладал также некоторыми другими способностями. Его органы чувств, например, воспринимали частоты гораздо более низкие, чем 100 герц; для туземцев этих частот просто не существовало, и их аппаратура тоже не могла их регистрировать.

Кислорододышащие виды исказили своим присутствием пространство-время. Как они это делали – это проблема ученых, а не военных.

Но пока ученые еще не разобрались с этим, уничтожение воздуходышащих – проблема и задача каждого риллианина.

Все-таки должен быть какой-нибудь выход! Служба контроля никогда не поставила бы его в безвыходную ситуацию. Но его начальники ни словом не намекнули, что в результате деформаций данного пространства-времени и стабильности его границ передача данных окажется невозможной.

Ему дали передатчик, следовательно, существует способ установить связь.

И он продолжал пытаться. Когда загорится зеленая надпись «сообщение послано / сообщение принято», он может приступить к выполнению своих непосредственных обязанностей.

Риллианское командование берегло контролеров. Его обучение и экипировка стоили слишком дорого, не говоря уж о расходах на инкубирование и воспитание, необходимых для создания боеспособного контролера.

Следовательно, должно быть решение проблемы, и оно ускользает от него, потому что его мозг функционирует недостаточно эффективно в стабильном пространстве-времени.

Он рассеянно пожевал вложенные в рот сенсоры управления, ловя пыль языком. Можно было бы немедленно покинуть эту вселенную и доложить обо всем устно – это не было запрещено.

Но такого случая еще никогда не было раньше. Его будут считать тупицей и трусом, потому что такое происшествие скрыть не удастся. Его жена раздавит их яйца, съест детенышей и сожжет гнездо. Никто не станет пить с ним...

Нет, выход должен быть, и он найдет его. Он начал думать о конусах света, сорокапятиградусных углах от вектора событий.

Он перестроил систему координат передатчика, поставив «настоящее» как можно ближе к пересечению вектора событий к вектору времени, точка оказалась чуть правее пересечения. Она не двигалась.

Он наклонил голову и провел первым клыком по внутренней поверхности шлема: удача! Его рука дрожала, когда он потянулся к кнопке, активизирующей передачу.

Но нет. Не сейчас. Он проверил еще раз все: шумоподаватель, настройку передатчика, питание, плотность шумов, температуру антенны. Потом, подумав немного, проверил уровень мощности передатчика, движением ротовой клешни вычислил вероятность ошибки...

...И выругался, как простой солдат, прикусив свой собственный язык недавно заостренным клыком. Вкус крови охладил его. И разбудил инстинкт, который был заглушен нерешенной проблемой, – инстинкт убийства.

Он вытащил свой автомат с генератором А-поля и настроил на поражение целей, расположенных чуть дальше, чем простиралась антенна его скафандра. Потом подключил автомат к передатчику, на экране которого загорелась надпись «выстрел/сообщение».

Врага можно убить разными способами. Именно поэтому его не обучили и не дали специального оборудования для действий в данном пространстве-времени. У него и так было все, что нужно, стоило только догадаться, как использовать имеющиеся возможности.

Задача оказалось не такой уж сложной. Если тебе не нравится пространство-время, смени его. Это легко. Просто он не ожидал, что на его мозг повлияет вселенная с такими неблагоприятными условиями.

Теперь понятно, почему беспорядочные атаки дикарей убили риллианского солдата: даже низшим риллианам нужно думать.

Контролер даже зашипел от удовольствия, добавляя поправку в свое сообщение, предупреждающее риллиан, которым придется сражаться в этой и похожих вселенных, что существует реальная опасность мыслительной дисфункции. За это он получит Пурпурный Клык, если только не ошибется до конца миссии.

Он с сожалением выключил конфигуратор, думая, что мог легко не заметить очевидное, заблудиться, и его непосредственный командир был бы убит, согласно обычаю.

Эти дикари не заслуживали такой чести. Не они, не их хитрость или осторожность создали все эти проблемы, а искаженное пространство-время, которое они, без сомнения, считали нормальным.

Неудивительно, что вонючий кирианин был здесь. Такое место как раз для него.

Перед тем как послать сообщение, еще одна проверка.

Теперь он знал, что его мозг работает здесь не так, как обычно. Нужно еще раз удостовериться, что кирианин действительно тут. Перед ним возникла прицельная панорама.

Да, этот элевенер здесь. Прячется под землей среди камня и металла вместе с туземцами.

Ошибки быть не может – риллианин был уверен в этом. Он снова переключился на

передатчик, который теперь был связан с автоматом. Посматривая одним глазом на дисплей передатчика, он поднял автомат. Стоит только нажать курок – и оружие пробьет дыру в пространстве-времени, расчистит дорогу для пересылаемого сообщения по вектору $T - 2$. Контролер на мгновение исчезнет из этого проклятого пространства-времени, и тогда включится передатчик, отрегулированный по $T - 2$, сигнал будет принят риллианскими подстанциями. Остальное уже не его дело.

Перед риллианином появился красный кружок: огонь.

Остается только нажать на курок в нужный момент.

Он так и сделал. Защита скафандра, среагировав на близкий выстрел из его собственного оружия, на мгновение выбросила его из местного пространства-времени, в долю секунды сработал передатчик.

Контролер вернулся назад, на то же самое место, с которого исчез, – над стеной кратера, а на дисплее весело мигала надпись «сообщение принято».

Теперь его ожидала интересная прогулка по новой планете и убийства.

27. ХОРОШИЙ РАССКАЗ

Шеннон не мог понять, почему на бесконечных конференциях, которые проводил Маклеод, люди внешне держались спокойно, хотя в душе у них бушевали не очень понятные страсти.

Шеннон чувствовал себя гораздо лучше. Ему вернули скафандр. Кожа после мытья больше не причиняла ему хлопот, особенно после того, как он помазал ее мазью, которую принесла ему Бредли. Она называла мазь «детским бальзамом». Сначала Шеннон с подозрением отнесся к бальзаму, но оказалось, что он хорошо помогает – смягчает кожу и устраняет сухость. Теперь он постоянно носил скафандр и, когда мог, надевал шлем, экранируя таким образом низкочастотные волны органического и неорганического происхождения.

Надо было раньше тоже так делать. К сожалению, было невозможно надевать шлем на совещаниях у Маклеода. Если он был в шлеме, присутствующие чувствовали дискомфорт, их подозрения росли, и негативное излучение становилось сильнее.

И вот снова он сидит среди них с обнаженной головой, слушая слова и стараясь не слышать потайных мыслей говорящих.

Маклеод был недоволен, хотя вслух говорил: «Мы сделали значительные шаги вперед». Он сидел развалившись, сняв почти всю одежду, кроме самой нижней, в руке у него был стакан с ледяным напитком.

Частично недовольство Маклеода могло быть объяснено присутствием Султанияна, который предпочел подвергнуться карантину вместе с Шенноном, а не быть там, где он обычно жил. Элла сказала Шеннону: Маклеод думает, что это – «советские хитрости». По Уэбстеру, «хитрость» означает «действие, направленное на достижение цели нечестным способом», но так как Маклеод сам использовал «белую ложь» для объявления карантина, ему приходилось молчать.

И еще Маклеод излучал настоящую враждебность – и не только по отношению к Султанияну, а ко всем, кто собрался на это третье совещание в комнате с украшенными панелями стенами. Ему не хотелось в присутствии Султанияна обсуждать приготовления к вторжению риллиан. Отсутствие ясности по этому вопросу раздражало и беспокоило всех: и Эллу Бредли, и воинов Джонса и Сандерса, ученого Квинта и даже вновь появившегося Джэба Стюарта. Йетс и Есилькова, видимо, решили не утруждать себя присутствием на совещаниях.

Султаниян снова спросил:

– Но, Шеннон, дружище, ты, должно быть, не все нам говоришь. Ты представитель великого народа, твоя родина – часть конфедерации, которой грозит опасный и беспощадный враг, да? Тогда ты должен знать больше о враге и рассказать все нам, чтобы мы лучше

подготовились. Расскажи нам, не бойся. Времени мало.

Шеннон барабанил пальцами по шлему, который он всегда ставил себе на колено. Он боролся с желанием водрузить его на голову и заснуть. Люди продолжали задавать вопросы, на большинство из которых он не мог дать ответ.

От разговоров у него болело горло. Если бы он не был так твердо уверен, что здоров, он бы и сам поверил словам Маклеода о своей болезни. Но кожа больше не болела благодаря умыванию и бальзаму.

Он сказал:

– Друг Султаниян, снова Шеннон говорит. На этот раз слушай лучше. Уши для слушания, используй их. У риллиан есть оружие. А-потенциал. У кириан нет. Оружие злое, разрушает. Споры много среди Сообщества Кири строить такое же. Некоторые говорили «нет». Но даже если «да», нужно научиться строить. Никто не знает как. Шеннон не знает, ученые Кири знают только в теории. Практика нет. Контроль А-поля – трудно. Открыть отверстие в пространстве-времени для энергии – как потом закрыть его? Открыть легко, закрыть трудно. Когда выходит энергия, как направить? Как регулировать? Вселенных много, энергетическое море поддерживает все. Риллианам все равно, если повреждается пространство-время.

– Я этого не понимаю, – сказал Джонс, подпирая голову рукой, отчего черты его лица исказились. – Они взрывают ваши корабли, может быть, даже ваши планеты, и вы им позволяете? Не отвечаете на огонь огнем?

– Огонь вызывается А-полем в кислородной атмосфере. Много бомб... взрывается кислород, другие атомы.

– Джонс хочет сказать, – вмешался Маклеод, который до этого долго молчал, – что не понимает, почему вы не разработали систему защиты, раз уж вы знаете теорию.

– Уже говорил: в Кири спорят. Не хотят А-оружия лучшие из нас. Хорошо для войны, другого применения нет. Стабильность народов – важнее, – Шеннон надеялся, что на этот раз они поняли. Мысль об А-технологии в руках риллиан или этой юной, агрессивной цивилизации была ужасна.

– Значит, вы даёте им сжигать вашу атмосферу? – сказал Сандерс. – Ладно, хотя я этого не понимаю. Но им-то от этого какая польза?

– Риллиане дышат другим. По-вашему... – он прикрыл глаза и порылся в памяти. – Хлорин большей частью. Риллианам не нужны планеты Кири. Они хотят, чтобы не было Сообщества. Может быть, потом использовать другие планеты систем, – он слишком упростил ситуацию и прищелкнул языком. Люди все еще не знали, что это невежливый звук. – Или нет. Кириане не знают. Узнать – задача Шеннона. Лететь к Провалу, найти риллиан, говорить с ними, заключить мир.

– Опять завел свою волюнку, – прошептал Сандерс.

– Повтори-ка, – попросил Шеннон. Это выражение он перенял у Джонса, который был самым откровенным из присутствующих.

– Он говорит, – заглушил Сандерса Султаниян, – если, конечно, я не ошибаюсь, что риллиане хотят просто уничтожить кириан, геноцид. Так поступили с моим народом. Так устроили евреям холокост¹, – его большие, выпуклые глаза заблестели, как будто из них должна была политься вода. Шеннон вспомнил, что так однажды было у Бредли. – И еще он говорит, как мне кажется, что это оружие слишком ужасное, даже его народ опасается иметь его. То, что знаем мы об А-поле, подтверждает это. И поэтому я собираюсь пойти в свою комнату, которую мне любезно предоставили, и лечь спать. Если даже кириане боятся этого оружия, Шеннон не выдаст нам его секрета, если он его, конечно, знает. И почему он должен нам что-то рассказывать? Как бы вы поступили на его месте? – Султаниян поднялся на ноги, засунул бумаги в папку, а папку зажал под мышкой. – Желаю всем хорошо выспаться. Утром

¹ общий термин, обозначающий уничтожение евреев нацистами в годы Второй мировой войны

расскажете мне, чего достигли.

Скривив губы, он ушел, и дверь закрылась за ним.

Настала тишина. Потом Джонс сказал:

– Закон вероятностей. Несмотря на невезение, рано или поздно случается удача. Приступим к делу, Тинг, раз он ушел?

– Мне казалось, что мы уже приступили, – ответил Маклеод.

Бредли встала и подошла к нему.

– Я пойду, – тихо сказала она. – Мне здесь нечего делать.

– Я тоже с Бредли, – подал голос Шеннон.

Маклеод дотронулся до плеча Эллы.

– Кажется, тебе придется остаться. Извини. Ведется запись, друзья. Султаниян просмотрит ее утром. Ты что-то хотел сказать, Джонс?

– Квинт и я, мы изучали скафандр. Нам кажется, что мы можем построить передатчик, если Шеннон нам скажет, куда передавать. Вселенная велика.

– К Провалу. Подстанции кириан возле Провала. Можно найти где, если есть астрономический указатель.

– Карты? Ясно, достанем, – кивнул Джонс.

– Правда? – сердце Шеннона подпрыгнуло, уши шевельнулись. – Возможно ли это?

Перед совещанием он почувствовал присутствие второго риллианина. С того момента он прислушивался к своему организму, стараясь напоследок насладиться жизнью: кровью, текущей по сосудам, заживающей кожей – всем. Он готовился к смерти, желая умереть вместе с Бредли...

И вот блеснула надежда. Провидение в этом забытом уголке вселенной дразнило его. Ни один кириан не может сопротивляться надежде.

Джонс горячо говорил:

– Мы можем скопировать твою аппаратуру, Шеннон. Собеэянничать. Только нужно увеличить мощность. Мы осторожно снимем с твоего скафандра коммуникационную систему и вернем тебе ее. Мы будем очень осторожны.

Снимем?

– Вы хотите снять? Что будет Шеннон делать без шлема? – Он оборвал сам себя. Всегда нужно жертвовать чем-нибудь. Но ему нужен шлем, чтобы защититься от излучения приближающегося риллианина. – Позже, – предложил он.

– Позже – когда? – спросил Квинт, поднимая глаза. До того он все время смотрел себе на колени, где у него лежал какой-то прибор.

– После следующего риллианина. Шеннону нужен шлем...

– Господи, неужели опять эти твари? – Сандерс даже привстал с кушетки.

– Это просто оборот речи, честное слово, – попытался успокоить его Маклеод.

– Нет, – твердо заявил Шеннон.

Маклеод тоже поднялся. Он упер руки в бока и встал над Шенноном, расставив ноги. Его голос звучал, однако, негромко.

– Шеннон, прекрати дурачить нас, понятно? Все устали. Мы все время разговаривали об истории Кири и вашей идеологии, пока здесь был Султаниян. Ты говоришь, здесь скоро будет риллианин? Тогда я хочу знать: а) как ты это узнал? б) когда он здесь будет? в) какого черта ты от нас хочешь без соответствующей технологии? Которой ты мог бы поделиться, если бы захотел.

– Уже говорил раньше, Маклеод, что делать. Согласился, так? Электромагниты – два. Туннель – коридор; Шеннон – на одном конце. Приманка для риллианина. Электрический ток пропустить через один магнит – схватить риллианина. Потом – через другой, выдернуть оружие. Когда готово, Маклеод?

– Да, мы работаем над этим, – Маклеод остерегающе покачал головой.

Шеннон лучше других понимал, что Маклеод не хочет это обсуждать. Снова он ясно излучал беспокойство из-за нарушения секретности: он не хотел, чтобы Султаниян знал о его

личной беседе с Шенноном. Но тогда как нации смогут работать вместе, чтобы предотвратить риллианскую угрозу?

Шеннон посмотрел на Эллу, на его лице ясно читалась растерянность. Она тоже покачала головой. Тогда Шеннон понял, что народы человечества вовсе не работают вместе, чтобы помочь ему провести переговоры с риллианами. Маклеод взял все на себя.

Надо убедить Маклеода, что он поступает неправильно.

– Торопись, Маклеод. Время истекает. Второй риллианин неотвратим.

– *Неотвратим* ?! – вскинулся Сандерс.

Маклеод наклонился к нему и что-то зашептал.

– Шеннон, – Бредли поднялась с кривой усмешкой, подошла к нему и взяла его руку своей пятипалой, – ты хочешь сказать, что сейчас опять чувствуешь риллианина?

– Не сейчас, раньше. След. Достаточно, чтобы понять – идет. Не знаю, как близко. Другой риллианин.

– Еще бы, ведь у первого не девять жизней, – хмыкнул Джонс, взъерошивая темные волосы, которые у него были почти такие же густые, как у кирианина. – Ведь ты об этом хотел сказать?

– Говорил, другой тип риллианина.

– Что? – поднял голову Квинт.

Шеннон внезапно почувствовал растущее напряжение. Давление их глаз и разумов заставило его кожу покрыться мурашками. Оставалось надеяться, что на этот раз зуда не будет. Но как он объяснит им? Ведь и кириане еще сами этого толком не знали.

– Шеннон скажет гипотезу, хорошо?

– Давай, – подбодрил его Маклеод. – Хорошо.

– Типы риллиан – по крайней мере три. Одна... эволюция. Молодые, старшие, самые старые... Нет, неправильные слова... Так: примитивные, цивилизованные, социализованные. Класс воинов, класс технократов, класс дипломатов. Как у людей.

Кто-то истерично засмеялся, от чего Шеннон вздрогнул. Смеялся Сандерс, словно ему было больно.

Бредли сказала:

– Господи!

Квинт:

– Этого и следовало ожидать.

Джонс:

– Теперь мне ясно.

Маклеод:

– Молодец, Шерлок!

А Джэб Стюарт спросил Маклеода:

– Сэр, я должен представить доклад о ходе работ над электромагнитами?

– Да, займись этим, Стюарт. И проверь, как там обеспечение безопасности. – Он обратился к Шеннону: – Почему ты нам раньше не сказал?

– Чем это могло помочь вам? Мне? Не уверен: сказал «гипотеза». Риллианский зонд другой, более... проникающий. Может быть, второй риллианин, как и первый, – воин, – он с удивлением понял, что оправдывается. Это, наверное, из-за того, что Маклеод мысленно обвинял его в утаивании информации, которая могла бы помочь человечеству спастись. – Это не так важно. Маклеод знает, Шеннон не хочет смертей.

– Ладно. Прошу тишины. Давайте сядем и поговорим спокойно. Ты тоже сядь, Шеннон. Я тебя не обвиняю.

– Обвиняешь. – Но Шеннон все-таки сел на место.

– Сознательно – нет, что бы ты там ни чувствовал своей суперпсихикой. Я просто обеспокоен, и все.

– Не надо беспокоиться. Никогда не полезно. Привести Йетс, привести Есилькова. Шеннон пойдет...

– На поверхность, – с болезненной гримасой закончил фразу Маклеод, что соответствовало его эмоциональному состоянию. – Слушай, свихнувшийся пришелец, ты никуда не пойдешь. Понял? Не пойдешь. У меня неприятности с Йетсом и Есильковой, особенно с Есильковой. Ты видел, как она выстрелила в моих людей. И после этого ты хочешь доверить им свою безопасность. Может, сойдет пара других телохранителей? Стюарт, может...

– Йетс, Есилькова. Храбрые воины. Не думают слишком много.

Сандерс издал какой-то придушенный непонятный звук, потом сказал:

– Эй, Тинг, пусть будут они. Какая разница? Если электромагниты не сработают, они станут трупами очень быстро.

– Пульсовые магниты сработают. А-поле отвечает на...

– Господи, Маклеод, он делится с нами технологией. Почему, я только не могу понять... – Джонс скалил зубы на Маклеода и отчаянно кивал головой.

Шеннон тоже отчаянно кивал головой.

– Можно мне пойти потолкаться с этими ребятами, когда они будут устанавливать магниты? – спросил Джонс Маклеода.

– Ладно, иди. Идите все. Совещание закончено. Делайте что хотите, звоните женам, идите есть – что угодно, – отмахнулся Маклеод.

Большинство людей быстренько разбежалось. Бредли не ушла.

– Тинг, я хочу остаться с тобой.

Шеннон сказал:

– Супруги должны быть вместе.

Бредли кивнула ему:

– Я это учту, Шеннон.

Она не хотела, чтобы Шеннон испортил сюрприз, сказала она ему. То есть она не хотела, чтобы Маклеод знал, что у нее внутри ребенок.

Шеннону было жалко глухих и слепых людей, особенно было грустно, что Маклеод не разделит радости Бредли. Но здесь был другой мир и другие обычаи. Он дипломат и должен уважать желания других.

– Хорошо, но нужен Йетс. Нужен Йетс и Есилькова.

– Чтоб ты лопнул, Шеннон! Теперь, когда мы одни, выкладывай все, что знаешь о различиях между первым риллианином и тем, который приближается. Если мне понравится, как ты рассказываешь, получишь Йетса с Есильковой. Навсегда, пока вы живы.

– Хорошо, – сказал Шеннон и кивнул, пытаясь смягчить волны гнева и беспокойства, излучаемые Маклеодом. – Время достаточно для хорошего рассказа до того, как придет риллианин.

И он растянул губы, посмотрев сначала на одного пораженного собеседника, потом на второго.

Когда Маклеод обнял Бредли, он добавил:

– Шеннон гордится Маклеодом, гордится Бредли: люди очень храбры.

Но они не были храбры сейчас, перед лицом угрозы, с которой они не могли бороться на равных.

28. КУХОННАЯ БАЛЛИСТИКА

– Доктор Джонс, моя фамилия Йетс, – сказал Сэм маленькому человечку, который бормотал и хмурился – или думал вслух, или наговаривал на диктофон, выходя из зала совещаний. – У вас есть для меня минута?

– Очевидно, нет, – ответил Джонс с улыбкой. Йетс даже подумал, что неправильно его понял. – Конечно, нет, если то, что я только что слышал, – правда.

Он резко кивнул и зашагал дальше по коридору.

– Сэм, – окликнула его Элла Бредли, выходя из конференц-зала вслед за Джонсом. –

Мы можем поговорить?

Джонс резко остановился – он был так давно на Луне, что не споткнулся при этом, – и обернулся.

– Сэм Йетс? Комиссар Йетс?

Сэм махнул рукой Элле, показывая, что не игнорирует ее, а просто занят, и повернулся к специалисту по оружию.

– В общем, да. Мне надо выяснить, что произошло с риллианином.

На лице Джонса снова появилась яркая улыбка.

– С первым риллианином, – уточнил он.

Йетс вздрогнул.

– Именно поэтому я здесь.

– Давайте выкладывайте, – сказал Джонс. – В экстремальной ситуации можно сделать много за короткое время.

Йетс про себя ухмыльнулся. В настоящей экстремальной ситуации те, кто остается в живых достаточно долго, обычно быстро привыкают сушить штаны, когда опасность миновала. Вслух он сказал:

– Мне нужно заключение эксперта по некоторым данным. Э-э... Элла, – он облизал губы, – ты не хочешь посмотреть? Ведь ты тоже была там.

– Нет, спасибо, Сэм, – натянуто ответила она, коснувшись наманикюренной рукой вертикального модного завитка на лбу. – Может быть, в следующий раз.

И она вернулась в конференц-зал, прежде чем Сэм повернулся, чтобы увидеть нетерпеливую гримасу доктора Джонса.

Сэм довольно много встречал людей такого типа, чтобы принять его язвительность за враждебность.

Каприз природы создал Джонса на десять дюймов ниже Йетса и на восемьдесят фунтов легче, этого Джонс не мог не заметить, поэтому любая попытка поддеть его или держать себя с ним покровительственно привела бы к взрыву.

Разница в росте компенсировалась разницей в коэффициенте умственного развития. Сэму на это было плевать. Множество мелких парней рассчитывают только на свои мозги.

Сквозь двойные двери, ведущие от конференц-зала, могла свободно проехать машина. Джонс проскользнул между ними, когда увидел, что Йетс идет за ним. За дверями был коридор и сбоку – уборная на одного. Ученый вошел туда и начал мочиться, придерживая ногой дверь, чтобы она не закрылась. Когда тень Йетса надвинулась на него сзади, он сказал, не оборачиваясь:

– Что же вам нужно? Я действительно занят.

– Да, сэр, – поддакнул Йетс, сдерживая улыбку. – Я пристрелил риллианина. Другие тоже в него стреляли, но их пули просто пролетали сквозь него. Мне нужно знать, почему он умер, как я в него попал. Чтобы попасть в следующий раз. Или в следующие разы.

– Мы не уверены, что вы убили его, – возразил Джонс. Он повернулся, застегивая брюки. – Это просто совпадение. Событие прекратилось в результате воздействия сил, которые оно вызвало. Если подобное событие случится раньше, чем Счастливчик поделится с нами информацией, нацепляйте медаль Святого Христофора и молитесь.

Он попытался обойти Сэма, направляясь в конференц-зал.

– Сэр, – окликнул его Йетс.

Джонс повернулся и удивленно посмотрел на него.

Йетс сложил указательный и большой палец в виде треугольника и посмотрел на них, как человек, пытающийся сосредоточиться, но его лицо вспыхнуло и надулись желваки.

– Сэр, – повторил он почти шепотом, обращаясь к треугольнику, который он расположил недалеко от своего носа. – Это не смешно. Это вам не векторы и суперкомпьютеры, ничего подобного. Риллианин сдох, и я говорю вам: я выстрелил, что-то вспыхнуло, и он начал умирать.

– Вам так показалось в тот момент, – осторожно предположил Джонс.

– Черт! В тот момент мне показалось, что я выстрелил, что-то вспыхнуло в нем... и завоняло, – он пожал плечами и опустил руку. – Это все есть на записи. Но другие парни, они тоже стреляли, и пули пролетали сквозь него, понимаете? Словно его там не было. И это тоже есть на записи.

– Это предположение лучше, но... – бормотал Джонс. Взгляд его блуждал где-то далеко. Он встрепнулся. – Хорошо, а от меня что вы хотите?

– Сэр, я знаю, с какого конца пистолет стреляет. Я могу собрать данные и ввести их в компьютер. Но мне нужен человек, который сумел бы их проанализировать.

– Сколько это займет, по-вашему?

– Я не знаю, доктор, – ответил Йетс, уперев вывернутые руки в бока. – Насколько вы умны?

– Сдаюсь, комиссар, – ответил Джонс с холодной, но достаточно дружелюбной улыбкой.

Он толкнулся в соседнюю дверь. Она была открыта. Внутри оказался официант, подносящий ко рту пирожок. Комната оказалась кухней, отделенной от конференц-зала стеной.

Официант подпрыгнул от удивления. Пирожок выскочил из его руки и взвился к потолку, оставив на нем пятно из варенья.

– Господа? – удивленно спросил официант. Он был белым, но говорил с ямайским акцентом. – Если вам что-то нужно, звоните, я сразу принесу, – он показал на дверь, соединяющую кухню с конференц-залом.

– Нам нужен ваш телефон, – равнодушно сказал Джонс, смотря на настенный аппарат. Он обернулся к Йетсу. – Или у вас с собой видеочип?

– Э, нет, сэр, – сказал Йетс. – Я переведу данные сюда, но нам нужен голотанк. Я думал...

– Вот это сойдет, – сказал ученый, снимая с пояса плоский прибор размером с ладонь. Он прикрепил прибор поверх клавиатуры телефона и подсоединил разъем, вставив его в щель для карточек.

– Вот, – объявил он, с гордостью разглядывая свою работу. – Переводите информацию, и мы спроецируем ее прямо сюда. Я привык к этому.

«А я нет», – подумал Йетс, но промолчал, занятый нажиманием миниатюрных кнопок на панели прибора, пересылая информацию с видеофайлов своего офисного компьютера на этот электронный номер. Было бы проще, если бы эта штука не отключила одновременно клавиатуру и разъем для личных карточек – тогда можно было бы вводить голосовые команды.

Конечно, никого не интересовало, удобно ли Сэму Йетсу пользоваться этой игрушкой. Джонс сообщил бы ему об этом, если бы представилась возможность.

Над телефоном, превращенным в видеотерминал, появился тридцатисантиметровый световой шар. Официант смотрел на него широко открытыми глазами, непрерывно вытирая рот полотенцем, которое он уже использовал для уничтожения пятна от пирожка на потолке. Потом, без вызова, он исчез за дверью с чашками кофе на подносе.

Вокруг приборчика Джонса появился разноцветный прозрачный туман.

– Классная штучка, да? – Джонс так и лучился радостью, словно Санта-Клаус. – Индонезийский. В наши дни... – тут он вернулся с небес на землю и вспомнил о своем обычном ехидстве и пристально взглянул на Йетса. – Как вы можете быть уверены, что другие пули пролетали сквозь него? Может, они отскакивали или просто не попадали, когда риллианин исчезал из поля прицела стрелков?

Смешно так называть прицельную панораму пистолета, но Сэму не нужен был человек, который говорил и думал, как он сам, а как раз наоборот.

Над телефоном теперь светилась янтарная надпись: «BF#1/ARAM». Не пытаясь объяснить, что она значит, Сэм осторожно потыкал в кнопки, включив воспроизведение записи с перекрестка.

Компьютер оживил риллианина, создав его четкое, слегка прыгающее изображение. Один из патрульных офицеров Йетса стоял на перекрестке, в коридоре Е, поднимая станнер, а в коридоре 17, вернее, в одной из дверей, на коленях стоял человек в гражданской одежде. В руках у него был пистолет.

– Это главный вход в Кубинскую миссию, – объяснил Сэм. Он нажал кнопку, и на экране появилась пульсирующая красная стрелка, указывающая на оружие. Из ствола медленно вылетело и за клубилось пламя. – Очевидно, стандартный «Балагер», которым пользуются их охранники, – продолжал спокойно Йетс, а изображение стены, двери и человека пошло рябью и исчезло. – Мы не нашли его, но нашли пули. Вот, смотрите...

Картинка расширилась, промотавшись назад, потом перескочила на изображение стены коридора Е, как раз напротив стрелявшего. В стене появлялись фонтанчики пыли и крошек.

– Это разрывные пули, – пояснил Йетс. – А теперь посмотрите на это...

После двух неудачных попыток с маленькими клавишами он набрал нужную комбинацию. На экране снова появилось изображение всего перекрестка. На медленном воспроизведении траектории пуль были показаны оранжевым цветом. Они проходили сквозь риллианина, который каждый раз при этом исчезал.

– А с этого угла...

Риллианин появился в прицельной панораме, которая была создана компьютером, он каждый раз пропадал из поля зрения, когда сквозь занимаемое им пространство пролетала пуля.

– И точно такая же вещь происходила, если иглы попадали – вернее, не попадали, – когда стрелял патрульный офицер Ксавир. Мы выковыряли их из дальней стены.

– А ну дайте мне посмотреть, – потребовал Джонс, завладев клавиатурой. Он снова взглянул на Йетса. – У вас какая трансляционная программа? Качественный стандарт, да?

– А? А, да.

На лице Джонса появилось нечто вроде разочарования, но его пальцы уже играли с клавишами. Снова появились оранжевые линии. Они с более тупого угла пронзали риллианина, который каждый раз словно растворялся в воздухе.

– Вы можете, – начал было Йетс, но ученый уже сам объединил информацию, на экране теперь горели оранжевые линии, пересекающиеся под разными углами, обозначая одновременно траектории пуль, выпущенных из пистолета и из станнера, а риллианин, словно танцующий, появлялся и исчезал.

– Вот! – пробормотал Джонс. – Он приближается к стрелку, но двигается только в тот момент, когда он в поле зрения. – Он метнул на Йетса внимательный взгляд. – Это что, артефакт? Это вы сами создали?

– Нет, сэр, – сказал Йетс, радуясь, что наконец-то задали вопрос, на который он мог дать ответ. Он стоял в позе «вольно»- ноги расставлены, руки за спиной. На мгновение он почувствовал себя неловко. – Правда, некоторые файлы обрабатывались. Но это касается только реального времени...

– Тогда какого черта мне никто ничего не сказал?! – пальцы Джонса плясали по клавиатуре. Сбоку появилась полоска с цифрами, а человек с пистолетом исчез, отправившись в другую вселенную.

«Потому что вы все считаетесь слишком умными, чтобы вам можно было задавать вопросы», – подумал Йетс. Хорошо еще, что все-таки находятся люди, которые имеют смелость их задать!

Джонсу он сказал:

– Он продолжал двигаться и после того, как я попал в него. А потом – вы видели – начал умирать. Сдулся, как шарик...

Голос Йетса прервался. Он смотрел на воспроизведение и видел, как поднимается его рука с пистолетом, и почувствовал отдачу в основании большого пальца.

«Проклятье!»

– Мои пули и иглы Эллы так и не были найдены, – проговорил он, чувствуя, как кожа

покрывается мурашками. – Остальные... думаю, что остальные мы нашли все.

Джонс смотрел на него с любопытством, словно он заметил в глазах Йетса нечто такое, что могло заинтересовать ученого. Боковая полоска с цифрами сообщала данные о пулях: тип, вес, количество и начальную скорость.

В конференц-зале устроили перерыв. Гул голосов, доносившийся оттуда, усилился. Мимо кухни к уборной прошли двое мужчин, раздраженно споривших друг с другом на каком-то из славянских языков.

Джонс не обратил на них внимания. Не спрашивая подсказки – очевидно, он не нуждался в ней, – он вошел в субдиректорию и вывел на экран информацию о примерном составе сплава пуль, выстреленных в риллианина.

Хорошо было работать с человеком, который разбирался в своем деле!

– Кто-нибудь еще использовал оружие, подобное вашему? – спросил Джонс.

– Нет, сэр, – Йетс опустил руку в карман пиджака. – Но материал рубашки примерно такой, как использовали другие, включая и кубинского охранника, которого вы видели. Рубашка пули, я имею в виду, конечно. Не хотите ли посмотреть...

Он вытащил из кармана ТТ стволом вверх и рукояткой к Джонсу для безопасности.

– Господи! Нет, конечно! – рявкнул Джонс с таким выражением лица, словно его попросили поцеловать менструирующую самку леопарда. – Неужели обязательно носить... – тут он оборвал себя. – Да, естественно, обязательно. Но, пожалуйста, я вовсе не хочу на него смотреть.

В дверь просунулась голова официанта, ее владелец проводил взглядом пистолет, снова исчезающий в кармане Сэма, и голова исчезла.

– Я никогда не убивал тех, кого не хотел убить, – буркнул Йетс и только мгновение спустя понял, что этого не следовало говорить.

Джонс скорчился, но его пальцы уже снова работали с клавиатурой, а сам он смотрел на изображение.

– Хорошо, – сказал он. – Если разница не в сплаве пуль, давайте посмотрим...

Цифры исчезли, на их месте появилось схематическое изображение риллианина с обозначенными точками, куда должны были попасть пули. Все громоздкое тело пришельца было испещрено оранжевыми пятнами, крапинками и полосками.

Действительно, десятки людей пытались остановить тварь. Некоторые выполняли свой долг – патрульные и охранники, некоторые – просто обыватели, как один парень, который швырнул в риллианина вазу. Она должна была бы попасть в самую середину его туши, если бы тот вовремя не исчез.

И они погибли, большая часть из них погибла, а еще было много людей, которые успешно отсиделись под столами, когда чудовище проходило мимо их комнат. Для мертвых это не составляло разницы, но Йетсу хотелось кого-нибудь задушить.

Сандерс в своей небесно-голубой форме генерала ВВС ворвался в кухню, как рассерженный медведь, и заревел:

– Джонс! Какого дьявола ты тут?

Йетс приветливо улыбнулся ему. Сандерс моргнул.

– Привет, Сэнди! – Джонс только на секунду оторвался от голограммы. – Я попросил комиссара собрать некоторую баллистическую информацию. Присоединюсь к вам, как только смогу, но, – тут он снова посмотрел на Сандерса, – боюсь, это будет не скоро.

– А, – согласился, незло хмурясь, Сандерс. – Возвращайся скорее, ты нам нужен. Я уверен, малыш Султанян понимает что-то в том, что болтает Счастливчик.

– Как только разберусь с этим, Сэнди, – согласился Джонс, нажимая клавиши. – Ты не забывай, что он все-таки армянин.

Генерал исчез тем же путем, что и появился, только тряхнув головой.

– Спасибо, – сказал Йетс.

– Тсс, – перебил его Джонс, поворачивая изображение, чтобы видеть риллианина со всех сторон. – Не мог допустить, чтобы вы пристрелили моего босса, как только он начал

чему-то учиться. Вашей пушкой или как вы там называете эту игрушку?

– Я называю ее пистолетом Токарева, Тула, ТТ – 30, – холодно ответил Йетс. – И я не собирался стрелять в генерала Сандерса.

– Ясно, ведь вы пацифист, – охотно согласился Джонс, взглядываясь в голограмму, – поэтому Маклеод и говорит, что вам нужен намордник.

Восемь выстрелов из ТТ были обозначены голубым – не такие уж плохие попадания, учитывая обстоятельства. Двадцать семь игл Эллы обозначили зеленым, они тоже легли достаточно метко и кучно. Внутри и снаружи от группы голубых и зеленых пятен были оранжевые крапинки от бесполезно пролетевших пуль и потоков плазмы, выпущенных в чудовище за мгновение до того, как Йетс начал стрелять.

– Черт побери, комиссар, – сказал Джонс, переключив цифровые данные обратно на запись, – что это у вас там за муть? Оптика грязная?

– Никак нет, сэр. Это пыль. Один из морских пехотинцев выжег кусок потолка плазменным излучателем.

Джонс удивленно посмотрел на него. Йетс пожал плечами.

– Так получилось. Были бы вы там! Короче, в воздухе оказалось много каменной пыли. Пары металла тоже, наверное.

Нахмурившись, Джонс перенастроил прибор, чтобы в центре голограммы оказался выжженный потолок, а не риллианин. Из фрагментированных кусков записи компьютер создал цельное изображение.

– Знаете, а ведь там не только камень и металл, – медленно сказал он. – В потолке еще были проложены кабели, кроме того, там были лампы и светящиеся полосы. – Джонс обернулся к Йетсу: – Вы знаете химический состав всего этого, комиссар?

– Я узнаю, – ответил Йетс, мысленно перебирая, к кому бы из Службы Утилизации обратиться за помощью. Они тоже работали по авральному расписанию, повреждений было множество, но Тейлман или, может, Беткинс согласятся помочь, если убедить их, что это необходимо для предотвращения рецидива. – А вы как сами думаете, что это?

Джонс пожал плечами.

– Я думаю, что-то, какое-то вещество окутало пришельца. Звучит глуповато, не так ли? Что-то осело на его сенсорах, поэтому они не среагировали, когда в него попали ваши пули. Если это был всего лишь известняк – это одно дело, а если это медь или еще что-нибудь, будет полезным в следующий раз иметь ее под рукой.

Йетс пожал морщинистую от времени руку ученого своей обезображенной шрамами рукой и оскалился; это был знак уважения, и Джонс ухмыльнулся в ответ.

– Ну вы даете, док, – сказал Сэм. – Теперь вы поговорите с Шенноном и другими ребятами, а я подберу народ, который сможет вычислить, что конкретно убило тварь.

Йетс вышел из кухни – руки в карманах, поигрывая пистолетом и россыпью патронов. Он насвистывал песенку с припевом: «А теперь ты труп и лежишь на полу моей ванной!»

29. КРАСНЫЙ/КОСМИЧЕСКИЙ/СМЕРТЕЛЬНЫЙ

Телефон в кабинете Маклеода звонил – уже в который раз. Он говорил с одним абонентом, двое других ждали на линии, огоньки на телефоне стали похожими на новогоднюю гирлянду... или, скорее, телефон стал похож на тыкву Дня всех святых. Маклеод проигнорировал звонок: с ним может разобраться секретарша, так же как и со всеми другими последующими звонками. Голос из трубки, который резал ему слух, был не из тех, кого можно заставлять ждать.

Сегодняшний день не был удачным для Маклеода, так же как и все предыдущие дни, с тех пор как появился кирианин.

Никто, абсолютно никто, включая его самого, не действовал в сложившейся обстановке профессионально, спокойно и грамотно. Он знал, что так всегда и получается. Когда вам надо на кого-то положиться, вас обязательно подведут. На это можно смело рассчитывать.

Обычно Маклеод мог положиться на себя, он никогда не терял контроля над событиями. То, что он не смог контролировать ситуацию в разговоре с Йетсом, да еще на глазах у Минского, беспокоило его. Не только потому, что он выказал гнев, но и потому, что он неправильно оценил обстановку и не заставил Минского принять отставку Йетса.

Но у него были причины отвергнуть отставку. Если Йетс перестанет быть комиссаром Безопасности, его преемником, почти несомненно, будет советский гражданин: Минский отнюдь не глуп. А в этом случае с временной должности Стюарта, конечно, попрут.

А теперь Минский и все другие шишки как на Луне, так и на Земле были страшно злы на него. Существует множество способов потерять работу, разрушить карьеру и залезть головой в мясорубку. Не важно, по какому поводу – он всегда существовал, важно – ради чего это происходит.

Он говорил себе, что ради Шеннона стоит рискнуть карьерой. А если ради Шеннона не стоит, то можно это сделать ради лунной колонии.

Маклеод хлопнул ладонью по полированному лунному камню, из которого был сделан стол, как раз между звездно-полосатым настольным флажком и флажком ООН. Другой рукой он прижимал трубку к уху.

– Да, сэр, я понимаю это, сэр, – говорил он своему директору, дождавшись окончания его тирады. – Но и вы должны понимать, что я не могу отменить чрезвычайное положение и готовность номер один. Никакого выхода я не вижу.

Маклеоду сегодня уже порядочно влетело от помощника генерального секретаря, который угрожал созвать заседание Совета Безопасности, если Стюарт, временно исполняющий обязанности комиссара Безопасности, не отменит чрезвычайное положение и готовность номер один. Все там, в офисе генерального секретаря, думали, что они могут воздействовать на начальство Маклеода, включая Сэнди. Тот, извинившись перед ним, все-таки составил требование – так, для проформы.

Когда это не помогло, начались звонки с Земли. Ему не хватало четырех человек, и Стюарт был занят в другом месте, что значило, что Маклеоду приходилось безвылазно сидеть в кабинете и выполнять свои непосредственные обязанности, которые раньше он иногда поручал другим. Поэтому он получал все шишки, как заправский бюрократ, вместо того чтобы руководить своим хозяйством издалека по телефону, как всякий нормальный офицер разведки, который пользуется всеми не разрешенными начальством методами для достижения цели и которого может остановить только физическое устранение.

Сильные мира сего сочли своим долгом позвонить ему и звонили (в восходящем порядке, по положению). Первым дал о себе знать Отдел разведки Госдепартамента. По идее, там должны были бы работать более умные люди.

Когда Маклеод высказал эту мысль вслух, разговор прервался, но потом позвонил посол США на Луне, который, до того как Счастливчик притащил за собой Армагеддон, занимал весьма высокий пост в Вашингтоне.

Когда и это не сработало, генерал танковых войск прочел ему лекцию о введении чрезвычайных положений в международных зонах.

А теперь это: официальный выговор от самого высокого из его настоящего начальства, не считая вышестоящих чиновников из организации, которая служила ему прикрытием. Все эти удары были несправедливы и незаслуженны, но Маклеод был готов принять мяч.

Его директор говорил:

– Вы не видите выхода? Так придумайте его! Это распоряжение президента. Журналисты с ума сходят из-за чрезвычайного положения. Мы едва сдерживаем их, объясняя отсутствие информации сожженным спутником. Но они прекрасно знают, что если бы мы хотели сотрудничать, передать данные, используя другие спутники, – не проблема. Определение скрытого действия на случай, если вы забыли его: «Действия, планируемые или осуществляемые таким способом, что исполнитель или организатор остается неизвестным или, по крайней мере, может с уверенностью отрицать все подозрения в участии в данном действии». Ваш гамбит с пришельцем да вдобавок еще чрезвычайное положение попадают

под это определение?

– Нет, сэр, – ответил Маклеод так тихо, что директор переспросил раздраженно:

– Что?

И он повторил:

– Нет, сэр. Но комиссар Безопасности Йетс выдал какую-то чепуху насчет удара метеорита, не согласовав с нами. Нельзя обвинять газетчиков, что они стали раскапывать, видя явный обман, это все равно что махать куском мяса перед носом голодной собаки. Так как Йетс практически не способен сотрудничать, мы заменили его временно нашим человеком, а Йетса перевели поближе к Счастливику, но даже для этого нам пришлось прибегнуть к помощи СССР. Вы должны учитывать, сэр, что это все происходит не в вакууме (пока, слава Богу) и не в окружении дружественных стран, но в поляризованном международном сообществе, с различными интересами и только с одной общей целью – выжить. Нам буквально приходится из кожи лезть при сложившихся обстоятельствах.

До этого он только дважды говорил с директором и надеялся, что этот разговор – не последний. Но как бы то ни было, он не мог отменить чрезвычайное положение...

– Тогда, может быть, вы сообщите мне, Маклеод, под какую категорию попадет вся эта неразбериха, которую вы затеяли с пришельцем? Секретные операции проводятся так, что никто не знает, что они вообще проводились. Ваши же действия после недавних событий стали известны всем.

– Сэр, вы не принимаете во внимание...

– Может быть, вы считаете, – продолжал голос с Земли, даже не дав ему закончить фразу, – что ваши поступки могут быть названы «специальной операцией», которая определяется согласно инструкции 12333 – 4/12/81 как «разведывательная деятельность, направленная на поддержание национальных интересов и нашей внешней политики за рубежом, которая осуществляется таким образом, что роль и участие правительства Соединенных Штатов остаются неизвестными для общественности»?..

– Да, сэр, я понимаю, что мы не соответствуем ни одному из этих требований, – Маклеод усилием воли заставлял себя говорить спокойно. Он понимал, что происходит: его хотят вышвырнуть. Было бы не так страшно, если бы на карте стояла только его пенсия и медицинские льготы, но в данном случае опасность – ему и всей колонии – угрожала куда более страшная, и увольнение нисколько не уменьшило бы риск.

– Так, значит, вы открыто заявляете, что рассекречивание операции было санкционировано вами? – загремел директор в ухо Маклеоду, словно он сидел здесь, а не в офисе в Лэнгли, на седьмом этаже, из окна которого было видно, как внизу падают ягоды с вишневых деревьев.

– Если вы имеете в виду, – Маклеод тщательно подбирал слова, – под «рассекреченной операцией» «действия, планируемые или осуществляемые таким способом, что исполнитель или организатор известен и не предпринимается никаких попыток скрыть его имя от общественности», то ответ отрицательный, несмотря на то что у вас, по-видимому, создалось иное впечатление. Я делаю все возможное, чтобы уменьшить утечку информации. Ситуация не является ординарной, поэтому и используемые нами методы нельзя назвать обычными. В самом ближайшем будущем на вашем столе будет лежать мой подробный отчет.

Про себя он добавил: «Если я еще буду жив к тому времени, ты, толстый проныра».

– Генерал Сандерс предлагает ввести трибунал и военное положение, то есть власть при малейшем упущении с вашей стороны перейдет к военным. С ним трудно спорить после того, как, несмотря на ваши усилия, всем на Луне, в Москве и Вашингтоне совершенно ясно, что планета подверглась нападению инопланетных чудовищ, против которых вы и ваши люди ничего не смогли предпринять.

– Не планета, сэр. Луна. Объяснение происшедшим событиям я изложил в своем докладе. К сожалению, я не могу отправить его, потому что линии перегружены, вы знаете.

– Луна не луна... Мне нужны факты, которые я мог бы использовать для вашей защиты, Маклеод. Если к концу нашего разговора их у меня не будет, мне придется уступить

давлению исполнительной власти и передать контроль над пришельцем военным. Пусть они вводят у вас свой трибунал, военное положение – короче, все девять страниц инструкций.

Маклеод убрал руку со лба и уставился на дальнюю стену. Существовал один неплохой способ снять напряжение: сфокусировать взгляд в том месте, где сходятся две стены и потолок, и делать глубокие вдохи. Маклеод так и поступил.

Через несколько секунд он сказал:

– Сэр, я хотел бы указать, что у Сэнди и других военных нет достаточно власти, чтобы вводить здесь военное положение; это прерогатива ООН. Если власть на Луне получит Миротворческий корпус ООН, мы потеряем всякий доступ к пришельцу. Может быть, надолго. Кроме того, я хотел бы заявить для записи, что появление пришельца является наиболее важным событием в истории нашего агентства. Если мы уступим Счастливику военным, им придется уступить его ООН, а это все равно что подарить его Советам. Я глубоко обеспокоен, что мои... наши полномочия могут быть с легкостью переданы армии и вообще всем. Я должен закончить это дело. Утечка информации при событиях такого масштаба неизбежна. Как директор, вы должны были убедиться в этом на собственном опыте. Кроме того, нам угрожает второе вторжение инопланетян непредсказуемого масштаба, обладающих неизвестной нам мощью. Я официально заявляю, что передача пришельца военным рассматривается нашим агентством как ущерб национальным интересам Соединенных Штатов и ущерб нашей обороноспособности. Только сосредоточение власти в одних руках может обеспечить безопасность колонии. Я рекомендую не вводить военное положение на Луне и не снимать карантина. Мы должны быть предоставлены самим себе, и никто, кроме нас, не должен подвергаться риску заражения.

Маклеод остановился, чтобы перевести дух и послушать, что скажет директор в ответ на его заявление. Наверное, будет очередной нагоняй, и поделом – слишком уж круто он выступил.

Пауза затянулась, и Маклеод уже начал думать, что линия разъединилась, но тут директор заговорил вновь:

– Тинг (ведь вас так называют друзья?), надеюсь, что вы не ошибаетесь. Не только большие шишки из ООН жалуются на вас, но и группа марсианских наблюдателей. Они говорят, что ваша тактика негативно отражается на их работе. Хорошо, если бы в вашем докладе оказалось что-нибудь, что я могу использовать для вашей поддержки. Сейчас я имею только ваши устные заявления против мнения больших людей, которые непосредственно общаются с президентом.

– Я посылаю вам рентгенографические снимки оборудования Счастливика и некоторые схемы, которые нам удалось дублировать.

Все было своровано, пока несчастный пришелец парился в моем душе, который влетит налогоплательщикам в копеечку, – подумал Маклеод, но вслух, разумеется, этого не сказал.

– Надеюсь, они окажутся полезными.

– Обязательно, сэр. Если это все, мне пора идти к Счастливику, который, кажется, ожидает второго нападения.

– Второго?..

– Об этом я и хотел вам сообщить. (Только об этом и сообщал, тупица.) Теперь, надеюсь, вы понимаете, почему я не так сильно беспокоюсь о секретности? Поддержав просьбу военных, решив, что Счастливик не стоит дальнейшей головной боли, вы получите результат, о котором узнаете из вечерних новостей. Если, конечно, ваши друзья из пресс-службы не заткнут журналистам рот или если здесь останутся одни трупы, которые не смогут сообщить на Землю, что случилось, или если наши передатчики будут взорваны к чертям. Так можно мне продолжать мою партию, сэр?

В трубке долгое время раздавалось только тяжелое дыхание. Потом директор сказал:

– Мистер Маклеод, примите наилучшие пожелания. Я обещаю вам поддержку. Ни пуха ни пера.

– Спасибо, сэр. К черту, сэр.

Маклеод с трудом разжал занемевшую руку, в которой держал трубку. Раньше он часто злился, что на важные посты часто ставят актеров кино, которые произносили речи в поддержку президента, когда он был еще кандидатом. Теперь ему казалось, что это не так уж и плохо. Директор оказался в общем-то неплохим парнем. Может быть, ему удастся использовать аргументы Маклеода с достаточным правдоподобием, и всякое начальство с Земли будет на некоторое время нейтрализовано.

Времени Маклеоду не хватало. Ему надо было срочно выяснить, работает ли ловушка Шеннона, когда появится риллианин.

Если нет, то небольшая группа защитников постарается смоделировать условия, при которых был убит первый риллианин (несмотря на то что Счастливчик говорил, что этот новый – другого вида), тут уж не важно, что по этому поводу думает Земля. По крайней мере, для Маклеода. И для Эллы Бредли и ее подопечного пришельца.

И вообще для всех на Луне, да, пожалуй, и на Земле тоже, если страхи Шеннона насчет того, что риллианин уничтожит всех технологически развитых воздуходышащих, были оправданны.

Если и существует какая-нибудь ситуация, для которой подходит код «Красный/Космический/Смертельный», то это она и есть. А что касается скандала на Земле, то он – ничто по сравнению с тем, что там будет твориться, когда исчезнет вся лунная колония. (Это если риллиане не решат расчистить Землю, раз уж они все равно поблизости.)

Маклеод раздумывал, стоит ли разрешать Шеннону выходить на поверхность. Это был рискованный шаг, но на кону стояла – ни больше ни меньше – судьба человечества.

Он посмотрел на телефон, где горели огоньки – абоненты на линии жаждали поговорить с ним. Он не соединился ни с одним из них, а позвонил секретарше:

– Вызовите сюда Эллу Бредли, я думаю, она все еще с Шенноном. Скажите ей, что дело не займет много времени, но я обязан лично проинструктировать ее на брифинге, где будут еще Йетс и Минский. Пусть поторопится.

Он отключился. Ходы надо просчитывать заранее. Будет очень нехорошо, если Элла услышит версию о происшедшем с Есильковой от кого-нибудь другого.

30. ЛАБОРАТОРНАЯ РАБОТА

– Рад, что ты позвонил нам, Шеннон, – сказал Йетс, когда Бредли и пришелец приехали в Исследовательский отдел 20, охраняемые группой специального назначения Джэба Стюарта.

Все в лаборатории было окрашено серебристо-сероватым цветом, так что громоздившаяся повсюду аппаратура не давала никаких бликов. Белые халаты поминутно пробегали мимо, никто даже головы не поворачивал в сторону нелепой шестипалой фигуры в скафандре.

Здесь работали самые выдающиеся технологи Америки. Йетсу пришлось писать заявление в отдел пропусков, чтобы Есильковой выдали пластиковый жетон, который теперь висел у нее на шее на бисерной цепочке. На нем было написано: T-TS/SCI/COSMIC, самый высокий уровень допуска, для тех, кто работал в ООН и выполнял поручения НАТО.

Минский гордился бы ею, если бы знал, что она проникла в секретную лабораторию США. С таким жетоном, как у нее, можно было идти куда хочешь, но сейчас она находилась в самом интересном месте, поэтому идти никуда и не хотела...

...Потому что здесь был Шеннон. Шеннон, которого американцы между собой называли Счастливчиком, был главной фигурой в игре. В этом она убедилась, когда Минский позвонил ей и сказал:

– В настоящее время, Есилькова, все ресурсы СССР в вашем личном распоряжении. Приказания я уже отдал. Если что нужно, просите и получите. Никаких бумажек оформлять не нужно – этим займемся после того, как минует кризис.

Хорошо было думать, что Минский надеется, что кризис когда-нибудь пройдет и

бумажки снова станут важными.

Если бы он еще честно признался, что хочет заполучить риллианское оружие, Есилькова почувствовала бы к нему еще большую симпатию. Сам по себе приказ Минского представлял собой распоряжение, которое невозможно было выполнить.

Она сказала Йетсу, который вопросительно посмотрел на нее, когда она повесила трубку:

– Так, комиссар, вы должны от радости замочить штаны, когда узнаете, что СССР дает мне в распоряжение то, что ваша страна вам давать и не думает, и это без оформления всяких бумажек. Разве не классно?

Йетс крепко ее обнял, поднял бокал за ее Партию и поспешил отвезти в эту «чрезвычайно секретную лабораторию». «Приготовь-ка свою шпионскую камеру», – и подмигнул.

Йетс в последнее время вел себя как-то странно. Он что-то скрывал от нее, это было ясно. Это «что-то», судя по его чересчур дружелюбным улыбкам и нехарактерной приветливости, было серьезным и имело отношение к ней. Она хорошо знала его. Если бы они не были так близки, может быть, он не вел бы себя так странно. Он пытался защитить ее от чего-то, этим можно было объяснить его подчеркнутую сердечность.

Но как тогда понять мрачные взгляды и отчужденность, замаскированную теплотой? Она боялась, что Йетс стал думать о ней как о враге, о советском шпионе, кем она, в сущности, и была... Но врагом не была. Никогда.

Она говорила себе, что он знает, несмотря на то, что она никогда не жаловалась, как на нее давят. Есилькова решила, что такое же давление оказывается и на него, вот, например, отчего так долго ему пришлось выбивать для нее пропуск в лабораторию.

Она находилась в самой секретной американской лаборатории, под наблюдением раздетых агентов ЦРУ, и... гордилась своей страной. Россия еще себя покажет!

Вот американцы никогда бы не предоставили луноход для Йетса, чтобы он отвез Шеннона на место его посадки. Они не доверяли ни ему, ни пришельцу. А ее страна дает ей в личное распоряжение все свои ресурсы. Когда все кончится, контраст между ее работой и работой Йетса, опутанного бумажками, будет разительным. Если, конечно, они будут живы к тому времени.

Она вспомнила, что надо сказать Шеннону наедине, что, если ему нужно выйти на поверхность спутника, СССР поможет ему в этом, несмотря на препятствия со стороны США. Йетс не рассердится на форму, в которой эта мысль будет выражена, – он понимает, что ей надо отвечать перед начальством.

Бредли повсюду таскалась за Шенноном, как пиявка, за ними шел Йетс, окруженный агентами.

Стюарт очень осторожно рассказывал Йетсу об электромагнитах:

– Мы установим их в коридоре 9В, так как Счастливчик, кажется, уже был засечен ими в миссии США. Может быть, придется таскать магниты и тяжелое оборудование вслед за риллианином. Вашей задачей будет следить за его продвижением по коридорам.

– Не учи меня, сынок. Ты комиссар Безопасности, пока не вернулись взрослые? Хорошо. Собирай телефонограммы, которые поступили на мое имя, и оставляй их на столе. Ведь мы так решили, я и твой босс, помнишь? Или ты хочешь, чтобы тебя снова отстранили от работы?

Стюарт вспыхнул и обратился к пришельцу.

– Мистер Шеннон, вы пойдете со мной, доктор Квинт хочет обсудить с вами некоторые детали, – уверенным голосом произнес он, метнув на Йетса неприязненный взгляд через плечо.

Бредли посмотрела между двумя мужчинами на Есилькову, закатила глаза и кивнула ей, показывая, что хочет перемолвиться с ней парой слов.

Есилькова не ответила. Ее работой было наблюдать за пришельцем. Шеннон пожимал руку одетому в белый халат Квинту, а Йетс стоял, опершись на стойку электромагнита,

которая была выше его.

Кирианин принялся изучать огромные, обмотанные проводами электромагниты на колесиках, а Квинт начал объяснять:

– Мы подключим электромагниты к аварийным источникам питания, поэтому без энергии не останемся, что бы ни случилось. Время включения магнита А и магнита Б запрограммировано компьютером, и если что-нибудь случится с персоналом, они все равно сработают, только...

– Только есть ли право применять? – подхватил Шеннон. – Справедливость не в приборе, а в том, кто использует его.

– Только мы не знаем, как долго можно его удерживать, пока он не погибнет, и скафандр еще, чего доброго, повредится. Сколько его держать, чтобы не убить, ты не знаешь?

– Не убивать риллианина, – тревожно заговорил Шеннон. – Сила не слишком большая. Покажи Шеннону контролирующий прибор.

– Компьютер? Вот он. Терафлоповый процессор, самый мощный, чтобы полностью соответствовал сверхпроводящей керамике в проводах, которые мы используем. Быстродействие устройства будет самое высокое, какое нам удалось достичь, как ты и просил. Поставили даже переключатели Джозефсона, арсенидовые катушки для снижения общего сопротивления. Поток электронов оптимизирован. Но нам нужно знать, на какое расстояние они должны действовать, то есть насколько далеко от своей задницы может стрельнуть эта тварь...

Они ушли вместе, разговаривая: ученый в белом халате и пришелец в скафандре. Йетс пошел за ними, что-то спрашивая раздраженно. Есилькова уловила только часть фразы:

– ...Скорее ад замерзнет.

Стюарт почесал в затылке и сказал очень вежливо, обращаясь в основном к Бредди:

– Я думаю, мне лучше вернуться к работе. Если вам что-то понадобится, мои люди стоят у дверей. Мисс Бредли. Мисс Есилькова.

Он церемонно поклонился им обоим и вышел через двойные двери, которые открыл пластиковой карточкой.

Есилькова осталась наедине с Эллой, которая, судя по ее взгляду, не оставила попыток что-то обсудить с ней.

– Пойдем, Соня, выпьем кофе, пока есть время.

Американский кофе был ужасен – слишком слабо заварен и приторен, но Есилькова подошла к автомату и налила себе стаканчик вместе с Бредли. Отхлебнув глоток, она сморщилась.

– Можно ли с этим что-то сделать, прежде чем все наши планы будут разрушены? – спросила Элла.

– О чем это ты? О кофе? – с наигранным удивлением спросила Есилькова. Она заставит ее объяснить, что она имеет в виду под своим «что-то».

– Ведь ты без аппаратуры? Наш разговор не записывается?

– Здесь каждый, – Есилькова посмотрела по сторонам, – должен сам обеспечивать себе безопасность.

– Хорошо. Так можем ли мы что-то сделать? Скажи им, пусть прекратят заниматься ерундой. Ты же не сердись? Ты должна понимать, что Тинг сделал это потому...

Есилькова еще не понимала, о чем говорит Бредли, но теперь уже ей хотелось узнать.

– Скажи мне, о чем вы разговаривали с Маклеодом, – наудачу спросила она.

– Он рассказал мне... все, как мне кажется, – она слабо улыбнулась, как будто понимая, что ее слова звучат глупо. – Ну, о том, что произошло между Тингом и Сэмом, и Минский там был, и о сделке, которую они заключили.

– Да? – Есилькова почувствовала себя неуютно. От гнева пересохло во рту и заколотилось сердце. Йетс ничего ей не сказал. Минский тоже ничего не сказал. Они – профессионалы. Но она узнает все у Бредли. – Сделка? Какая сделка?

– Ну, ты же знаешь... – Бредли вертела в руках пластмассовый стаканчик из-под кофе, исподлобья смотря на Есилькову, потом сказала со вздохом: – А раз не знаешь, тебе это очень не понравится, а если тебе не сказали, то я не понимаю почему. Короче: Сэм, Тинг, Минский – они спорили о твоём увольнении...

– Твою мать! – только и смогла сказать Есилькова. – А ты-то как узнала об этом?

– Они тебе даже это не говорят? – Бредли с удивлением покачала головой. – Теперь мне уже не кажется, что это я во всем виновата.

– В чем дело, черт возьми? Все сначала. – Есилькова скрестила руки на груди, в одной руке был крепко зажат недопитый стакан. Она позаботится, чтобы Минский узнал, кто ей обо всем сообщил – враг, бывшая любовница Йетса... Минский, по крайней мере, мог бы избавить ее от этого унижительного положения.

– Сначала... Тейлор и я составили обвинение против тебя. Ну, из-за нападения на офицеров спецгруппы. Вышел приказ об увольнении. Йетс заявил протест. Минский по просьбе Сэма появился на совещании как представитель ООН. Спор вышел очень жарким. Все наговорили друг другу такого, что потом долго жалели. Сэм угрожал уйти в отставку, говорил, что ты только исполняла его приказы и если кого и надо увольнять, так это его. Тейлор и Минский отставку не приняли. Потом произошли еще более неприятные вещи. Всплыло мое имя. Тейлор сказал, что не хотел бы, чтобы я услышала это от кого-нибудь другого...

– Да, – выдохнула Есилькова. На большее она была неспособна.

– Теперь они как два школьника, которых наказали за драку на перемене.

– Нет, не так. Они как два парня, которые трахнули одну и ту же шлюху и теперь не знают, кому больше повезло, – тому, который прекратил это делать, или тому, который продолжает, – она не могла сдержаться. Просто голову потеряла. – Мисс Бредли, вы и ваш многообещающий жених только и делаете, что придумываете проблемы другим.

Но почему Бредли просто стоит и смотрит на нее?

Элла сказала:

– Понятно. Я сообщила, что знала, остальное – не мое дело.

Она осторожно поставила свой стакан и отошла к Шеннону и Йетсу. Видя, как она коснулась локтя Йетса и о чем-то его спросила, Есилькова почувствовала, что ее гнев растет. Неужели эти люди не понимают, что поставлено на карту? Как они могут заниматься личными проблемами, когда угроза висит над всей колонией и, может быть, над всей Землей?

Она дрожала от злости. Шеннон отделился от остальных и подошел к ней.

– Есилькова, Шеннон чувствует боль. Где болит? Шеннон поможет? Нужен Йетс? Нужен медик? Нужен...

– Ничего не надо, Шеннон. Я в порядке. Люди иногда... плохо поступают.

– Шеннон поможет. Нужны друзья, Есилькова.

– Шеннон, – быстро заговорила она. Шанс был один из миллиона, и гнев помог ей решиться рискнуть. – Моей стране нужно оружие риллиан, их технология, но Америка – страна Йетса – они не хотят нам его дать. Они не хотят с нами делиться, и в этом будет моя вина, если ты не поможешь.

– Шеннон поможет. Помощь любого вида. Пожалуйста, улыбнись и будь счастлива. Верь, Есилькова. Вера.

– Как скажешь, Шеннон, – сказала она и улыбнулась. Улыбка, конечно, не удалась, но ничего. Зато она смогла обскакать Америку. До того, как она встретила Сэма, это ее всегда радовало. Порадует и теперь. – А я со своей стороны предлагаю тебе помощь, если захочешь все-таки выйти на поверхность. У нас есть луноходы. Если хочешь, можешь обо всем рассказать Сэму – как решишь. Но в любое время я помогу тебе выбраться на поверхность – лишь бы Маклеод не узнал.

Правильно ли она поступила? Может быть, это был единственный путь отыграться за себя и спасти все и всех – профессией Сони Есильковой всегда была защита и коллективная

безопасность.

Ее только мучила мысль, что она не сказала обо всем Сэму. Но ведь и он ей ничего не говорил.

Шеннон тронул ее за плечо:

– Сейчас, Есилькова. На поверхность сейчас. Риллианин приходит сейчас.

– Я понимаю, Шеннон – скоро, да? Скоро мы выберемся...

– Сейчас. Риллианин здесь.

– Черт! Ты имеешь в виду «сию секунду»?

Она завопила во весь голос Йетсу:

– Сэм, Шеннон говорит, он здесь! Риллианин! В любую минуту. Надо установить магниты! Давай, Йетс. Квинт!

Выход на поверхность придется отложить.

31. УНИЧТОЖЕНИЕ

Все время, требовавшееся для передачи данных, контролер провисел над стеной кратера. После завершения этого этапа операции он переместился ближе к намеченной первой цели. Мгновение, проведенное во вселенной, где константы были действительно константами, освежило его, как освежает кровь жертвы, струящаяся по губам во время пира.

Контролер вернулся в эту вселенную, оказавшись в пятидесяти метрах от своей цели, прямо над ней, и стал медленно снижаться. Точность перемещения была вполне приемлема, по крайней мере, для этого чертова пространства-времени.

Он приземлился над реактором, который находился под землей, защищенный тридцатью метрами сплошной скалы. Аборигены не рыли котлован, а пробили пещеру прежде, чтобы упрятать свою энергостанцию.

Контролер балансировал на четырех ногах, напряжением мышц удерживая равновесие – это было легко: здешняя гравитация была слабой.

Контролер снова осмотрелся. На него были нацелены оптические приборы, и он слышал вой тревожных сирен. Состояние материи не изменилось, энергетические константы тоже. Итак...

Риллианин подошел к шлюзу реактора.

Аборигены прорубили туннель в риголите от поверхности к реактору. Десять инженеров, дежуривших там, были вооружены. В задней стене комнаты управления открывался шлюз, ведущий непосредственно к реактору. Иначе его достичь было невозможно, разве что пройти сквозь камень. Риллианин изменил свою атомную структуру и стал погружаться в риголит, используя несильную гравитацию. Его тело проходило сквозь скалу почти так же легко, как минутой раньше он спускался на поверхность в вакууме.

Внутри, в помещении персонала, он обнаружил множество оптических устройств. Звуковые аварийные сигналы (по частоте выше его диапазона восприятия) постоянно регистрировались его аппаратурой. В помещении аборигенов не было. Значит, звуковые предупреждения предназначены для него...

В хирургических действиях не было нужды, но он все-таки решил их применить. Контролер нацелился А-оружием на цистерну с водяным охлаждением, увеличил плотность луча и нажал на спуск.

Кусок пространства диаметром в три метра оказался сосредоточением невиданной здесь доселе энергии. Взрыв потряс все здание. Эффект оказался слишком сильным. Контролер или неправильно настроил оружие, или недоучел степень вариации констант в этой вселенной. Его личная неудача.

...Но операция продолжалась. Активная зона реактора пожирала сама себя, излучая электромагнитные волны во всех диапазонах: от рентгеновского до звукового.

Злоба не утихла в нем, и контролер направил оружие на натриевый теплообменник. От желания убивать его губы оттянулись назад, обнажив клыки.

Сверкающая нить толщиной не более диаметра атома прорезала цель. Над цистерной взметнулось облачко пара, состоящее из сверкающего металла. Если бы кто-нибудь из аборигенов остался в живых, он бы легко мог устранить повреждение.

Именно такого эффекта контролер ожидал от первого неудачного выстрела.

Что подвело его? Оружие? Или это были временные отклонения физических параметров вселенной? Может быть, погибший в этой дыре солдат выстрелом перенес себя в другое время, где его уже не защищал скафандр?

Черт бы побрал всех солдат. Черт бы побрал всех элевенеров.

Эту проклятую вселенную нужно целиком переместить в небытие. Когда он вернется, выполнив задание, стоит попробовать убедить начальство сделать это.

Нужно быть осторожным, ликвидируя элевенера. Трофей должен быть доставлен домой для предъявления командиру, поэтому придется быть осторожным и следить, чтобы тело не было уничтожено выстрелом.

Он остановился, ожидая, пока сбалансируется его атомная структура. Скафандр выбросил его из пространства-времени, защищая от выброса энергии, высвобожденной выстрелом его собственного оружия. Когда атомная структура стабилизировалась, он прошел сквозь стену в комнату управления.

Некоторые аборигены были в защитных одеяниях, некоторые только надевали его. Все были вооружены. Они повернулись к контролеру, издавая звуки, лежащие вне слухового диапазона контролера и вне его интересов.

Чтобы не возиться с ними и никого не упустить – а лучше убить врага дважды, чем не убить совсем, контролер воспламенил атмосферу в комнате. Защитная одежда не спасла никого из этих существ. Самого риллианина выбросило из этой вселенной на все время, пока бушевал огонь.

Пользуясь короткой передышкой, контролер проанализировал оставшиеся этапы операции. Он использует коммуникационные линии аборигенов, возможности своего скафандра и свое оружие в качестве источника энергии. Он уничтожит все части колонии, где побывал элевенер. Потом он найдет элевенера и убьет его.

И, разумеется, будет уничтожать все, что попадется на пути.

32. ПРОИГРЫШ ПО ОЧКАМ

– Йетс, – сказал доктор Хью Дэвид Джонс человеку, вошедшему в комнату вслед за ним. Он посмотрел на голотанк, потом на бумажную ленту с данными, которую держал в руке. Она завивалась кольцами даже при лунной гравитации. – Йетс, где мне найти его?

– Он в модуле двадцать, – ответил генерал Сандерс ворчливо. – А почему *ты* не в модуле двадцать? И зачем тебе нужен этот придурок?

– Посмотри на это, Сэнди, – тихо сказал Джонс.

На Луне практически никто не имел права входить в кабинет Джонса, поэтому он привык, прежде чем приглашать человека, согласовывать его присутствие с начальством. И он научился никогда не спорить с боссом. Было бы глупо отвечать на вопросы Сандерса честно.

Генерал мрачно смотрел в голотанк, не понимая цифр в углу экрана. Они в равной степени могли оказаться полезными для него или обозначать результаты последних скачек.

– Наш объект дышит хлорином, как выяснилось, – заметил Джонс, показывая на изломанный график анализа состава воздушных фильтров (Йетс добыл эти данные на воздухоочистительной станции колонии). – Вероятность этого больше третьей стандартной девиации. Такой объем хлорина в атмосфере может быть занесен только извне.

– И что? – спросил Сандерс, наблюдая, как пальцы его подчиненного бегают по клавиатуре компьютера. Джонс не любил использовать голосовое управление техникой, но к его тихим словам прислушивались почти все люди, независимо от числа звездочек на погонах, и его приказы беспрекословно выполнялись.

– Правильнее сказать, наш объект дышал хлорином, – поправился Джонс. На дисплее его телефона загорелись зеленые буквы: «Йетс С.В. ООН комиссар Без.»- Видите ли... – продолжал он, посылая данные на распечатку. Из принтера с шуршанием поползла бумажная лента и, складываясь, легла на захламленный пол. – Видите ли, мы можем объяснить, как пули прошли сквозь защиту объекта.

– То есть вы поняли принцип действия его защиты? – загорелся генерал. – И мы утрем нос русским?

– Э-э, не совсем так, Сэнди, – ответил Джонс, массируя переносицу большим и указательным пальцами. – Я бы сказал, что это дает нам неплохой шанс выжить, если появится второй пришелец. Видите ли, рений тоже находится в шестой подгруппе периодической таблицы, как и хлор, главная составная часть хлорина, и они оба встречаются в природе в чистом виде. Мы можем быть почти уверены, что его оружие не действует на хлориновую атмосферу.

Генерал Сандерс вытащил из кармана световое перо: хотя Джонс и не использовал такой вид управления, его аппаратура принимала команды и от светового пера. Сандерс направил луч на голотанк, появилась фигура риллианина за мгновение до гибели. Вот он остановился, умер и исчез.

– Джонс, – сказал генерал. – Я не хочу, чтобы русские взяли верх. А они так и сделают, чтоб я сдох, если получают оружие, а мы – нет.

Светодиод пера ярко горел белым – режим световой указки, команды отдавались шифрованным желтым лучом. Белое пятнышко остановилось и дрожало на основании руки риллианина.

– Сэнди, – медленно проговорил Джонс, – русские не получают ничего из того, что готовится в модуле двадцать. Может быть, второй риллианин никогда не появится, но если это случится...

Экран телефона засветился синим, раздался певучий звонок *срочного сообщения*, а потом все внезапно исчезло, погас свет, голографическое изображение свернулось, как погибший риллианин.

В это мгновение слышался единственный звук – затихающий гул останавливающихся вентиляторов. Белое пятно от пера Сандерса светилось на темном экране голотанка.

– В чем дело?.. – заговорил генерал.

– Господи, это... – закричал Джонс и вскочил на ноги, отбросив стул. В коридоре тускло светились полосы аварийного освещения. Голотанк взорвался от импульса энергии, на который не был рассчитан. Бело-голубой тонкий луч вырвался из огненного облака и уперся в световое перо Сандерса. С металлических украшений его мундира посыпались искры. Джонс рванул к двери, а за его спиной, в комнате, генерал Сандерс еще падал под действием слабой гравитации. Горящие волосы на трупе напоминали нимб.

33. КОНТАКТ

Шеннон, находившийся в модуле 20, чувствовал злость и охотничье нетерпение риллианина. Он был полностью сконцентрирован на своей задаче – найти его, Шеннона, и убить.

Первый импульс от присутствия риллианина сделал все человеческие проблемы бледными и несущественными, сразу стала далекой их борьба между собой, с силами природы, которые еще пугали их; остались лишь надежды спасти Шеннона, и вместе с ним самих себя.

Риллианин коснулся его мозга, и люди исчезли. Есилькова превратилась в двухмерное изображение. Ее голос предлагал помощь, а тело излучало предательство, сомнение и гнев, рожденный болью.

Квинт и его сотрудники, одетые в белые халаты, которые были похожи по цвету на их бледные, зловещие эмоции. Они задавали вопросы громкими квакающими голосами. Они

пытались убедить друг друга в своей храбрости перед лицом опасности, которой они не могли сопротивляться. Шеннон бы понял при других обстоятельствах их резкие движения и отчаянную браваду, но сейчас показатели страха и растерянности у существ, которые взялись его защищать, беспокоили его.

А теперь даже грусть Бредли и нетерпение ее бывшего любовника Йетса не доходили до его сердца. Шеннон еще чувствовал потребность защищать Бредли как носительницу новой жизни, но даже этой эмоции было недостаточно, чтобы оборвать контакт с риллианином.

Все люди рядом с ним, казалось, деградировали. Он видел их такими же, как и впервые: зачатки интеллекта, стадное социальное поведение.

Он все еще помнил, что его долг – защищать их. Они представляли собой форму жизни, потенциально обладающую способностью к разумной деятельности, эволюционному прогрессу, на них лежала печать Провидения. Терри всегда любила наблюдать за низшими формами жизни, их неконтролируемым поведением, из которого внимательный наблюдатель мог почерпнуть знания об общности цели всех форм разума.

Но эти представители человечества внезапно потеряли для него всякую индивидуальность. Они были похожи на стадо животных, пасущихся на холме. Даже беременная женщина стала сейчас всего лишь самкой, представительницей стада.

Терри было бы неприятно, что он унизил человечество в мыслях, приравняв его к примитивному виду. И Шеннон решил выжить именно теперь, когда голос риллианина мощно звучал в его мыслях.

Шеннон ясно понимал своего будущего партнера по переговорам, это было составной частью его профессии. Не обращая внимания на ужасное желание риллианина убивать, он должен понять его чувства, отнестись к ним с симпатией, иначе его ждет такая же неудача, как его друзей, погибших на «Кир Старе», как других кириан, встретивших риллиан и погибших от их рук, не оставив после себя вести.

Его происхождение, воспитание, разум подготовили его к жертве, на которую только был способен кириан. И он выполнит свой долг, находясь среди слепых и глухих людей.

Шеннон стоял, прислонившись к стене, чтобы не упасть, если ноги изменят ему. Он замедлил сердцебиение и дыхание, собрал свой разум в сферу, которая вышла за пределы его мозга, поддерживая связь с телом через кожные рецепторы низкой частоты.

Энергетическое тело, бывшее Шенноном, отделилось от биологического тела, служившего первому лишь временной оболочкой. Его разум достиг риллианина. Найти его было легко, труднее оказалось тайно войти в его мозг, видеть его глазами, чувствовать его мысли, как свои.

Риллианин продирался сквозь вселенную людей, чужую для него, окруженный морем своего страха. Для его глаз все предметы были полупрозрачными, он видел во всем смерть и угрозу – опасная окружающая среда, которую необходимо стерилизовать. Он искал врага, чтобы умертвить его и тем самым обезопасить себя.

В нем не было покоя, в нем горела жажда битвы. Мыслей оказалось немного – только о том, как лучше применить оружие. В нем не было сострадания, потому что сострадать не входило в его обязанности.

Он – риллианский контролер, он пришел вслед за убийцей рангом ниже, и он был опаснее и изощреннее, чем его предшественник. И он знал, что ему грозит гибель, право на жизнь ему давала только победа над теми, кто победил его соплеменника.

Разум Шеннона тайно пробрался в разум риллианина и затаился там. Он видел прицельную панораму, глыбы лунного риголита – для риллианина он был мягкой структурой. Он видел мигающий индикатор готовности на инструменте уничтожения, который вытягивал энергию из энергетического моря, лежащего между мирами, а в качестве аккумулятора использовал скафандр. Он видел все в новом, непривычном спектре. Он понял, что значит оказаться во вселенной, где скорость света намного снижена...

И он чувствовал отвращение риллианина к сооружению, созданному людьми, которое

он собирался сжечь. Шеннон разделял не только эмоции риллианина, но и его технические познания. Задачу контролера и способы ее выполнения он представлял совершенно отчетливо, он узнал также, что случится с риллианином, если он потерпит неудачу.

Когда ставшая такой знакомой прицельная панорама мигнула, Шеннон освободился от разума врага. И снова оказался в своем собственном теле, дрожавшем от напряжения.

Он покинул чужой разум вовремя, иначе он бы стал соучастником убийства, деяния, которое было отвратительным и неприемлемым для любого кирианина. Он еще чувствовал свирепую гордость, с которой риллианин думал о своей работе.

Краткий контакт с чужим разумом оказался достаточным, чтобы понять, что переговоры с контролером бесполезны. В нем не было милосердия, он не отступил бы от своей цели, как и тот, кто придет после него, если контролер погибнет.

Контролер – риллианин средней ступени, и, если он умрет, неизбежно придет третий...

Шеннон теперь знал достаточно, чтобы использовать контролера как инструмент для проведения переговоров. Если только обстоятельства сложатся удачно.

Если только он сам останется в живых. Если риллианина не убьют. Если после боя в живых останется достаточно людей, чтобы помочь в проведении переговоров. И если А-оружие в руках риллианина прекратит стрелять, и если на Луне останется место, где можно будет находиться.

Если...

34. В ОЖИДАНИИ ИГРЫ

– Послушай, – говорил Сэм Йетс, наклоняясь к Элле Бредли, – если Маклеод считает меня врагом, то и я буду отвечать ему тем же.

Он посмотрел ей в глаза. Ее бликующие контактные линзы внезапно напомнили ему о прошлых событиях, и Сэм криво улыбнулся.

– Элла, – сказал он. – Для меня нет пути назад. И мне надо извиниться перед одним человеком. Перед тобой. Позже я скажу, из-за чего...

– Я, кажется, понимаю, Сэм, но не надо...

Йетс махнул рукой и посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, не подслушивает ли кто, и – чтобы создать паузу в разговоре.

– Значит, ты знаешь, – пробормотал он через некоторое время. – Мне очень жаль.

На самом деле он ни капли не жалел, что использовал свой шанс и преподавал урок Маклеоду. Интересно, как все это выглядело со стороны...

– Сэм, – сказала Элла, кладя ладонь ему на предплечье. Он вздрогнул. – Мне тоже очень жаль, ведь я отчасти виновата в том, что у тебя возникли неприятности. Но теперь, когда...

Сэм накрыл ее ладонь своей, чтобы заставить замолчать. Ему хотелось коснуться ее губ, но он не мог сделать это, и разговор продолжался.

Господи! Почему люди думают, что такие вещи необходимо обсуждать!

– Понимаешь, – заговорил Йетс, – он знает мои слабые стороны. И он будет на этом играть. А мне придется защищаться и заботиться не только о себе, но и о Шенноне. И я не хочу умирать, я не сумасшедший камикадзе. Но от меня мало что зависит.

– Сэм, – линзы делали взгляд Эллы загадочным, – я поговорю с Тейлором. Я понимаю, что ты тревожишься...

Черт, может, ей удастся немного обуздать Маклеода.

– ...И я хотела, чтоб ты знал, – она сглотнула и повернула руку так, что ее пальцы оказались в его ладони, – мы были больше, чем просто друзья. И если я что-то могу для тебя сделать...

О Господи!

– Элла, Элла, – принужденно засмеялся Йетс, чтобы скрыть смущение. – Помощь – это одно, а милостыня – другое, и пока у меня в кармане есть десятка, мне не нужна

благотворительность.

Он сжал ее руку и выпустил ее.

– ...Риллианин! В любую минуту! – истошный крик ударил ему в уши.

Что такое?

– По местам! Давай, Йетс!

Это кричала Соня. Шеннон прислонился к стене, глаза его закатились, словно он потерял сознание, но уши выдвинулись вперед, как у собаки, и, казалось, вдвое увеличились в размерах.

Йетс нащупал под пиджаком ТТ, который был сейчас бесполезен, он это знал лучше, чем кто-либо другой. Сэм окинул взглядом лабораторию, выход из нее, суесящихся вокруг людей и вытащил из кобуры пистолет.

– Квинт, давай! – Йетс уже бежал к Шеннону, когда померк свет и настенный телефон секретной связи издал истошный визг, рассыпая голубые искры, как катушка Теслы.

Яркая голубая молния с треском коснулась женщины-оператора. Сэм успел подумать, что она вскрикнет, но она молча шагнула вперед, объятая пламенем, и с глухим стуком упала на пол. Первая часть фейерверка закончилась.

Когда взрыв разнес на куски главную телефонную консоль, в тот же момент голубые искры посыпались из компьютера. В воздухе запахло озоном.

Йетс подбежал к Шеннону, оглядываясь по сторонам, – нет ли где еще опасных электроприборов. Черт знает что происходило с коммуникационными линиями колонии. Похоже, им настал конец.

– Сэр! – вскрикнул оператор за компьютерным терминалом. – Меня отключили!

Парень, видимо, обладал железной выдержкой, если оставался на своем рабочем месте, или, в отличие от Йетса, не понимал, что происходит.

– Энергия не... – это сказал кто-то за компьютером.

– Наш реактор снабжает всю колонию, – завопил холеный коротышка за контрольным экраном. Его волосы были так длинные, что свешивались на плечи и разлетались, когда он резко поворачивал голову. Сейчас он смотрел на Квинта.

– Мне кажется...

– Риллианин пришел за мной, – прошептал Шеннон. Его глаза переливались разными цветами, как линзы Эллы. Он держал Соню за руку и тоже смотрел на Квинта.

– Да, мы знаем, – рявкнула ему в ухо Есилькова. – Сейчас мы его достанем.

На этот раз она была вооружена не станнером, а пистолетом Ричтера военного образца: пять миллиметров, высокая скорострельность, высокая начальная скорость, двойной магазин. И он был совершенно бесполезен.

Техники принялись толкать электромагниты к двери. Тележки, на которых они были смонтированы, были тяжелы и неудобны для быстрого перемещения. Йетс принялся помогать.

– Нет, Есилькова, – сказал Шеннон. – Риллианин пришел за мной. Когда он остановится...

Кирианин замолчал, присоединяя провода, идущие от шлема, к лишенному питания голотанку, но Йетс слышал достаточно. Он бросил толкать тележку, и один из техников выругался. Есилькова и Квинт тоже слышали слова пришельца.

От электромагнитов не будет никакой пользы, если не использовать Шеннона как приманку.

Кирианин стоял возле гол станка, касаясь одним пальцем своего шлема. Из шлема медленно вырастала псевдоподия и, качаясь между проводами, ползла к голотанку.

Йетс, Есилькова и Квинт стояли вокруг с открытыми ртами. Квинт шевелил губами, словно хотел что-то сказать. На компьютерном терминале голотанка появилось изображение, больше напоминающее каменную скульптуру, чем лазерную картинку.

– Господи, это электростанция, – прошептал Йетс, обернувшись, еще до того, как остальные узнали помещение. Обеспечение безопасности главного реактора входило в его

обязанности. Электростанция была действительно опасным местом, она попортила ему много крови и до пришельца с оружием неизвестной мощности.

Риллианин стоял в языках пламени, которые пожирали то, что когда-то было пультом управления.

Все, что могло гореть, исчезло, не исключая людей, от которых остался лишь жирный пепел на полу.

Оружие чудовища было тоже двурогим, как у первого риллианина, но он держал его, плотно прижимая к голо...

С голографического изображения оружия сорвалась голубая молния, и одновременно в модуле 20 взорвался компьютерный терминал, поразив оператора, который пару минут назад кричал, что его отключили. Он с воплем вскочил на ноги и упал. Волосы его дымились.

Экран терминала погас.

Толстый провод, выползший из шлема Шеннона, был теперь подсоединен к входу голотанка.

– Постой! – вскрикнул Квинт, ловя за плечо пробежавшего мимо техника. – Мы установим ловушку zde...

– Правильно, – поддержала Есилькова и крикнула рыжеволосому за пультом управления всем модулем. – Отключи все. Никаких соединений с...

– Какого черта вы... – начал Квинт.

«Правильно, – подумал Йетс. – Еще надо...»

Взорвался еще один телефон: треск и искры. Так пугают крыс – несистематизированное нагнетание страха.

«Отключить питание. Риллианин может заметить аварийный генератор и подключить свою пушку к нему».

– Вы можете это сделать? – рявкнул Йетс на испуганного техника.

– Да, но...

– Не слушай их... – завопил Квинт.

Йетс повернулся к нему лицом.

Шеннон подошел и положил руку ему на плечо:

– Не надо. Люди не убивать людей.

– Выруби все, – сказала Элла, обращаясь к рыжему. – Это необходимо. Или все напрасно погибнем.

Ее лицо было белым. Она смотрела на Шеннона, а Шеннон – на нее. Оба стояли выпрямившись и дрожали от эмоций, переполнявших лабораторию.

От тех же эмоций лицо Йетса покраснелось и глаза горели.

Конвульсивным движением рыжеволосый рванул рубильник вниз. В то же мгновение взорвались три телефона и два компьютера. Голубые молнии ярко осветили лабораторию, ослепив тех, кто не успел закрыть глаза. Голубая нить протянулась к человеку в белом халате. Взрывная волна швырнула всех на пол.

Поднявшись на ноги, Шеннон надел шлем. Провод так и остался подсоединенным к голотанку.

– Понятно, – сказал Йетс Квинту, тоже вставая. – Он изменил тактику. Это значит...

Голотанк Шеннона снова ожил, хотя питание было полностью отключено. Риллианин шел по разрушенной электростанции. Он так быстро и равномерно перебирал ногами, что казалось, что их не четыре, а больше.

«Что-то было не так».

– Поставьте магниты рядом с пожарной лестницей, – спокойно распорядился Квинт. – Лифты не работают, поэтому он придет этим путем.

– Есть еще шахта, – робко сказал один из техников.

– Черт! – прошептал Квинт. – Ладно, ставьте их здесь.

Риллианин быстро бежал по поверхности Луны, перебирая ногами, как паук. С этим все было понятно. *Но что-то случилось неправильное еще раньше.*

– Шеннон, – сказал Квинт, – в комнате он казался меньше, чем первый. Это так?

«Размером примерно с лошадь, а не со слона, как тот...»

Шеннон закивал, провод, выходящий из его шлема, раскачивался.

– Риллианин второй ступени, – пояснил он. – Не такой большой, как первый. Хуже, чем первый, очень хуже.

Вот что было неправильно... Сэм был совершенно уверен, что риллианин не потрудился пройти сквозь дверь, когда уходил с электростанции.

35. СМЕРТЬ СУЛТАНЯНА

Введение карантина было идеей Тейлора, но последствия претворения ее в жизнь уже не раз бросали его в дрожь. Быть похороненным в здании ООН – все равно что носить одну и ту же одежду несколько суток не раздеваясь. Очень неудобно, даже если одежда самая лучшая.

И в этой одежде были русские вши.

При проведении операции всегда приходится учитывать непредвиденные обстоятельства. А это значит, что ни минуты нельзя быть спокойным, что надо с улыбкой общаться с такими людьми, встретившись с которыми на улице перешел бы на другую сторону, говорить им правду, зная, что твои слова на самом деле только часть *настоящей* правды.

Потому что никогда нельзя рассчитывать на правду как средство, могущее привести к успеху в выполнении операции.

– Да, госпожа посол, – спокойно сказал Маклеод, убедившись, что пауза в разговоре объясняется молчанием собеседницы, а не задержкой радиоволн из-за дальности межпланетного разговора: он не хотел злить и так уже взбешенную женщину. – Мы полностью понимаем необходимость предотвратить появление ненужных толков об ответственности миссии США за причинение повреждений колонии ООН. Мы...

Она набрала в грудь побольше воздуха перед тем, как продолжить разносить Маклеода, словно он не сказал ничего полезного.

Антиподслушивающее устройство делало ее голос еще более противным, напоминающим звук продольной пилы. На телефоне пульсирующим светом горели еще три огонька неотложных звонков – два из них с Земли. Коммуникационный спутник А заходил за горизонт, и не было теперь спутника Б, чтобы его заменить.

Госпожа посол – взбалмошная тетка – обладала интеллектом не большим, чем у репы, и это сразу бросалось в глаза. Никто, разумеется, не осмеливался высказать это ей в лицо – разве что те, кому плевать на карьеру, вроде Йетса: она имела доступ не только в кабинет, но и к постели президента США.

– Да, мэм, – попытался подлизаться Маклеод. – Мы рассчитываем, что вмешательство русских будет негативно воспринято развивающимися...

Она снова набирала воздух.

Маклеод вдруг подумал, а как бы Сэм Йетс повел себя в разговоре с американским послом в ООН. И вздохнул. Чтоб она сдохла, чертова баба! Политика Президента в области подбора кадров еще не раз здорово испортит ему настроение. И не только ему, а многим. Йетсу в том числе.

Внезапно погасло освещение, стало совершенно темно – даже индикаторы на телефоне не светились. Мгновение Маклеод слышал только свое дыхание, потом раздался утихающий гул останавливающихся вентиляторов.

Из соседнего кабинета брызнули яркие живые огни – бело-голубые, желтые там, где отражались от стенных панелей. Кто-то вскрикнул. Постепенно засветились полосы аварийного освещения.

«Когда отключается электричество в оружейной комнате, можно ли открыть замки на дверях вручную?»

– Стюарт! – Маклеод осторожно, почти на ощупь подошел к полуприкрытой двери и распахнул ее.

Он не знал, кто находится на дежурстве сегодня – Стюарт или кто-то из его подчиненных, всем им приходилось теперь отрабатывать двойные смены. Самому Маклеоду вообще не удавалось отдыхать с тех пор, как гориллоподобный Йетс принес дурные вести на вечеринку к Элле.

Джим Стюарт вошел в тот момент, когда снова зажегся свет. Стюарт был спокоен, но двигался так быстро, что пола пиджака отлетела, открывая кобуру с пистолетом, который он вообще не должен был брать из оружейной.

– Сэр, – сказал он, – терминал в...

Из дальней комнаты раздался звук, напоминающий нечто среднее между взрывом бомбы и кошачьим визгом. Комната была теперь пустой, когда Счастливец и его няньки отправились в модуль 20. Если бы вся электроника в офисе внезапно выключилась, звук был бы примерно такой же.

– ...в секции Альфа взорвался и поранил оператора, – закончил Стюарт после едва заметной паузы, слегка шевельнув желваками, чтобы показать, что слышит странные звуки из-за двери.

Маклеод посмотрел на телефон. Зеленый индикатор означал, что он готов к работе, но посол и другие, кто был на линии, были отрезаны раньше, чем реле переключило телефон на запасной источник энергии.

– Джим, – сказал Маклеод, – оставайся-ка здесь. И никого не впускай.

Он прикрыл дверь, прежде чем Стюарт согласно кивнул, показывая, что безоговорочно подчиняется начальству, что, как они оба знали, было единственным приемлемым образом действий в кризисе.

Дверь (как и любая другая дверь в миссии ООН) представляла собой монолитную титановую панель с многозасовным замком. Маклеод не решился запереться на этот замок. Джим Стюарт мог обеспечить достаточную безопасность, а на дверную электронику полагаться нельзя, если опять отключится электричество.

Всегда найдутся внештатные ситуации, не упомянутые в инструкциях. «При нападении инопланетян все двери должны быть открыты для обеспечения взаимосвязи и взаимодействия персонала в случае отключения электропитания сети...»

Вентиляторы оставались неподвижными – лишнее доказательство, кроме голубых пульсирующих огоньков на светильниках, что здание питает аварийный генератор. Маклеод знал, что не сможет позвонить никуда, пользуясь коммуникационной сетью колонии, но это его мало сейчас беспокоило.

В инструкции ничего не говорилось, что надо кому-нибудь докладывать в такой ситуации, когда, похоже, это будет твоим последним докладом в жизни.

Не поднимая трубки, Маклеод нажал большим пальцем кнопку «Отослать сообщение» и набрал свой пароль. Три секунды телефон еле слышно щелкал, потом прогудел два раза, показывая, что готов к передаче. Маклеод надавил на клавишу «1» с ненужной силой.

– Три-один-семь, – злобно сказал он в телефон. Его язык случайно коснулся верхней губы, и он ощутил вкус пота над ней. Но голос его был спокоен. – Колония ООН лишилась энергоснабжения приблизительно (сколько, черт возьми, это было?) на две минуты. Миссия США получает электричество от аварийного генератора. По крайней мере, один терминал уничтожен...

Из-за полуоткрытой двери – голубые всполохи, треск электрических искр и людские крики. Одна искра прорвалась в щель между дверью и косяком и оставила на полу вплавленную вмятину.

– ...поэтому можно полагать, что неизвестный источник разрушительной энергии присоединен к коммуникационной или энергетической сети. Я предполагаю, что...

Пол дрогнул. Свет погас, телефон был мертв. В коридоре тускло засветились

оранжевые полосы аварийного освещения.

Маклеод встал и осторожно пошел к двери.

Он не знал, принято ли его сообщение: коммуникационный спутник А мог быть в это время вне пределов досягаемости. В секретариате до сих пор спорили, что делать: изменить ли орбиту спутника В, чтобы он покрывал большую площадь, или дожидаться, пока заменят спутник Б.

Тейлор бросил бутылку с запиской и теперь не знал, не выбросит ли ее прибором назад на берег, где будет лежать его труп. Он почти не сомневался, что скоро погибнет.

В коридоре он едва не столкнулся со Стюартом, его бледное лицо казалось оранжевым из-за аварийного освещения. Тот встретил своего начальника с видимым облегчением. В коридоре вместо семи служащих сейчас было только трое. Один из них лежал на полу и стонал, двое других растерянно смотрели на ожог на его груди и лице в форме восьмерки.

Султанян не переставая ругал Стюарта. Он просматривал записи разговоров с Шенноном: американцы не могли ему в этом отказать, кроме того, Тейлору казалось, что, если просмотр будет проведен в *этом* коридоре, утечка данных будет меньше.

– Сэр, компьютеры сгорели, – сказал Стюарт. – Все уничтожено.

– Мистер Маклеод! – выкрикнул Султанян. – Мне надо немедленно вернуться. И не спорьте, пожалуйста!

Из аппаратуры в нескольких комнатах сразу полетели искры. За спиной Маклеода разлетелся на куски голотанк. Из соседней двери вырвался язык пламени, оставив на противоположной стене пятно копоти размером с ладонь.

Обожженный человек на полу продолжал стонать.

– Правильно, – согласился Маклеод. – Есть ли сообщения из модуля двадцать?

Султанян замер с открытым ртом и уставился на него.

– Никак нет, сэр, – ответил Стюарт, облизывая сухие губы. – Туда пошел доктор Джонс, как раз тогда, когда вы позвонили мне.

– Хорошо, – сказал Маклеод. – Мы тоже туда пойдем.

– И я пойду, – вставил математик капризным голосом.

– Доктор Султанян, если вы не заткнетесь, я прострелю вам оба колена, – вежливым голосом сообщил ему Стюарт.

Маклеод оставил эту фразу без комментариев. Все трое без дальнейших слов быстро зашагали по коридору.

Коридор заканчивался массивной титановой дверью, отделявшей секретные отделы миссии США от остальных частей здания. Здесь сидел Стюарт до того, как Маклеод вызвал его. Дверь была заперта.

– Закрыто? – без надобности спросил Маклеод. Конечно, Стюарт закрыл ее, прежде чем покинул пост. – Мы можем ее открыть?

– Да, сэр, – ответил Стюарт. Он рылся в кармане брюк. Пол снова дрогнул. С потолка посыпался мусор, от стены отскочила декоративная панель.

Стюарт сдвинул в сторону дверцу в стене, прикрывающую электронный замок, и принялся ковыряться в нише предметом, который достал из кармана. Потом принялся вращать вентиль.

– Это, конечно, не ключ, – извиняющимся тоном пояснил он. – Эта штука втягивает внутрь засовы. Ну, когда нет тока.

– Отлично, – пробормотал Маклеод, стискивая кулаки. – Лишь бы она сработала.

Султанян открыл рот, собираясь сказать что-то, но взглянул на Стюарта и промолчал.

Вентиль больше не поддавался. Стюарт выругался, когда его потная ладонь без толку проскользнула по его ребристой поверхности.

Маклеод уперся плечом в дверь и принялся Давить на нее всем телом. Он толкнул ее раз, другой, и дверь неохотно подалась наружу.

– Слава Богу, – прошептал Маклеод, протискиваясь в образовавшуюся щель, забыв о своих спутниках, которые поспешили за ним. Они оказались в огромной круглой комнате,

куда открывалось множество коридоров. Не успели они сделать и нескольких шагов, как каменная стена запузырилась, поплыла и осела. Комнату залило фиолетовое сияние.

Навстречу им шагал риллианин. Его оружие было поднято.

Маклеод внезапно понял, что никакая тренировка не разбудит в Стюарте нужных инстинктов и не заставит стрелять в такой ситуации. Для этого нужно существо, стоящее ниже на эволюционной лестнице, – кто-нибудь вроде Сэма Йетса.

Паутина белых лучей разлетелась во все стороны от двух стволов оружия риллианина, заполнив всю комнату.

Маклеод почувствовал, как волосы на его голове встают дыбом. Перед его ослепленными глазами еще мелькали призрачные вспышки, когда он увидел, как риллианин погружается сквозь каменный пол.

Султанян падал. Из рта у него беспрерывно хлестала кровь, но из выжженной в груди дыры размером с кулак кровь не шла совершенно.

Правая рука Джима Стюарта больше не заканчивалась кистью. Его кисть вместе с пистолетом по медленной дуге летела к противоположной стене.

С Тейлором Маклеодом было все в порядке, если не считать того, что его страшно тошнило от запаха горелого мяса, который бил ему в ноздри.

36. ВЫИГРАННАЯ-ПРОИГРАННАЯ СХВАТКА

В голотанке Шеннон видел тридцать метров потолка коридора. В этот момент пат под ногами в модуле 20 дрогнул. С грохотом посыпались стекла и металлические предметы.

– То, что принес риллианин, я покажу, – заявил Шеннон через динамик скафандра.

Изображение риллианина было почему-то гораздо более отчетливым, чем обычная голограмма. Он встал на грудку мусора и остановился. Все вокруг него исчезло, словно он стоял в вакууме. Когда он шагнул вперед, окружающие предметы снова появились.

– Если у него есть связь со своими, – прошептал Дик Квинт, не заботясь о том, слышит ли его кто-нибудь или нет, – то скоро здесь будет много таких.

Риллианин был уже не в коридоре, а в кабинете. Несколько клерков с криками полезли под столы. Разлетелись бумаги, папки валялись на полу.

Квинт потер нос пальцами.

– Если будет еще кто-то, за кем стоит приходить.

С оружия риллианина сорвалась зазубренная белая молния, вызывающая поток искр с каждой близко расположенной металлической поверхности. Из-за стола выскочила молодая женщина, что-то крича. Искры с ее металлической заколки подожгли ей волосы.

– Он не станет... – сказал рыжеволосый техник. – Я хочу сказать, что он не станет выжигать все подряд, как в реакторе.

Риллианин зашагал дальше, не обращая внимания ни на трупы, ни на уцелевших. По пути он опрокинул несколько столов, которые были привинчены к полу. У задней стены комнаты он остановился.

– Может быть, он боится своего собственного оружия, – предположил Квинт. Его лицо посуровело. – Шеннон, – требовательно спросил он, – риллианин боится обратной взрывной волны от своего оружия?

Вокруг риллианина появилась дымка, сквозь которую окружающие предметы выглядели неотчетливо.

– Риллианин боится, – сказал Шеннон через громкоговоритель. Его шлем кивал, как он научился делать в первый день, когда встретился с человечеством. – Риллианин сильно боится неудачи.

– Мне это знакомо, – пробормотал себе под нос Йетс.

В этот момент с оружия риллианина сорвалась цепочка сверкающих шариков. Они разлетелись в разные стороны, поджигая все, что могло гореть. Риллианин торопливо шагнул вперед. Его изображение колебалось и расплывалось, когда сквозь него пролетал огненный

шар, но он ни разу не исчез полностью.

– Пора выводить отсюда тех, кто не будет драться, Квинт, – сказала Есилькова. Она следила за происходящим по другому голотанку, расположенному у двери. Она держала руку на пистолете, но так и не вытащила его из кобуры.

– Кто не будет драться, – с горечью повторил ученый. – Это, должно быть, шутка.

Риллианин шагнул в следующий коридор. Он взмахнул оружием в обе стороны, посылая тусклый красный луч, который затем медленно осел, как тяжелый газ. Люди, разбегающиеся по коридорам, начали растворяться.

– Откройте эту дверь, – сказал Йетс, махнув ТТ в сторону входа в лабораторию.

– Что?! – вскрикнул Квинт. – Да вы...

– Оно проходит сквозь стены! – взорвался Йетс. – Нужно, чтобы это было здесь, – он ткнул пистолетом, указывая на магниты. – Единственный способ заманить его сюда – открыть дверь. И нечего спорить.

Квинт быстро кивнул и подошел к пульту. Массивная панель отъехала в сторону, открывая портал, он был достаточно велик для оборудования любого размера, которое только мог поднять подъемник, обслуживающий модуль.

– Все, кто хочет уйти, уходите, – спокойно сказал Квинт.

Несколько техников переглянулись, но никто не двинулся к двери.

Голотанк показывал большую комнату с несколькими встроенными в стену кроватями, как в общежитии. Воздух был полон пыли, на полу скопилась кровь – видимые следы применения риллианином своего оружия.

– Я не шучу, черт возьми! – завопил Квинт. – Он идет сюда! Убирайтесь отсюда, пока можете!

Рыжеволосый у пульта облизал губы и сказал хрипло:

– Сэр, здесь мы при деле. Может быть, еще кто-нибудь работает, Советская миссия или еще кто... – он покосился на Есилькову.

– Понятно, – устало согласился Квинт. – Мисс Бредди. Я бы очень хотел, чтобы вы...

Элла едва заметно покачала головой. Она стояла так, чтобы не видеть голотанк вообще, даже уголком глаза. Ее левая рука лежала на плече Шеннона, пальцы бессознательно поглаживали ткань скафандра.

– Тогда надо хоть спрятаться, – предложила Есилькова. – Когда он придет здороваться, мы ему помашем издалека.

– Сейчас не до этого, Соня, – возразил Сэм. Голотанк залился белым светом, который постепенно померк, и тогда стало видно, как дымно горит мебель и трупы. – Через пару минут, может быть. Он еще не дошел до миссии США.

– Нет, он уже там, – вмешалась Элла. – Это был отдел научных вопросов в коридоре ВВ, между девяностым и девяносто первым. Я там часто бывала. Они все...

– Квинт, а эти штуковины сработают, даже если мы все... того? – спросил Йетс, имея в виду магниты.

Квинт коротко кивнул:

– Они узнают мой голос по телефону.

Банк данных был высотой до пояса. Его использовали как щит, выкатив поближе к двери. Он занимал почти всю ширину модуля. Конечно, он не остановит риллианина, но его оружие, кажется, действует только в пределах видимости, поэтому... это может дать несколько лишних секунд.

– Шеннон, – сказал Йетс. – Тебе лучше побыть там, за углом...

Снова затрясся пол. По керамическим плиткам стен побежали трещины.

Дверь аварийного выхода распахнулась. По инструкции, она должна быть закрыта. Кто-то вскрикнул.

Видимо, вышел из строя электронный замок.

На мушке ТТ появилась цель.

– Господи, это ты, Джонс! – закричал Квинт. – Ты хочешь, чтобы тебя убили?

Йетс с трудом снял палец с курка. И закрыл внезапно пересохший рот. Соня ругалась по-русски, проклятье за проклятьем, и не повторялась.

– Объект идет сюда! – выпалил Джонс. – Я уверен! Электричество и телефон отрезало, и я не мог предупредить вас.

– Точно, и он пойдет тем же путем, что и ты... – начал Квинт. Джонс прошел между двумя магнитами и резко остановился, когда понял, что это было.

– Сэм, – позвала Есилькова.

Йетс обернулся. Соня смотрела на Шеннона, а Шеннон смотрел на высокий потолок лаборатории.

Риллианин в голотанке стоял среди груды мусора в разрушенной секретной зоне миссии США. Сзади виден был лифт и выход на аварийную лестницу, дверь туда была распахнута, как ее оставил Джонс. Риллианин стоял к выходу задом.

Он шагнул к противоположной стене. Изображение на мгновение померкло.

Стен больше не было .

– Риллианин идет, – в голосе Шеннона звучало горькое удовлетворение.

Пол еще был на месте .

– Соня, убери его отсюда, – заорал Йетс, когда из потолка просочилось нечто. Какая-то тень.

Размером всего лишь с лошадь , но какой огромной кажется лошадь, когда она проходит сквозь потолок .

И выстрелы ТТ звонким эхом отразились от стен лаборатории.

Выстрел, снова выстрел. Красные вспышки из ствола, и тусклые пятна на медленно опускающемся риллианине. Он в десяти футах, может быть, в девяти. Пули пробili аккуратные отверстия в потолке, одна срикошетила от балки, зло взвизгнув.

Выстрел, еще выстрел.

Риллианин коснулся пола. Его передняя нога оказалась на голотанке, которым пользовался Шеннон, и раздробила его в куски. Самого кирианина уже здесь не было. Соня обхватила его за талию и потащила к двери.

Дик Квинт и его персонал бросились врассыпную. Элла шагнула к риллианину, роясь в поясной сумочке в поисках станнера, – она не была достаточно тренирована, чтобы вытащить его раньше. Она защищала собой Шеннона.

Ствол ТТ оказался на расстоянии пальца от куполообразного шлема риллианина. Это существо должно было иметь запах, но в ноздри Йетсу била только вонь горелой изоляции.

Сэм выстрелил. Пуля пролетела сквозь чудовище и разнесла на куски компьютер, который все еще работал от аварийного генератора.

Риллианин направил оружие в сторону от Шеннона и тоже выстрелил. Мгновенно возник конус оранжевого света на острие риллианского оружия. Через долю секунды конус стал немыслимо, ослепительно белым. Смертоносный луч пробил стену модуля и тридцать метров скалы за ней.

Сэм был оглушен и ослеплен взрывами и не знал, стреляет ли его ТТ, но когда он нажал на спуск в третий раз и не почувствовал отдачи, он понял, что раньше отдача была.

Риллианин взмахнул своим оружием, как мечом. Тончайшая линия, черная, как сердце погасшей звезды, коснулась стены рядом с Шенноном.

Она достала бы его, прежде чем он добрался бы до лестницы. Она разметала бы его на атомы.

Элла не успевала, она еще бежала, когда Джонс прыгнул с баррикады обломков и вцепился в штырь А-оружия обеими руками.

Какое-то мгновение Сэму казалось, что он видит все вверх ногами: риллианин у баррикады лицом к лицу с Джонсом, и оба висят в воздухе. Потом он увидел вспышку на том месте, где был Джонс.

Шеннон уже был на пожарной лестнице, вне поля зрения, Соня прицеливалась – она еще ни разу не успела выстрелить, а могучие ноги риллианина уверенно несли его по

направлению к его жертве.

Баррикада была толщиной в метр, там было навалено оборудование, способное выдержать воздействие ударной волны близкого ядерного взрыва. И баррикада развалилась, когда чудовище ударило ее, направляясь к...

Включились электромагниты, их гул был оглушителен, как взрыв, вспыхнувший в углу комнаты.

А-оружие лязгнуло о магнит справа от двери. Самого риллианина потащило налево. Захваченный магнитным полем, он извивался и корчился...

Но не мог высвободиться, слава Богу!

Соня выстрелила в него три раза подряд. Риллианин вздрагивал каждый раз, когда его ударяла пуля. Пули пролетали насквозь и с визгом впивались в баррикаду. Есилькова выпустила еще очередь, прислонившись спиной к пожарной лестнице. Сверху высунулась рука Шеннона в оранжевом рукаве скафандра, пытаясь заставить ее прекратить стрельбу.

У Йетса были проблемы посерьезнее.

– Соня! – отчаянно завопил он, вскакивая на ноги. – Не попади в маг...

Скафандр риллианина надулся в двух направлениях, а потом соскользнул на пол, словно магнитам уже нечего было удерживать. Оружие упало секундой позже, и компьютер отключил питание магнитов.

Внезапно настала почти полная тишина, нарушаемая только затихающим потрескиванием статического электричества.

Соня медленно опустила пистолет и шагнула вперед. Шеннон проскользнул, обгоняя ее, к риллианину. Но риллианина не было, остался только пустой фиолетовый скафандр, да и он начал съеживаться, на этот раз без электрических искр, как у солдата.

Голова одного из техников лежала лицом вверх в облаке рыжих волос. Первый выстрел риллианина пробил в скале конус длиной тридцать метров и уничтожил все на своем пути.

Рядом с останками техника лежал обезглавленный труп, который при жизни звался Диком Квинтом.

Сэм остановился около бреши, пробитой риллианином в баррикаде. Элла пыталась подняться: ноги дрожали и не слушались. Судя по выражению ее лица, она до конца не верила, что осталась в живых. Сэм чувствовал то же. Он обнял ее за талию и приподнял. Объятие было так крепко, что ей стало бы больно, если бы не шок.

В глазах Йетса были слезы. Частью из-за пыли, частью из-за озона, насытившего атмосферу разрушенного модуля, а еще из-за...

Он искал Джонса.

От маленького ученого ничего не осталось. Он вовремя понял, что надо делать, чтобы спасти их жизни, и пожертвовал своей.

Не осталось ничего, кроме памяти.

37. ПОДСЧЕТ ПОТЕРЬ

Когда риллианин был убит людьми и кирианин спасен, единство стремлений и чувств людей кончилось. Но кое-что было общее. Страх. Радость. Сомнения и паранойя. И была скорбь, такая, что потрясла и оглушила Шеннона.

В отличие от души риллианина, чьим домом было другое измерение, души убитых в модуле 20 людей коснулись сердца Шеннона, когда отлетали. Все они ушли: инженеры и техники, рыжеволосый, Квинт. Даже Джонс, который пошел другой дорогой, ушел из этой вселенной.

Шеннон пытался защититься от волны горя, излучаемого его союзниками-людьми. Благодатный шок немного притупил его восприятие. Он понял – не разумом, а душой, что они не могут ни слышать, ни видеть души погибших. Этим объяснялась ярость в бою их воинов: таким образом Йетс и Есилькова трансформировали свой страх, который не парализовал, а стимулировал их. Но от понимания этого не стало легче переносить водопад

несдерживаемых эмоций в комнате.

Дикость их чувств угрожала затопить его, унести, заставить забыть все, что он знал о жизни, и все, что было ему дорого, забыть благородство своего долга, важность осмысленных поступков. Никто из этих детей природы не понимал значения дара, не чувствовал еще самого дара – пути ко всепониманию.

Когда риллианин пал и его скафандр исчез, Шеннона охватила паника, черная и глубокая, как пропасть между людьми и кирианами.

Они сами лишили себя шанса, когда их грубые магниты сокрушили риллианина. Они убивали инстинктивно. Их нельзя было остановить аргументами. Как и риллиане, они были запрограммированы на убийство. Генетическая информация, которая сделала их господствующим видом на их родной планете, включала смертоносные рефлексy без согласия разума. Не важно, что они обещали Шеннону, они искренне верили, что сдержат обещание, ибо, встретившись с угрозой, они устраняли ее радикально или погибали, пытаясь это сделать.

Судьба человека по имени Джонс, бесспорно, доказала это. Джонс продемонстрировал генетически заложенный альтруизм: он принес себя в жертву во имя выживания группы. Так как не было возможности убедить людей, что живой риллианин тоже может помочь выживанию группы, эта человеческая черта еще доставит Шеннону много хлопот в будущем.

В будущем. Когда придет следующий риллианин. А это неизбежно. Подавленный Шеннон сидел на пожарной лестнице, опираясь подбородком о кулак (шлем он уже снял), и думал.

«Когда ураган людского горя и страха уляжется, думать будет легче», – говорил он себе. А пока они блокировали его мозг и нервы своим излучением. Они искали виновных среди выживших, обвиняли друг друга, кричали друг на друга, вспоминая, кто как действовал, пряча страх за грубостью.

Запах сожженных людей – мертвых людей – особенно беспокоил его. Даже Бредли, которая стояла, прислонившись к стене, чувствовала себя от этого плохо. Ее вырвало прямо на баррикаду, и запах человеческой рвоты тоже оказался неприятным среди вони от горелых волос и сожженного мяса, свернувшейся крови, разорванных кишок, выделенного людьми в минуту страха кала. Шеннон знал, что запах состоит из летучих молекул, но от этого было не легче. Он сузил как мог ноздри и молился, чтобы не заболеть, с трудом удерживаясь от могучего желания надеть шлем. Этого делать было нельзя, в шлеме люди могли его испугаться, а это было опасно для него самого.

Выжившие были напряжены до предела, тревога усиливалась криками раненых, некоторые из которых старались не стонать, когда их могли слышать другие.

Те немногие, кто не был ранен, бродили по разрушенной лаборатории. Йетс, Есилькова, двое оперативников Маклеода, трое в форме, которых Шеннон не знал, – в них чувствовалась черная маниакальная сила, от которой ему было страшно.

Йетс громко задавал вопросы, ответы на которые были известны только мертвым ученым: Квинту и Джонсу.

А Есилькова несколько раз украдкой взглянула на Шеннона. На плечо себе она повесила оружие риллианина, приспособив для этой цели ремень от своих брюк.

Именно Бредли в конце концов заставила Шеннона подняться со ступеньки, на которой он сидел, и направиться к ней. По дороге он слышал и разбирал слова людей, а не только общую интонацию их разговоров.

Он приблизился к Бредли, желая утешить ее, чтобы она прекратила свое излучение и он смог подумать. Он обошел грудy дымящихся обломков и особенно осторожно миновал обезглавленное тело Квинта, когда до него долетели обрывки фраз:

– ...надо сообщить в Советскую миссию: здесь ничего не осталось, никаких секретных приборов или информации. Нам нужна помощь...

– Соня, сначала позаботимся о раненых. И произведем подсчет убитых. И узнаем, есть

ли еще директорат безопасности или мы – все, что от него осталось. Хочешь поговорить со своими – пойд и найди Султанияна. Но это *после того*, как мы выясним, что кирианин устроил с голотанком и можем ли мы это повторить. Я хочу просмотреть запись. Риллианин прошел прямо через дверь, и все это зафиксировано. Я не знаю, как Шеннон смог подключить фрактальную геометрическую программу к...

Шеннон встал возле Бредли.

– Элла Бредли, – сказал он мягко, обращаясь к человеческой женщине. – Горе нет, ребенок нуждается в Бредли. Думай жизнь, не смерть. Смерть – дверь, Бредли. Как риллианин, когда идет сквозь дверь, не можешь видеть другую сторону. Но сторона есть. Пусть сердце бьется, Бредли. Жива сейчас. После жизни – потом. Будь здесь, Бредли. Не посылай Шеннону боль. Живи для Бредли и ребенка. Время пришло сказать отцу.

– Господи, Шеннон! – воскликнула она, поднимая на него глаза, которые снова грозили наполниться водой. – Если ты скажешь Тингу о беременности после всего этого, я тебе никогда не прощу.

– Не простишь что? – он вглядывался в ее лицо в поисках объяснения, но видел только боль и гнев. Может быть, дело опять в языковом барьере... – Бредли, объясни, почему отец не знает. Должен знать.

– Не должен. У него и так есть о чем беспокоиться. Это убьет его, он с ума сойдет. Мы и так все тут сошли с ума. Как бы то ни было, выбор – за мной. Это мое тело, ясно тебе, глупая инопланетная вонючка?! Может, у меня еще не будет ребенка. Может, я его не хочу. Может, никто из нас не останется в живых... – ее голос перешел в хриплый шепот и замер.

– Бредли останется в живых. Есть ребенок, Бредли – мать. Сейчас, Бредли. Будь сейчас, – пытаюсь утешить ее, Шеннон понимал, что это ему вряд ли удастся.

– Шеннон, иди доводи кого-нибудь другого. Что я сделала, чтобы слушать это? – из ее глаз постоянно вытекал прозрачный секрет, и сквозь него она смотрела на Шеннона, словно он был ее врагом. Ее мозг тоже излучал враждебность.

Он понял, наконец, что она воспринимала его как угрозу: ничего бы не случилось, если бы его не было. Он забыл, как плохо они реагируют на смерть, как несовершенны их реакции. И он, пришелец, недооценил их гордыню и жажду знаний. А многие из них, Бредли например, считали его причиной их несчастий, риллианам здесь нужен был Шеннон, и никто другой.

Внезапно он понял, что боится Бредли и всех людей вокруг. Среди них он был таким же чужим, как только что убитый риллианин. Он сказал:

– Бредли... слушай... Шеннона всем слухом. Риллиане пошлют еще, да. За Шенноном. Шеннон говорил это много раз. Люди не слушали, не понимали. Теперь понимают. Люди не могут сражаться с риллианами – недостаточно развиты. Шеннон пойдет на поверхность. Риллиане не убивают людей. Люди не должны убивать следующего риллианина.

– Какого черта! Мы можем драться с ними, – вспыхнула Бредли. – По моим подсчетам, уже два риллианина сдохли. Мы заставим их поплясать за их денежки, – она погладила ладонями свое горевшее лицо.

– И около ста тридцати человек убито, по моим подсчетам. Это приблизительно, – сказала Есилькова из-за плеча Шеннона. – Только здесь погибли пять техников, Квинт, Джонс, все на электростанции, пара кодировщиков, почти все на четырех этажах, которые эта тварь проходила... – Глаза Есильковой были раскрыты очень широко и блестели. Она присела на недоломанный стол, лежащий на боку. – Я звонила в несколько мест. Стюарт оказался в лазарете. Говорит, что Султаниян тоже приказал долго жить. Выходит; все наши ученые отправились одной дорогой.

– А Тинг? – спросила Бредли с таким эмоциональным напряжением, что грудную клетку Шеннона свело судорогой.

– На пути сюда, – ответила Есилькова. – Поэтому я могу уйти вместе с Шенноном. Пойдем, вместе с нами переместится и опасная зона...

– Слава Богу, он жив, – прошептала Бредли, и Шеннон смог снова вздохнуть.

– Есилькова и Шеннон уходят, – мягко сказал он и протянул руку, чтобы коснуться плеча Бредли, как обычно делали люди, чтобы успокоить друг друга. Бредли отскочила в сторону.

– Бредли... – заговорил Шеннон.

– Есилькова, тащи эту штуку сюда, – заорал Йетс через всю лабораторию.

– Какую штуку, Сэм? – уточнила Есилькова. – Одушевленную или нет? – она по очереди посмотрела на Эллу, Шеннона, потом на А-оружие, которым она не знала, как пользоваться.

Шеннон повернулся, чтобы посмотреть на Йетса, тот заряжал свое примитивное огнестрельное оружие патрон за патроном. Шеннон видел, как он уронил один патрон и наклонился за ним. Сидя на корточках, он сказал:

– И ту, и ту. Иначе вы там затопчете все следы. – На его лице был вызов.

Есилькова взяла Шеннона под руку.

– Пойдем, ты, последняя надежда человечества. Расскажи Сэму о фокусе с компьютером, чтобы мы могли поскорее отсюда свалить. – Потом она добавила тише, искоса взглянув на Бредли: – И помни то, что я тебе сказала.

Он помнил. Она хотела, чтобы Йетс не знал, что ее народ предложил ему возможность выйти на поверхность. Он многое узнал за последнее время о людях.

Бредли сказала напряженным голосом:

– Я присоединюсь к вам, как только буду готова.

Есилькова тянула его за руку.

– Великолепно. – А когда они отошли подальше, прошептала: – Не сердись на нее, она сама не понимает, что говорит. Она ждет Маклеода.

– Мы тоже, – объявил Йетс, встречая их на полдороге. – Шеннон, ты можешь сделать, чтобы голотанк работал, как раньше?

Начали звонить уцелевшие в лаборатории телефоны.

– Показать, как идет риллианин? Риллианина здесь нет.

– Мы это знаем, Шеннон. Но данные должны были сохраниться, или нет, они не сохранились...

– Не... знаком... с терминологией, – сказал Шеннон. – Воссоздам, ладно?

– Ладно, конечно, о чем разговор, – лицо Йетса немного оживилось. – Прошу вас, сэр, добро пожаловать, сэр, так держать, сэр, – Йетс вел себя так, как будто случилось что-то очень радостное.

Шеннон восстановил соединение и подключил шлем к голосистеме. Данные были записаны скафандром: сообщение риллианина домой плюс компьютерная реконструкция его продвижения – все это людям можно было позволить видеть...

...а кое-что видеть им было нельзя. Эта юная, свирепая цивилизация с зачаточной моралью не должна была получить А-оружие, довольно и того, что образец уже висит у Есильковой на плече.

Он передал достаточно данных на примитивный терминал, чтобы создавалось впечатление полноты картины. Йетс немедленно занялся просмотром. Шеннон засунул провод назад в шлем и поймал вопросительный взгляд Есильковой.

– Идем? – спросил он.

Она кивнула.

И пошла к двери с такой целеустремленностью, которую он раньше не наблюдал у людей, но тут на пороге появился Маклеод.

– Эй, голубки, – процедил он. Его волосы были растрепаны, а лицо покраснелось – реакция на облучение. – Рановато уходите с утренника.

Есилькова прошептала непристойность.

Шеннон сказал:

– Шеннон не нужен тут. Уходит.

– Извини, Шеннон, нам нужно провести следствие, – воспаленные глаза Маклеода

блуждали по комнате, пока не остановились на Бредли. Шеннон почувствовал, как он расслабился – немного. – Есилькова, давайте посмотрим на это.

Он протянул руку за А-оружием.

Есилькова и не подумала отдать.

Они стояли и смотрели друг на друга, и Шеннону захотелось оказаться далеко от этих двоих. Но он остался на месте и сказал:

– Риллианское оружие не научит людей, не работает для людей. Нужны компоненты скафандра, их нет.

– Мои техники смогут кое-что выжать из него, – рука Маклеода оставалась в прежней позиции.

Есилькова переступила с ноги на ногу. Оставив в покое единственный уцелевший голотанк, Йетс решительно зашагал к ним, набычившись и подняв плечи.

Когда Йетс шумно споткнулся о какой-то обломок, Есилькова посмотрела в его сторону, услышав звук, несмотря на трезвонящие телефоны и крики раненых.

– Ладно, Маклеод, получай, – Есилькова сняла с плеча риллианское оружие и протянула его стреляющим концом вперед. – Я обещала Шеннону, что ему не придется сидеть здесь, нюхать вонь мертвых и испуганных. Может, побыстрее разделаемся с вопросами?

– Тогда вы двое идите в мой кабинет, – сказал Маклеод. – Прямоком, без остановок. Уяснили?

– Без проблем, сэр, – Есилькова подтолкнула Шеннона пониже спины. – Пошли, Счастливчик. Получишь, что хотел.

Шеннон понял, что Есилькова предупреждает, чтобы он не начал спорить с Маклеодом. Но инопланетянину нужно было кое-что сказать.

– Маклеод, поговори с подругой. Спроси правильный вопрос. Новая жизнь, Шеннон поздравляет.

Маклеод недоуменно поднял бровь, но тут вмешался Йетс:

– Рад видеть, что что-то осталось от спецгруппы. Видит небо, нам эти бесстрашные парни очень пригодятся в скором времени.

– Помолчите, Йетс. Нам еще придется долго разговаривать.

– Когда все это кончится, будет много времени для разговоров.

Когда Есилькова уводила его к двери, Шеннон еще чувствовал волны враждебности, исходящие от стоящих лицом к лицу мужчин.

По крайней мере, на поверхности Луны будет тихо. Свобода от человеческих дразг манила его. Шеннон бы никогда не привык к ним, даже если бы у него было время.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПУТЬ КИРИ

38. КОНТРОЛЬ ПОВРЕЖДЕНИЙ

– Как мы могли не убить его, ты, самоуверенный придурок, и остаться в живых сами? Я что, похож на супермена?

– Я только сказал, – повторил Маклеод, закладывая руки в карманы, – что вы не выполнили задачу, которая состояла в том, чтобы включить магниты и обездвижить пришельца. Вы знаете, как это пишется, Йетс? О-без-дви-жить. Имобилизовать. Может, вам, как Шеннону, стоит полистать Уэбстера? В определении этого слова нет и намека на то, что надо палить из устаревшего советского пистолета в бронированного пришельца размером с лошадь. Вы вообще не должны были ничего делать по определению, а только стоять и смотреть, вмешиваться исключительно при возникновении чрезвычайной ситуации.

Маклеод отвернулся от единственного уцелевшего голотанка.

– На записи ясно видно, насколько вы уклонились от первоначального плана выполнения задания...

Йетс быстро ткнул побелевшим от напряжения пальцем в три кнопки. Голоотанк выключился.

– Какая запись? Тут ничего нет.

– Йетс, если вы стерли данные, в настоящей ситуации это уголовное дело.

– Это не данные, это реконструкция Шеннона, – голос Йетса был глух. – А вас тут вообще не было, поэтому не надо грозить мне. Человек, принявший на себя командование в чрезвычайной ситуации, обладает правом на свободу действий, Маклеод, а вы были далеко от чрезвычайной ситуации, – зрачки Йетса превратились в точки, на лице появилась недобрая улыбка.

– Йетс, когда все закончится, вы лишитесь звания, – посулил Маклеод громко и пожалел об этом. Не стоило при посторонних спорить с этим шутком. Почти все слышали разговор: Йетс говорил очень громко.

И Элла медленно подходила к ним, он видел, как она осторожно перешагнула через чей-то обезглавленный труп.

И ему надо было сказать что-то, чтобы убедить окружающих, что дисциплина не рухнула окончательно. Как только люди начинают обдумывать отданные им приказания, результаты получаются примерно такие, что имелись в настоящий момент: куча трупов и невыполненная миссия.

Йетс не хуже Маклеода знал, что им был нужен живой риллианин, тогда бы никто не стал выяснять, почему разрушена лаборатория и почему так много жертв.

Маклеод хотел быть уверен, что в следующий раз его приказания будут выполнены скрупулезно, а не так, как покажется наилучшим кому-нибудь, чьи мозги затуманены повышенной концентрацией адреналина в крови.

– Йетс, уймись и ведите себя не как бандит, или я разжалую вас прямо здесь. – Появились двое его ребят из спецгруппы, всего в лаборатории теперь было шесть сотрудников Безопасности, есть кому проводить расследование. – И это не угроза, а предупреждение.

– Не перестарайтесь, Маклеод, – Йетса била дрожь. – Очень прошу, старина, не перестарайтесь.

Маклеод проводил обычное расследование. Он знал, что должен быть точным, аккуратным и беспристрастным. И ни в коем случае не переступать границ, указанных инструкциями. Пока он вел себя правильно. Кажется, Йетс лезет в бутылку из-за каких-то личных причин. Так часто бывает. И он не станет его останавливать, когда этот придурок сам роет себе могилу. Сумасшествие не служит оправданием ничему, и оно требует адекватных контрмер.

– Комиссар Йетс, если вам кажется, что я перестарался, вы ошибаетесь. Я собираюсь воссоздать произошедшие события, и для этого буду стараться столько, сколько нужно, – пока все вопросы не будут удовлетворительно разъяснены мне и моему начальству.

У Маклеода не было ни времени, ни возможности работать с неудачником, чем бы там ни объяснялась причина его неудач. И оставалась еще проблема с лояльностью Есильковой. Но Йетс вышел из себя; если он подаст повод, который будет записан, его можно будет посадить под домашний арест и тихо-спокойно уволить Есилькову. Эти двое постоянно портили игру, как две слабые карты в руках сильного игрока.

Йетс начал четыре предложения и ни одно не закончил:

– Вы не можете... Я не... Никто не должен... Если бы мы с Эллой не стреляли...

– Элла... что?.. – спросила невеста Маклеода. Бредли стояла возле них, ее запавшие глаза блестели.

Разве она не понимает, что пришла в неподходящий момент? Что она мешает? Что даже после всего, что случилось, она все еще пытается защитить Сэма Йетса от последствий его идиотских поступков?

Маклеод глубоко вздохнул и повесил риллианское оружие на плечо. Он не станет ругаться с Эллой прямо здесь, при всех. Слава Богу, она, кажется, не ранена, он может вести

себя как офицер, находящийся при исполнении обязанностей.

Но она не понимала, что он на работе, или это для нее ничего не означало. Она исподтишка кратко пожала Сэму руку.

– Сэм, что здесь у вас происходит?

И все время она пристально смотрела в глаза Маклеода, и он пожалел, что она была без контактных линз.

– Я пытаюсь разъяснить твоему приятелю, что риллианин погиб не по нашей вине. Ты удивишься, но он совершенно не верит мне.

– Тейлор, я была здесь с самого начала. Если ты хочешь поговорить об этом...

– Когда я закончу разговор с комиссаром Безопасности, – холодно ответил он. – Потом мы обсудим, что видела ты. А теперь, если не возражаешь, мы продолжим.

Он думал, что она обидится, уйдет, позволит продолжить работу. Велась запись всех его действий, и она должна была понимать это лучше других.

Но она повела себя в высшей степени неразумно и непрофессионально. Ее подбородок выпятился, рука снова пожала кисть Йетса, и она сказала:

– Тинг, сейчас. Поговорим *сейчас*.

– Отлично. Если это не терпит отлагательств и связано с безопасностью, говори. Комиссар Йетс тоже послушает.

Маклеод отступил на шаг и прислонился к голоконсоли. Оружие пришельца у него; он подумал, что можно отнести его в госпиталь, где, может быть, найдется кто-нибудь из выживших ученых или экспертов, кто мог бы разобраться с ним. В этом было бы больше пользы, чем в перебирании грязного белья на глазах у людей.

Йетс смотрел на Эллу, в его глазах было непонятное для Маклеода выражение, минутой раньше его взгляд был пустым и отсутствующим, как у безумца.

– Шеннон хочет, чтобы я сказала тебе: он уверен, что у нас будет ребенок.

Он ждал продолжения, но это было все. Господи, как он должен реагировать на это здесь, сейчас?

Йетс уставился на нее, она смотрела на Маклеода, все тяжело дышали, как после бега. И Маклеод сказал:

– Благодаря Йетсу существует вероятность, что до того времени мы не доживем...

– Благодаря Шеннону, ты хотел сказать?! – взорвался Йетс. Его рука дрожала в руке Эллы. – Ты – идиот проклятый, понимаешь? Спрятал кирианина сюда, где твои лучшие люди пытались сделать невозможное. Вот что ты хотел – чтобы люди выполнили невозможное. Так не бывает, ковбой. Люди – всего лишь люди.

– Сэм... – сказала Элла.

– Нет, он должен знать это. В следующий раз, когда это произойдет, Шеннон должен быть далеко, и...

– Он говорит, скоро придет другой... – перебила его Элла. – Мне кажется, он и Есилькова обсуждали что-то в этом роде, но я не уверена...

– А вы что скажете, Йетс? Вы уверены, что у Шеннона и Есильковой не было тайного плана?

– Впервые слышу об этом, но идея неплохая. Если бы вы бросили читать букварь и напрягли серое вещество, сами бы могли сообразить.

Чистая работа, он как бы остается в стороне.

– Вам же лучше, чтобы они оказались в моем кабинете, когда я туда приду, – не важно, что Маклеод сам хотел провести подобную операцию, Есилькова была врагом, а поверхность Луны слишком большая, чтобы кого-нибудь быстро найти.

– Черт, – сказал Йетс и пошел прочь, качая головой.

– Тинг, – умоляюще начала Элла.

Маклеод посмотрел вслед Йетсу.

– Что? – ответил он, закрывая рукой микрофон на лацкане. Это было против правил, но ему хотелось действительно поговорить с ней наедине.

– Не делай этого. Сэм не может справиться с тем, что ты ему поручил.

– Естественно.

– Тогда зачем?

– Элла, – вздохнул он, бессознательно сжимая микрофон большим и указательным пальцами, – в такой ситуации главное – остаться в живых, использовать лучших людей с максимальной эффективностью, не рисковать понапрасну и гибко приспосабливаться к обстоятельствам. Мы получаем электричество от аварийного генератора. Нам необходимо продержаться хотя бы две недели, потом кое-что починят, и будет легче. Если ты беременна, я попытаюсь немедленно отправить тебя на Землю. Меня могут ждать большие неприятности, но это потом. Только скажи, что ты согласна, и я сделаю все, чтобы добыть тебе место на корабле. Каждый дипломат на Луне сейчас пытается сделать то же, но я...

– Я не полечу, Тинг, и ты знаешь это. По крайней мере, пока все не закончится. Может, и потом не полечу. Я была с тобой очень долго и кое-чему научилась. Если ты отошлешь меня, тебе придется разрешить улететь остальным... Нет. И Шеннону я нужна.

– Шеннону нужна Есилькова, – он пожал плечами, все еще сжимая микрофон.

– Обещай мне, что оставишь Сэма в покое.

– С удовольствием бы это сделал, но он мне не даст. Он все еще пытается играть в командира, а результаты ты видишь сама вокруг себя. Из-за него сегодня ты чуть не погибла, так я понимаю. Тебе надо держаться от него подальше! – Последняя фраза прозвучала чересчур громко.

Она отступила на шаг.

– Если я так поступлю, ты оставишь его в покое?

– Обязательно. – Он пообещал бы все что угодно, чтобы прекратить этот разговор. Не зная, как продолжить, он предпочел сменить тему: – Так, значит, Есилькова и Шеннон говорили о выходе на поверхность?

– Думаю, да, судя по тому, что я слышала.

– И тебе кажется, что Йетс может работать хорошо?

– Я уверена в этом.

– Йетс! – крикнул Маклеод, заглушая негромкий гул голосов. – Идите в мой кабинет. Скажите Счастливику, что вы отправляетесь на поверхность, как только проинструктируете его. Проведите инструктаж, используя мое оборудование. Берите любую аппаратуру и кого хотите из персонала, но сделайте так, что если он выйдет на поверхность, то выйдет под нашей защитой, а не под надзором русских. Можете взять с собой Есилькову, если хотите, но чтобы она не говорила с Минским ни в коем случае. Исполняйте!

Йетс неспешно прошел мимо него. Он был не очень близко, и Маклеод не видел, как у Сэма на шее бьется жилка. Проходя мимо Бредли, Йетс откинул полу пиджака, сунул в кобуру ТТ и сказал:

– Хорошо сработано, Элла.

Маклеод не остановил и не спросил его, что это значит. Начать выяснения – показать слабость и отсутствие самообладания.

Элла повернулась к нему и спросила:

– А мы?

Он немного расслабился.

– С нами все будет в порядке. Я пойду в госпиталь. Повидаю Стюарта и других ребят. Может, кто-нибудь разберется в этом, – он хлопнул по А-оружию, болтавшемуся где-то возле его колена. – Пойдешь со мной?

– Дойдем вместе до твоего кабинета. Я должна быть там на случай, если понадобится Шеннону.

– Понятно, – отозвался он, зная, что не эти слова хотел бы от нее слышать.

Она сделала свой выбор, и это было ее право. Кроме того, во всей этой кровавой суматохе его кабинет – одно из самых безопасных мест на Луне, особенно после того, как Шеннон уберется оттуда навстречу следующему риллианину.

Они направились к двери, когда появился один из парней Стюарта и вручил Маклеоду список погибших на подпись.

В нем было имя Сэнди. Он не знал, что Сандерс тоже убит. Он и не подозревал, что чье-то имя в списке погибших может вызвать у него потливость и головокружение.

Он и раньше признавал, что выход Шеннона на поверхность – наилучшее решение, но не стал настаивать на нем, считая его трудноосуществимым. А ведь Сандерс и другие в списке могли бы остаться в живых, если... Маклеод провел ладонью по губам.

– Иди, Элла. А вы, пожалуйста, пошлите кого-нибудь из агентов с ней, пусть проводит до моего кабинета. Я скоро там буду, только разберусь здесь.

Она не спорила и ушла не оглядываясь.

Это было хорошо. Ему надо было сесть и спокойно подумать минутку, восстановить дыхание. Раз Сандерса нет, что теперь будет?

Он оказался внезапно на вершине горы – самый высокопоставленный представитель правительства США на Луне. Почему же его словно паралич хватил? Сколько раз в прошлом ему давали в руки пачку неразрешимых проблем и говорили: «Сделаешь это для нас, малыш?» Не стоит теперь распускаться.

Но раньше, в прошлом, все задания оставляли шанс выжить – если не ему лично, то его людям.

Он попытался прочесть остальные имена в списке. Рука, держащая лист, дрожала. Он видел: их было слишком много, и на мгновение его обуял ужас.

Потом он напомнил себе, что Элла жива и невредима, и Стюарт жив, лежит в госпитале, размышляет о проблемах протезирования, и этот удалой молодец GS – 13, который стоит и ждет его подписи.

Подписать необходимо. Он должен вручить ему лист с кривой улыбкой и словами ободрения. Он должен держаться в форме, что бы ни произошло. Начальник штаба в битве при Армагеддоне?

Так оно и было на самом деле с того момента, когда Йетс пришел на вечеринку и передал ему с рук на руки живую гранату по имени Шеннон.

Ему надо слишком многое сделать, он не имеет права сломаться, поддаться стрессу. Нужно разобраться с электростанцией, связаться с русскими и людьми из ООН, где-то достать запасные части, подключить поля солнечных батарей армии США к менее эффективной гражданской системе. То, чего нет на складе, нужно заказать, все уцелевшие компьютерные сети немедленно перевести в общенациональную собственность.

Одно это даже без угрозы вторжения заняло бы не менее шести месяцев, Запасные части придется сбрасывать на поверхность спутника, а это вызовет ужасные скандалы среди тех, кто помешался на безопасности. Как же, секретное оборудование может подобрать и противник!

Так почему же смерть Сэнди едва не выбила его из колеи? Обстоятельства смерти – вот в чем дело. Такие парни, как он, отдают концы в объятиях самых дорогих женщин в престижных отелях или на гольф-площадках. В крайнем случае они разбивают себе голову вместе с экспериментальным самолетом где-нибудь в пустыне Аризона, потому что становятся чересчур стары, чтобы им управлять, а подчиненные боятся сказать им об этом.

Когда в бою погибают ребята с четырьмя звездочками на погонах, дело плохо.

Если бы Элла потрудилась подумать, она бы поняла, что сейчас не время разговаривать о детях.

Он нацарапал свою подпись внизу списка и вручил его юноше со словами:

– Много больших шишек погибло. Составьте мне список получивших повышение. Пока Стюарта нет, вы за него.

Маклеод выдавил из себя улыбку и с усилием посмотрел парню в глаза.

– Да, сэр. Благодарю за доверие, сэр, – ответил агент, всем своим видом выражая готовность служить и работать хорошо.

Этот парень не мог помочь ему, Маклеоду, вооруженному только своим собственным

мозгом, защитить колонию на Луне и, может быть, все человечество от вторжения риллиан.

Но риск и опасность еще никогда не останавливали его. Правда, в прошлом всегда кто-то, на чьем мундире было написано «US», стоял выше по командной лестнице.

Маклеод чувствовал, что он не в состоянии ни с кем разговаривать, разве что со Стюартом, но тут позвонил Минский.

– Сказать, что вас нет, сэр? – спросил агент, которого он только что повысил в чине.

– Нет, давайте его сюда, – он повернулся к голотанку.

Маклеод еще не представлял, что он скажет резиденту КГБ. Но теперь он не чувствовал такого смертельного одиночества. Когда на пороге враг, забываются ссоры со старым соперником. Если посмотреть попристальней, интересы Маклеода и Минского в конце концов совпадали.

39. ЛОВУШКА

– Но сможешь ли ты пользоваться оружием, если мы заберем его у Маклеода? – спрашивала Есилькова Шеннона, который спокойно сидел на диване в кабинете Маклеода, и сидел так с тех пор, как Йетс закончил инструктировать его, одновременно все записывая на магнитофон.

Соня Есилькова давила на него. Она не могла от этого удержаться, даже когда на нее смотрел Йетс, сидевший за столом Маклеода, и Бредли, которая стояла, прислонившись к стене. Как бы она хотела, чтобы Бредли ушла, например, повидаться со своим женихом или к гинекологу, что ли. И Сэма лучше бы здесь не было, она могла бы сбежать вместе с Шенноном. Но Сэм не подавал никаких признаков того, что собирается уходить, а Бредли прилипла к прищельцу, словно банный лист.

Как бы она хотела, чтобы Шеннон сказал «да». Тогда бы они получили оружие. Ей ясно дали понять, что оружие – главное.

В ее распоряжении был персонал всего восьмого управления и весь спецназ, который только был на Луне, но только в том случае, если оружие окажется в ее руках.

Минский выделит правительственный космический катер для Шеннона и личного спецназовца, чтобы ей чесать пятки или вообще для всего, что только Шеннон попросит. Но оружия нет... и она должна ждать. И готовить объяснения, почему его нет.

КГБ – не благотворительная организация. И не бюро по контактам с публикой. Риллианское оружие интересовало Минского гораздо больше, чем желания Шеннона. Конечно, сейчас, если бы удалось поговорить с Минским наедине, может быть, и выяснилось бы, что положение в корне изменилось из-за нападения и стольких жертв.

Но она не могла нормально поговорить ни с Минским, ни с Йетсом, ни с Эллой в кабинете Маклеода, напичканном «жучками».

Она могла говорить только с Шенноном.

– Пожалуйста, Шеннон, – настаивала она, а кирианин молчал. – Ты можешь пользоваться оружием? Сможем ли мы защитить себя при вылазке, если Маклеод даст нам оружие? Только чтобы ты им пользовался, ты один. Мы не будем его трогать. Спроси Сэма. Но нам нужен план. Мы не можем действовать вслепую...

Она стояла перед ним и умоляла. Если бы не Маклеод, оружие было бы у нее, и Шеннон тоже.

– Ну же, Шеннон, скажи что-нибудь.

Пришелец рассеянно вертел шлем на колене. Его красно-бронзовые руки побелели, кожа казалась болезненно сухой.

Он посмотрел на нее своими странными глазами и растянул губы, изобразив улыбку. От вида его клыков Есилькову до сих пор бросало в дрожь.

– Есилькова хочет оружие. Оружие бесполезно против высокопоставленного риллианина.

– Вот почему он так долго не отвечал тебе, Соня, боялся нас испугать, – холодно сказал

Йетс. Он встал, обошел вокруг стола и обнял ее сзади.

Соня отстранилась и посмотрела на него:

– Не здесь, когда видит твоя бывшая подру...

– Цыц. Шеннон, я прав? Ведь это настоящее самоубийство, когда мы втроем – ты, я и инспектор Есилькова – вызовем огонь на себя? Счастливый риллианин отправится тогда домой, так? И оставит человечество в покое.

– Нет, не счастливый. Не оставит человечество. Не самоубийство. Все неправильно, Йетс. Поверь Шеннону.

Элла рассмеялась. В ее смехе ясно слышались истерические нотки, и она заставила себя оборвать его. Успокоившись, она сказала:

– Дайте я поговорю с ним.

Йетс отпустил Есилькову и вцепился руками в стол, словно хотел задушить его.

– Давай, милочка. Я тем временем закажу нам катер, который предназначался для наблюдателей с Марса. Он потащит нас троих и магниты. Ты не поедешь, поэтому высказывай все, что у тебя на душе, прямо сейчас. Минут через сорок мы едем. Еще надо выяснить, как выгрузить магниты и подключить их к источнику энергии на месте.

– Я еду с вами, Сэм. Тинг мне разрешил, – заявила Элла.

– Вместе с его ребенком? Ни в коем случае. Даже если ты говоришь правду, я не возьму греха на душу.

Есилькова растерянно смотрела на них обоих, медленно понимая, что происходит.

– Шеннон, – сказала она наконец. – Я отвезу тебя сама – это не экскурсия. Мне выделяют катер. Надо только позвонить, чтобы...

– Соня, не суйся куда не следует, – предупредил Йетс, но не остановил ее, когда она пошла к столу Маклеода.

Она сказала сиплым голосом:

– Сэм, твои неприятности повлияли на твою способность думать. Я бы никогда не потащила с собой беременную профессоршу в опасную зону, даже если высокопоставленный папаша, который ненавидит меня из-за моей национальности и тебя из-за... всего... Короче, я позвоню по этому проклятому телефону, и Минский даст мне все, что нужно...

Она сняла трубку. Йетс откинулся назад и нажал большим пальцем на клавишу сброса.

– Сэм! – протестующе воскликнула Есилькова.

– Умница, Сэм, – сказала Бредли, усаживаясь рядом с Шенноном и беря его за руку.

– Йетс, Есилькова, не спорьте, – заговорил Шеннон. – Люди мертвые много. Плохо. Шеннон нашел решение. Не надо оружия. Не надо магнитов, магниты убивают риллиан. Шеннон, риллианин говорить...

– ...хорошо говорить, мы уже знаем, – вздохнул Йетс, не снимая пальца с клавиши сброса. – Ладно, поедут все. Я недостоин спорить с мудрым пришельцем. Моя карьера и так полетела к чертям, Маклеод мне это уже обещал. Если мы возьмем с собой Эллу, от этого хуже не будет.

Есилькова долго не могла справиться с сухостью в горле.

– Не давая мне звонить, ты делаешь хуже всем, Сэм Йетс.

Она швырнула трубку на телефон, пытаясь при этом прищемить Сэму палец. Но он вовремя заметил опасность и избежал ее, убрав руку.

– Тише, Соня, тише. Звонить никому не надо, докладывать обстановку можешь прямо мне. Ведь я твой начальник, правда? А теперь нам нужны скафандры, провизия, средства связи. Что еще? Оружие, для успокоения нервов. Если придумаешь, что еще надо, немедленно говори.

– Да, сэр комиссар, – буркнула Есилькова, с размаху плюхаясь в огромное кресло Маклеода. – Шеннон, как долго ты планируешь там торчать? Какое тебе нужно оборудование? Сколько пищи, кислорода? Может, нужны дополнительные скафандры? Броня? Генератор? Мы так или иначе возьмем с собой магниты...

Пока ее губы произносили это, она непрерывно думала, как мог Сэм так поступить с ней? Она верила ему. А теперь для них не осталось надежды, и они это заслужили.

Смерть вместе с Шенноном в вакууме казалась наказанием за предательство и двуличие, за обман, которого между ними трем было много, и ее темная русская душа уже стремилась к такому исходу.

Минский пожалеет ее. Вся страна, если она к тому времени еще не будет уничтожена, будет знать, как героически она себя вела, или, по крайней мере, допущенные к гостайнам будут знать. И ей не придется со страхом ждать, когда появится риллианский флот, чтобы выжечь все живое на Земле.

Ей понравилась мысль о героической смерти. Вот она помогает Шеннону вести переговоры, стремиться к невозможному, вместо того чтобы прятаться, бояться и в конце концов погибнуть, как все остальные.

Она не хотела быть в стаде, всю жизнь она стремилась стать над толпой, и вот ей это удалось.

Время от времени, разговаривая, Сэм проходил мимо ее кресла и запускал пальцы ей в волосы. На этот раз она неистово схватила его руку, не обращая внимания на Бредли, и он прижал ладонь к ее щеке.

Она знала, о чем он думает, потому что ее тело заставляло ее думать о том же. Еще оставалось время для краткого объятия. Им обоим нужно было почувствовать сердцебиение друг, друга, понять, что они еще живы, что они люди, а не продолжение какой-то идеологии.

Где-то на заднем плане прозвучали сумасшедшие слова Шеннона, что им понадобится только запас кислорода и еды.

Они научились уже не спорить с Шенноном.

Но когда он сказал:

– Нужны Йетс и Есилькова, чтобы разговаривать с риллианином на равных условиях, – Бредли едва не разрыдалась:

– А я, значит, тебе не нужна?

– Представляй себя, Бредли. Выбери путь. Как кирианин. Для риллианина не нужна, но нужна Шеннону. Для вдохновения. Но рисковать новой жизнью? Бредли выбирает.

– Я тебе уже сказала раньше, Шеннон. Я еду.

– Ее совершенно не стоит тащить с нами, ты, шестипалый кретин, – сказала Есилькова, пытаясь избавиться от Бредли с помощью грубости. – Ее дружок будет недоволен нами – и ею тоже.

– Господи, заткнись, Соня, – простонал Йетс, который не понял ее хитрости.

Но Шеннон понял. Она видела, как его подбородок поднялся, обнажились зубы, и он по-особому покачал головой.

– Неправильное мышление, Есилькова. Никаких фокусов, только чистая правда отныне. Иначе все пропало.

– Шеннон, давай перейдем к риллианскому оружию, – предложила она, повернувшись на стуле Маклеода так, чтобы можно было положить ноги на стол – при этом она оттолкнула Йетса. – Ты говоришь, мы не можем им пользоваться. Ты тоже. Но ты понимаешь, что там к чему, правильно? Почему же ты не можешь его использовать? В случае необходимости, конечно...

– Энергия, питание... трансформатор – превращение энергии – в уничтоженном скафандре. Нет времени делать другой. Нет победы силой на этот раз.

– Да? Продолжай, может, мы что-нибудь из этого выжмем, – заинтересовался Йетс. Наконец-то разговор зашел о чем-то ином, кроме готовящейся самоубийственной миссии.

– Сэм, ученые все погибли, – сказала Элла дрожащим голосом. – Не осталось никого такого уровня, какой нужен Шеннону. И у нас мало времени.

– Есть много советских ученых, – холодно напомнила Есилькова.

– Да, она права. Извини, Соня, я сомневался в тебе. Давай звони Минскому, а я позвоню Маклеоду. Скажи ему, у нас двенадцать часов, потом надо выходить. Если они там

о чем-нибудь договорятся между собой, хорошо. В конце концов, почему нет?

Шеннон не понял, что вопрос был риторическим. Он вскочил на ноги, подошел к столу, упер руки в бедра, голову наклонил вперед, неплохо имитируя человеческий гнев, и сказал:

– Не нужно оружия для риллианина. Но возьмем, чтобы показать риллианину высшей ступени, что оно есть. Конфронтация на этот раз – другой уровень. Шеннон должен быть главным.

– Ради Бога. Можешь заправлять будущей встречей, вести всю нашу группу куда угодно, хоть в землю обетованную, – в голосе Йетса ясно слышалось раздражение. – Можешь свозить меня в турпоездку по Кири, я имею в виду, если нам удастся сохранить наши шкуры.

С дивана, где только что сидел Шеннон, Бредли тихо сказала, но слышали все:

– Как меня от вас всех тошнит! Времени не осталось, а вы занимаетесь какой-то ерундой...

– Синдром утренней мозговой слабости, душечка, – пояснила Есилькова, не поворачивая головы.

Йетс сказал:

– Раз ты едешь с нами, Элла, мы будем чрезвычайно серьезны.

Есилькова внимательно смотрела в лицо Йетсу и видела, как он подмигнул. Она хорошо его знала и поняла, что он решил не брать Бредли с собой.

Йетс безразлично сказал:

– Соня, ты будешь звонить Минскому? – Потом он повернулся к Элле: – Может, ты поговоришь с Маклеодом насчет наблюдателей с Марса? Тебе он не откажет...

– Хорошо. Вернусь через полчаса, – отозвалась она, не заметив ловушки, потому что Йетс расставил ее профессионально.

Пока Бредли не исчезла за дверью «спальни Тинга», чтобы позвонить оттуда, Есилькова дрожала при мысли, что Шеннон все понял и сейчас что-нибудь скажет, чтобы остановить ее.

Но пришелец кивнул головой и произнес, когда за Эллой закрылась дверь:

– Хорошо. Бредли носит новую жизнь.

40. НЕДОСТАТОК ЗНАНИЙ

Когда Элла вернулась из комнаты Маклеода, Шеннону сразу бросилось в глаза, что на щеках у нее пятна, а губы белые. Она была совершенно расстроена, и от этого запах ее тела стал еще более острым. Эти признаки, очевидно, не остались незамеченными ее собратьями, потому что они немедленно замолчали.

Все замерли. Шеннон чувствовал боль, пока Бредли не сказала:

– Я не могла дозвониться больше чем полчаса. – Она вздохнула и намотала на палец короткую прядь волос. – Тинг в конце концов соизволил принять мой звонок, чтобы сказать, что он сам еле дозвонился до Минского, и, если я хочу поговорить с ним об оружии, мне придется идти в госпиталь вместе с Шенноном.

Йетс и Есилькова переглянулись, но ничего не сказали. Шеннон чувствовал во всем этом скрытый смысл, но не мог понять до конца, что происходит.

Поэтому он спросил:

– Бредли хочет Шеннон идти в госпиталь?

Она сделала приглашающий жест рукой.

– Пойдем, мистер волшебник. Расскажешь Тингу, что нужно для предстоящей операции.

Держа шлем под мышкой, Шеннон пошел за ней к двери, чувствуя испуг Есильковой и напряжение Йетса, когда он проходил между ними. Ощущение было такое, словно он раздвигал занавески, состоящие из их эмоций.

– Желаю тебе приятно провести время, Шеннон, – кивнула Есилькова.

– Да, и не забывай писать, – добавил Йетс.

Бредли резко остановилась, Шеннон чуть не налетел на нее, и сказала:

– Вы двое... Можете играть в свои игры. Соня, забыла тебе сказать, Тинг просил передать, что Минский тоже будет в госпитале.

– Ого, становится интереснее, – весело отметил Йетс.

Шеннон не понял ничего из этой короткой перепалки, в которой значения слов не всегда соответствовали указанным в Уэбстере. Но он не сомневался, что слова Бредли оба воина поняли отлично, и почувствовал в конце разговора враждебную интонацию – видимо, Элла хотела разрушить их планы.

Шеннон отчетливо видел усиление взаимодействия между двумя воинами, так же как и красные пятна на щеках Бредли, появившиеся после того, как Есилькова сказала:

– Отлично. Не забудь привести Шеннона, чтобы мы могли забрать его.

Шеннона. Одного Шеннона, без Бредли.

Он встал перед Бредли, чтобы своим телом разделить враждующие стороны. Это сработало. Бредли сказала:

– Пошли, Шеннон, кому-то надо заниматься делом. Если нам повезет, мы обойдемся без Одинокого Волка и его подруги.

Понять это было невозможно.

Йетс ответил:

– Снаружи стоят двое сотрудников Безопасности. Они вас проводят. Соня и я сами сможем о себе позаботиться. Мне не нужно, чтобы Маклеод обвинил меня в невыполнении моих обязанностей.

Он нажал кнопку телефона и тихо сказал что-то в трубку.

Когда они вышли из кабинета, сзади к ним пристроились двое мужчин в форме. Шеннон чувствовал, что Бредли не хочет разговаривать, когда ее могут слышать чужие.

Но поговорить было совершенно необходимо.

– Бредли, времени нет. Скажи Шеннону, что обидело?

Сзади телохранители обсуждали, как лучше идти. Один сказал громко:

– Мэм, второй лифт справа – наикратчайший путь к госпиталю.

Бредли взяла Шеннона под руку и повернула направо.

– Шеннон, ты не должен обращать внимания на то, что чувствуют люди, или, по крайней мере, не требовать объяснений. Когда мы хотим, чтобы о наших чувствах знали другие, мы описываем их словами.

– Нет. Не всегда так. Бредли не описывала эмоции супругу. Много не сказано. Но прочувствовано, всегда чувствуешь. От этого путаница у людей.

– Если ты имеешь в виду этих двоих, то там была не путаница, а обман. Что касается Тинга и меня, то у нас все хорошо. Просто у нас не было достаточно времени.

– Найди время сейчас, Бредли. Позже может не быть.

– Господи, иногда ты говоришь, как моя мать!

– Мать? Шеннон не женщина...

– О нет, не показывай мне, я помню. Я тебе верю.

Телохранители подошли к ним ближе. Один через плечо Бредли нажал клавишу, она засветилась, и открылась дверь. Все четверо вошли в лифт, и тот же телохранитель нажал кнопку «Ход».

Потом он и его товарищ прислонились к противоположной стене, как можно дальше от Шеннона, и уставились себе под ноги.

Бредли тоже смотрела вниз. Видимо, лифт был ритуальным местом для молчания и размышления. Шеннон опустил голову и попытался расслабиться, используя минуту спокойствия.

Внезапно он понял, что ему надо делать. Прежде всего надо не дать людям убить третьего риллианина, который идет по следам второго. У него появилась новая возможность. У риллиан была мощная система связи, а не какой-то там аварийный передатчик, который

его так подвел. Нужно только спасти третьего риллианина, себя самого, Сообщество Кири во всем его прекрасном разнообразии, и человечество тоже – если он поставит перед собой такую цель.

А он хотел спасти человечество. Его контакт с риллианским контролером дал ему многое. Он знал теперь все, что ему было нужно, и даже сверх того. Лучше, чем любой другой кирианин до него, Шеннон понял систему действия А-оружия. Он первым из кириан разобрался в психологии и иерархии врага. Душа Терри будет рада узнать то, что он открыл, когда они встретятся после жизни. Но теперь надо было правильно использовать полученную информацию здесь, она не должна погибнуть вместе с ним, он должен поделиться знаниями не только с Терри.

Сообщество Кири узнает о новом подходе к пониманию риллиан. Он не может позволить свирепым людям уничтожить надежду на мир во всей цивилизованной вселенной, третий риллианин не должен погибнуть.

Он скосил глаза вправо, на Бредли, которая теперь смотрела на потолок. Она снова чувствовала себя несчастной.

Шеннон посмотрел на двух неподвижных охранников, посланных Йетсом. Они излучали обычную для их класса настороженность.

Ему снова показалось, что он находится среди диких зверей. Принесение в жертву новой жизни не соответствовало пути Кири. Провидение послало ему Бредли и новую жизнь в ней, чтобы он не забыл, не поддавался искушению считать этих существ неважной, незначительной статьёй расходов, как они себя считали иногда сами. Несмотря на то что было бы удобно не учитывать людей в уравнении, которое складывалось в голове Шеннона, он не сделал этого.

Ему надо было выработать сценарий, в котором не было бы жертв. Ни одной. Ведь никого из людей после смерти не ожидали призрачные объятия Терри.

Они убьют риллианина, как только увидят, не колеблясь ни секунды, потому что его сородичи погубили много людей. По мыслям, если не по поступкам, они были двоюродными братьями риллиан. Им нельзя давать А-оружие, вообще во время переговоров никакого оружия быть не должно. Человеческая природа легко найдет возможность для предательства и обмана, который разрушит все, в том числе и надежду на выживание землян.

Даже для кирианина, – специалиста по конфликтам, задача была непростая. Ему нужен был план, учитывающий все, что он узнал о риллианах и своих новых хозяевах. Когда лифт остановился, плана у него еще не было.

Как только открылась дверь, охранники вышли первыми, осмотрелись и только тогда позволили выйти Шеннону с Эллой.

– Угрозы нет, – сказал удивленный Шеннон. – Не надо беспокоиться.

– Всегда нужно соблюдать осторожность, сэр, – сказал один телохранитель, открывая перед ними дверь. – Сюда, пожалуйста.

Бредли вошла первой. Шеннон, поколебавшись, последовал за ней.

Внутри было полно раненых людей, обожженных людей, людей на каталках, обернутых белой материей. Они излучали столько горя и боли, как могут только еще не выздоровевшие больные.

– Можете подождать тут, – сказала Бредли охранникам, которые послушно, без лишних слов, встали по обеим сторонам от двери. – Сюда, Шеннон, – сказала она. Он пошел за ней. Впереди, в дальнем конце переполненного зала, он заметил сидящего на кровати Маклеода.

– Бредли, – мягко сказал Шеннон, – хочешь говорить? Слишком много грусти, Бредли. Выживание возможно. Надежда необходима.

Она шла на шаг впереди него, но потом обернулась и тихо сказала, глядя вниз:

– Ты не понимаешь, Шеннон. Мои чувства... я... разочарована. В друзьях, вернее, в тех, кого считала друзьями. И в тебе.

– В Шенноне? – он коснулся ее плеча, показывая этим жестом, что требуется посмотреть собеседнику в глаза.

Жест сработал, и они остановились друг против друга в проходе между койками, и раненые, излучая боль, на мгновение оглушили Шеннона.

– Ты хотел, чтобы с тобой пошли *они*, а не я. Тебе нужна их способность убивать, а не сила разума, – она скривила губы. – Значит, ты лгал мне, Шеннон, все время лгал. Это твое Сообщество Кири ничем не лучше, чем проклятая ООН. Или я слышала то, что хотела услышать, а не то, что ты говорил.

– Нужны Йетс и Есилькова, только чтобы показать риллианину. Не лгал тебе, Бредли. Честью семьи Шеннона, не лгал.

Она пристально взглянула на него.

– Я, кажется, тебе верю, потому что хочу в это верить. Но я часто обманывала сама себя: так было с Тингом, и с Йетсом, и даже с Есильковой – думала, что они делают все возможное, поступают правильно, если хочешь знать.

– Шеннон хочет знать.

Она издала какой-то неопределенный звук и взяла его под руку.

– Я не это имела в виду. Пошли, Тинг заметил нас. А это Минский, блондин рядом с ним. Веди себя хорошо перед Минским.

– Бредли предупреждает, потому что Шеннон нехорошо вел, когда Йетс и Есилькова?

– Я думала, они мои друзья, мы так много пережили вместе... Плохо быть преданной кем-то... – ее голос дрожал. – Это этические различия, Шеннон. Ты должен понимать принцип, а не частности... Я хотела так много сделать с тобой, помочь, научиться, но это никому не надо...

– Маклеод пытается спасти всю колонию каждый раз... Не обвиняй супруга. Йетс, Есилькова – класс воинов, подчиняются рефлексам. Бредли хочет... – он мысленно полистал Уэбстера, – научить свиной летать. Свины не летают. Но свины не плохие.

– Фу, Шеннон, прекрати. Нас ждут орел с медведем. Может, я необъективна, но мне кажется, все думают, что я не делаю ничего полезного. И ты тоже так думаешь.

– Бредли – луч надежды всех людей. Так видит Шеннон, – ответил он честно.

– Спасибо, но не говори Тингу об этом, – после слов инопланетянина даже спина ее выпрямилась, а походка стала тверже. Они повернули между кроватями в проход, в конце которого возле раненого человека, лежащего в койке, опутанной проводами, сидели Маклеод и Минский.

– Сказать Тингу всю правду, надо.

– Господи, Шеннон, только когда поблизости не будет советского резидента, – Бредли снова остановилась. Отчаяние ясно прозвучало в ее словах: – Мы просто человечешки, ссорящиеся, подозрительные, всюду видящие врагов – так ты видишь нас. Я клянусь тебе, что Минский – один из этих врагов, он друг только Есильковой, вот в чем дело. Не говори ничего, пока Тинг тебя не спросит. Доверься мне.

– Хорошо, – сказал он, увлекаемый Эллой дальше.

Он в точности понял, что она сказала. Кроме того, молчание совпадало с его планами: он собирался сообщать только ту информацию, которая окажется необходимой для обеспечения помощи со стороны людей.

– Друг Бредли, – сказал он в последнюю минуту, когда Маклеод и Минский еще не могли их слышать, – Шеннон уважает, чтит, сердечно любит Элла Бредли. Если люди спасутся – твоя заслуга, не Есилькова, не Йетс. Бредли научила Шеннона человеческой мудрости.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб, как делал Маклеод.

Она покачнулась, и Маклеод немедленно вскочил и подошел к ней.

Сначала Шеннон думал, что человек рассердился, потому что он возложил губы на его женщину, но на лице Маклеода была улыбка – добрая, а не злая.

– Хорошо смотрите вдвоем, молодые люди. Шеннон, Элла, вы раньше уже встречались с мистером Минским? Боюсь, Стюарт не сможет участвовать в разговоре: накачан наркотиками, – он махнул рукой в сторону лежащего человека с забинтованной

культей там, где должна быть рука. Тот, посапывая, спал среди приборов, следящих за функциями его тела.

– Привет, товарищи, – сказал Минский, встав навстречу Шеннону и протягивая ему руку.

Он ответил тем, что от него ожидалось, – контактом двух обнаженных ладоней и при этом почувствовал сильный душевный дискомфорт Минского, его настороженность и любопытство.

– В чем дело, Элла? – спросил Маклеод.

Шеннон понимал, что Маклеод знает ответ, но хочет, чтобы его подруга вслух сказала что-то другое.

Но времени оставалось мало. Опередив Бредди, Шеннон сказал:

– Маклеод, нужен транспорт. Нужны Йетс и Есилькова. Есильковой нужно риллианское оружие. Йетсу нужны магниты и источник энергии. Идем на поверхность сейчас, Маклеод. Нет времени играть в игры с товарищем Минским.

Маклеод задохнулся словами, а Минский почесал подбородок.

– Как долго вы это репетировали, вице-секретарь Маклеод? – спросил бледный человек по имени Минский.

– Это не запланировано, Олег, честно. Элла, это все? Мы тут пытаемся создать группу по восстановлению электростанции на случай, если кто-нибудь останется жив и ему потребуется энергия.

– Э-э, мне кажется, мистер Минский уже говорил с Есильковой насчет того, что нам нужно, по телефону. – Бредди невинно посмотрела на Маклеода.

Эта была самая настоящая попытка использовать ультранизкие волны для общения. Шеннон впервые наблюдал такое среди людей. Супруги смотрели друг на друга, словно никого вокруг не было, изо всех сил напрягая зрение и слух.

После длинной паузы, во время которой раненый Стюарт пошевелился и застонал, Маклеод сказал:

– Олег не потрудился упомянуть об этом. У нас мало времени. Ты что-то говорила о луноходе марсианских наблюдателей – он твой, Элла. Я с этим разобрался. Оружие, о котором ты просишь, Шеннон, будет в луноходе, когда его вам предоставят. Мы все еще исследуем его.

– Но раньше, конечно, – вмешался Минский, – мы должны его исследовать. Оно было захвачено в результате совместных усилий...

– ...наших народов, Олег. Мы знаем. Никто не спорит. У вас осталось в живых больше ученых, а кроме того, мы согласны поделиться информацией.

– Шеннону нужно оружие для Есильковой, – сказал Шеннон.

Минский опустил голову. Маклеод издал неопределенный звук горлом. Элла коснулась руки Шеннона.

– Есилькова хотела, чтобы Минский увидел его. Он его увидит. Мы скажем это Есильковой, и она будет счастлива.

– Нет, – возразил Шеннон. – Минский сейчас не счастлив. Йетс не счастлив, Шеннон возьмет оружие, покажет Есильковой, покажет риллианину. Друг, товарищ Минский, А-оружие плохо для людей-воинов. Человек не победит.

– А если, мой друг из космоса, риллиане, которых вы привели сюда, нападут на Землю? Что мы тогда будем делать? Вы должны дать нам шанс защитить себя – технологию, – как можно убедительнее постарался сказать Минский.

– Не спорь с ним, Олег. Это бесполезно, я уже пробовал. Шеннон сам не понимает А-поля. Он говорит, кириане не используют его. Я прав, Шеннон?

– Кириане не используют, – сказал Шеннон, избегая говорить об А-поле, чтоб не рассеивать заблуждение Маклеода.

Шеннон знал, что вернет риллианину оружие. С тех пор как он проник в разум контролера, он узнал достаточно, чтобы понять, что те, в Сообществе, кто был против

создания А-технологии, были правы. Без теории А-поля такие две различные цивилизации, как риллиане и кириане, никогда бы не встретились. Вселенная не зря была разделена на сообщающиеся между собой измерения. И вот теперь великое море энергии между ними было покорено.

Но могут ли такие различные цивилизации сосуществовать? Что может послужить отправной точкой для переговоров? Без технологии А-поля риллиане были бы заперты в своем пространстве-времени, а кириане – в своем.

Он посмотрел на Минского, который так и излучал желание заполучить оружие, и понял, что это его последний шанс объяснить все. Он сказал:

– Минский, друг, слушай. Шеннон скажет хорошо. А-оружие открывает сушу для рыб и позволяет кротам видеть. Но не как в природе, неестественно. Человечество очень молодо, очень сердито, очень нетерпимо, как риллиане. Нужно учиться не убивать другую жизнь. Слишком поздно учиться самим. Исследователи – вы. Исследовать себя. Готовиться. Сообщество Кири защищает юную жизнь. А-поле открывает... места, пространства, возможности. Не подходит для людей.

– Это трата времени, Шеннон, – очень тихо сказала Бредли. – Даже Тинг хочет его больше всего на свете.

– Очень интересно, мистер Шеннон, – сказал Минский. – Но мы должны защищать себя от этих агрессоров. Беспомощность перед лицом такого врага...

– Шеннон сделает мир с риллианами. Поэтому Шеннон здесь.

– Правильно, – сказал Маклеод, скривив губы. – Мы уже заметили, какими мирными были наши милые гости. Шеннон, нам пора работать. Если ты не можешь сказать ничего полезного, мы можем обойтись без твоей лекции.

– Не лекция – знание.

– Недостаток знаний, как говорят американцы, опасен, да? – спросил Минский и уселся на край кровати, на которой под электронной охраной спал покалеченный человек.

От запаха крови у Шеннона начала кружиться голова.

– Риллиане опасны, да. Люди опасны, да. Кириане не опасны. Кириане приветствовать людей когда-нибудь.

– Это только если мы не создадим это оружие, верно? – спросил Маклеод, излучая разочарование. – Когда-нибудь, когда мы станем старше и мудрее...

– Не стать старше и мудрее, если стрелять из А-оружия друг в друга.

– Ну все, – сказала Элла. – Хватит. Он не хочет или не может помочь нам с технологией. Ему нужно оружие. Ему предстоит встретиться с риллианином. Он делает для нас больше, чем мы для него.

– Да, я давно мечтал, чтобы пришел кто-нибудь и убил пару сотен колонистов. Больше кислорода для выживших, – хмыкнул Маклеод, холодно изучая Шеннона.

– Шеннон признает ответственность за смерти. Шеннон хочет выйти на поверхность еще раньше. Шеннон занимается проблемами Шеннона, люди должны заниматься проблемами людей.

– Тинг... – Элла взяла Шеннона под руку. – Он говорит, у нас мало времени. Если ты и мистер Минский обеспокоены числом жертв, вы должны позволить нам идти.

– Мисс Бредли, никто вас здесь не держит, – Минский медленно поднялся с постели. – Оружие будет лежать в луноходе через час, Шеннон. Или я должен сказать – посол Шеннон? Знайте, что Союз Советских Социалистических Республик приветствует вас лично, ваш народ и народ риллиан, если вам удастся начать диалог, к нашему общему удовлетворению. – Его глаза сузились. – И мы ждем возмещения убытков и компенсации жертвам, возникшим в ходе конфликта, в котором наша страна не участвовала. Информация об А-оружии, достаточная, чтобы защитить нас от повторных инцидентов, будет рассматриваться моим правительством как полное удовлетворение всех наших требований.

– То же могу сказать и о моем правительстве, – добавил Маклеод. – Элла, ты получишь все, что тебе требуется. Скажи Йетсу, я думаю, как обеспечить питание для магнитов.

Может, используем спутник А. Мы погрузим их в катер. Это все или?..

Элла потащила Шеннона прочь, едва попрощавшись.

Когда Маклеод и Минский не могли их слышать, Бредли сказала:

– Видишь? Я говорила тебе. Это безнадежно. Им нужно только то, чем можно убить. Они все такие. И я такая же: даже не поинтересовалась, как себя чувствует бедный Стюарт...

– Не безнадежно, Бредли, – Шеннон положил руку на ее еще не начавший расти живот.

– Шеннон!

– Жизнь думает о жизни, Бредли. Страх во всем. Большой страх смерти, страданий. Большой страх риллиан. Шеннон поможет. Риллиане никогда не придут больше. Шеннон обещает нерожденному Бредли.

Он хотел сделать все возможное для безволосых потомков обезьян, со страхом смотрящих в звездное небо.

41. ПОСЛАНИЕ

На свете есть много ситуаций, когда чувствуешь, что загнан в угол...

Например, когда видишь приближающегося риллианина с оружием в руках, уничтожившим половину колонии, которую ты должен охранять. Можно жить с женщиной, которая пилила тебя каждый раз, когда ты терпел неудачу, и бесилась, когда тебе сопутствовал успех. Можно лежать на краю лесной тропы, освещаемой только вспышками выстрелов, когда партизаны, покинувшие свою засадную позицию, подбирают оружие и добивают раненых американцев.

Или можно сидеть в своей комнате и предвкушать, как в недалеком будущем Маклеод расправится с тобой в профессиональном и личном плане.

А он может это сделать. И сделает обязательно.

– Сэм... – позвала Соня Есилькова.

– Выбрось из головы эту чушь, – прошептал себе под нос Йетс, поворачиваясь к голотанку, стоявшему в нише, который превращал его кухню в уютный домашний кабинет.

– Сэм, – повторила Есилькова, подходя ближе. Радостное выражение понемногу исчезало с ее лица.

– Голотанк, – приказал Йетс, – послания, – и вытянул руку, положив ее на плечо женщине. Он знал, чего она хочет теперь, когда они наконец-то остались одни. Он сделает это наилучшим образом, потому что она заслужила такое обращение, она была лучшим другом Сэму Йетсу во всем мире, и потому что было приятно, что среди всей кровавой сумятицы это еще было кому-то нужно.

Сэму Йетсу нужна была какая-нибудь дыра, куда можно было бы спрятаться, но такой дыры не было. Нигде...

– Ладно, здоровяк, – обиженно сказала Соня. – Если ты не хочешь...

Он решительно и нежно привлек ее к себе и тем заставил замолчать.

Йетс повел носом по ее плечу, не спуская глаз с данных, перелистываемых на дисплее голотанка. Его член был размером с мизинец. Люди, которые думают, что половой акт зависит только от тела, ничего не понимают в этом деле.

Послания от испуганных людей – глав делегаций, боссов из секретариата... сотрудников Безопасности, которые на знали, что Йетс больше не является их начальником, или просто хотели хоть чьей-нибудь поддержки.

– О Господи, – вздохнул Сэм, увидев надпись коричневого цвета. Он твердо поцеловал женщину в губы и отстранил ее, сказав: – Милая, мне надо проверить это. Подожди.

И скомандовал голотанку:

– Содержание досье Джонса Х.Д.

– Правильно, Сэм, – сказала Есилькова, поправляя одежду. – Я как раз...

– Ты останешься здесь, – перебил ее Сэм, схватив за руку. Он развернул Соню к себе лицом, в глазах ее блеснули слезы. – Ты – все, что у меня есть в мире, а Джонс... сделал все,

чтобы этот мир прожил больше, чем следующие двенадцать часов.

Он провел рукой Сони по своему бедру.

А ярко-оранжевые теперь буквы гласили:

«Комиссар!

С вероятностью 70утверждаю, что причиной был рений из пластин аварийного освещения. Он полностью отключил защиту риллианина. Предлагаю использовать вакуумное напыление рениума на пули – толщина покрытия не важна. Доброй охоты.

Джонс».

Потом шло схематическое изображение полосы аварийного освещения и ряды цифр, которые ничего не значили для Йетса, даже если бы у него была целая жизнь, чтобы разобраться с ними. Маленький ученый выполнил свою работу.

Работой Йетса было устранение риллианина, и Джонс дал ему возможность сделать это, не рассчитывая на одно голое везение.

– Я не понимаю, Сэм, – сказала Есилькова. Она не знала про вопросы, которые Йетс задал Джонсу и на которые Джонс ответил спустя три часа после своей смерти...

– Точно, – пробормотал Йетс, мигая, потому что глаза его внезапно зачесались. – Коротышка здорово соображал. Жаль, что...

Он потянулся к ящику стола, очень осторожно вытащил оттуда острый нож и вручил его Есильковой. Он был гораздо острее, чем требовалось для любой готовки.

– Соня, ты не могла бы отрезать одну из пластинок аварийного освещения? Батареи расположены поверх них.

– Будет исполнено, комиссар, – ровным голосом ответила Есилькова и пошла к двери, захватив по пути стул, чтобы легче достать до потолка. На ее лице выразилось сомнение в наличии здравого ума у комиссара.

У Йетса был лазерный сверлильный станок, он его позаимствовал без особых объяснений два дня назад в Службе Утилизации. Когда запыленная побелкой Есилькова вернулась с полоской, миниатюрный станок уже стоял на столе.

Полоска имела два метра в длину и двадцать сантиметров в ширину, края были остры, почти как нож, и могли легко порезать при неосторожном обращении.

– Ну и зачем это? – раздраженно спросила Соня Йетса, когда тот принялся выковыривать из магазина ТТ патроны один за другим.

Сэм вставил один патрон в кулачки. Тут же из корпуса станка выдвинулся защитный экран и закрыл патрон, но поверх него появилась голограмма – тридцатикратно увеличенное изображение пули, перекрестье прицела резца наведено на ее острый нос.

– Помнишь, как морпех взорвал потолок? – пробормотал Йетс, зажимая кулачками патрон. – Джонс понял, что рениум из аварийных батарей окутал скафандр риллианина и нарушил его защиту.

Станок взвыл – заработали быстродействующие реле, и включился двигатель. На голограмме не было видно самого лазерного луча, но в острие пули появилось идеальной формы углубление.

– Поэтому, если мы покроем пулю рениумом, – продолжал он, вынимая готовую пулю из станка и вставляя другую, еще не обработанную, – нам не придется ждать, когда появится кто-нибудь с плазменной пушкой, чтобы неправильно поступить в правильное время...

Высверленная ямка была теплой, а не горячей. Сэм плюнул на нее для уверенности.

У него было только семь патронов. Соня взяла у него один патрон и принялась его рассматривать.

– Ну хорошо, а как ты покроешь их чем там их надо покрыть? Твой погибший дружок написал, что это надо делать в вакууме, напылением.

– Мы соскрежем немного металла с задней поверхности пластинки и будем надеяться, что зазубрины стального корпуса пули удержат на себе достаточно рениума, – ответил Йетс. Он вручил ей второй патрон и вставил в станок третий. – Плюнь на него. Его надо охладить.

Есилькова потянулась к раковине и полила патрон водой из-под крана. Работа была

грубой, но идея могла сработать – вряд ли в воздухе была большая концентрация рениума, когда был убит первый риллианин.

Есилькова, с силой нажимая острием пули, соскребла немного рениума с полоски. Медная рубашка пули покрылась серебристым слоем.

– Мы убьем чудовище номер три, а дальше что? – спросила Есилькова, вскидывая глаза на Йетса.

Он вынул из станка третий патрон и потянулся за четвертым.

– Дальше я найду себе работу на Земле, – сухо сказал он. – Может, частную, может... куча полицейских служб гоняются за бывшими ветеранами. Об этом я не беспокоюсь.

– Не собираешься остаться здесь и сражаться? – задиристо спросила Соня, вставляя патрон, предположительно имеющий рениумовую оболочку, в магазин ТТ.

– Нельзя сражаться с теми, кого не можешь победить! – крикнул Йетс, внезапно сорвавшись. – Я... – Он усилием воли заставил свое лицо принять обычное выражение. – Извини, – пробормотал он. Помедлив секунду, он вернулся к работе. – Соня, – тихо заговорил Сэм после паузы, – я бы остался, если бы не один большой человек из секретариата, которому очень нужен мой скальп.

Есилькова молча смотрела на него и, стараясь ни о чем не думать, терла патрон о полосу.

– Я не только комиссар Безопасности в штаб-квартире ООН, я еще и американский гражданин. Если моему правительству понадобится моя голова на блюде, ООН будет счастлива выполнить заказ, – гнев на мгновение снова овладел им. – И кто мне тогда поможет? Минский?

– Маклеод – это еще не все правительство США, разве не так? – сказала Есилькова, соскребывая рениум носиком четвертого патрона. Тонкая пластинка вибрировала на столе, издавая звук, похожий на далекий гром.

Йетс развернулся и взял Соню за подбородок, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Тейлор Маклеод – единственный представитель правительства США, которому есть дело до Сэма Йетса.

Он легонько поцеловал ее в лоб. Она подняла голову, чтобы губами найти его губы.

– И вообще, – прошептал Йетс спустя несколько секунд в ее короткие светлые волосы, – Маклеод прав. Когда пришел риллианин, я делал не то, что было приказано, а то, что умел делать. Невыполнение приказов в боевой обстановке... – он потерся носом о ее шею.

– Тебе нужен катер? – прошептала Соня, изгибаясь от его прикосновения. – Может быть, мне удастся достать его.

– Нет, Маклеод даст мне его сам, – ответил Сэм, поглаживая ее грудь через тонкую ткань одежды. – Не дать – некультурно. Он будет рад, когда... я сдохну.

– Ты ведь хорошо знаешь Эллу, – сказала Есилькова таким тоном, словно собиралась сказать что-то очень важное. – Она сделает все...

Йетс покачал головой, улыбаясь только ртом, но не глазами.

– Нет, все в порядке, – пробормотал он без особой связи со словами Сони. – Нет, она не переубедит его, никогда. И я думаю...

Он замолчал и прижал ее к себе крепче – нежно и сильно, потому что не хотел, чтобы она видела его лицо.

– Ты спал с ней, бедняжка Сэм! А он знает это, но никогда ничего не сказал и не сделал, просто он знает и будет знать до конца жизни.

– Но я так сделаю, – Йетс откинулся назад, чтобы она видела его улыбку – почти настоящую, – потому что Элла хороший человек и потому... – он наклонился над ее животом. Она раздвинула бедра ему навстречу. – ...что ты гораздо лучше.

– Ты проклятый врун, – прошептала Есилькова. – Но ты мне нра... – Она расстегнула молнию на платье.

– Я не собираюсь больше подставлять Маклеода, – прошептал ей на ухо Сэм, забираясь рукой под юбку.

Есилькова замерла.

– Я не спрашивала об этом, – тихо сказала она, не открывая глаз.

– Да, но я просто хочу, чтобы ты не подумала чего, – так же тихо ответил он. – Я не собираюсь всаживать в него пулю, предназначенную для риллианина.

– Сэм, я не спрашивала об этом! – вспыхнула Соня.

– И все-таки я говорю это, куколка. Чтобы слышали все: ЦРУ, КГБ, ООН и кто там еще напихал «жучков» мне в комнату. Но только...

Он обвел глазами кухню, улыбаясь. Соня почувствовала, что его тело напряглось. Она посмотрела вокруг, думая, что он что-то увидел, но все было спокойно.

– ...только я убью крошку Маклеода, если он попытается уволить тебя.

– Черт, Сэм, – прошептала Соня ему в плечо.

– Спокойно, – тихо сказал он в ответ. – Этого не случится. Я просто хотел объяснить, потому что он всегда слушает, что говорят люди вроде меня.

Сонины глаза были полны слез. Она молчала – слишком многое она хотела сказать.

– Не бери в голову, малышка, – снова зашептал Сэм. – Большая вероятность, что следующий риллианин разрешит все проблемы – и твою, и мою, и Маклеода тоже.

Есилькова осторожно стянула шелковое платье с плеч.

– Если я такая мировая девчонка, почему же ты до сих пор треплешься?

– Духовой оркестр прибудет позже, – сказал Сэм, помогая ей стянуть платье до конца. – Но посмотрим, – он наклонился, – что я могу сделать... Слушай, красавица, – прошептал он через пару секунд. – А ты не хочешь, чтобы я просверлил твои пули?

Он со смехом прижался губами к ее груди. Через некоторое время Есилькова тоже смеялась, перемежая смех русскими ругательствами.

42. ПОСЛЕДНЯЯ ИНСТАНЦИЯ

Риллианский командир был огорчен, когда узнал, что контролер погиб. Он не жалел самого контролера, тот был, конечно, пушечным мясом. Дело было в том, что ему теперь самому приходилось расследовать происшествие и надлежало встретиться с существами, которые сумели убить солдата десантного подразделения и контролера из второго эшелона.

Данные были обработаны, задачи ясны. Он знал, что делать, несмотря на то что до него никому не приходилось сталкиваться с таким двойным убийством.

Его звали Комида, и он имел реальную власть. Его решения никто не мог оспорить. Он имел право говорить и поступать от имени всех риллиан по своему усмотрению.

На карте стояло выживание их народа. Гегемония риллиан была в опасности.

Автоматика скафандра переместила его в то же место, где в этой вселенной появились до него солдат и контролер. Он шел по следам погибших.

На поверхности спутника не было жизни. Туземцы жили под землей, прячась от космических лучей.

Он медленно опустился на поверхность, активизировав поясной компьютер, который изменил жесткость скафандра так, что мягкий риголит стал для него твердым – нет нужды шлепать по грязи.

Он не был солдатом или контролером. Он – хозяин, господин и может действовать так, как сочтет нужным.

Риллианин такого ранга не имел права чувствовать страх, но Комида боялся.

Он знал, что его миссия войдет в историю.

Комида включил силовое поле, которое образовало защитный периметр внутри пространства-времени и напрямую соединялось с риллианской вселенной. Он обошел его. Ходьба, ритмичные движения ног успокаивали. Потом он сел, чтобы спокойно подумать.

Он не хотел совершить ошибку, речь шла о чести и самой жизни всех риллиан. Может быть, все это измерение – ловушка Кири? Элевенеры могли специально заманить риллиан сюда, где у них был могучий союзник, чудовищная цивилизация убийц.

Или это просто невезение. Нужно тщательно разобраться в обстановке, а потом вызвать к себе кирианина.

Эти кириане были давними и известными врагами. Но что представляют собой их союзники?

Риллианин включил подслушивающую установку и продолжал думать. Еще раз нужно было просмотреть запись, сделанную погибшим контролером. Потом, если его еще не обнаружили, надо будет дать о себе знать.

Установленный им периметр был первым форпостом риллиан в этом измерении. Если кирианин, специалист по конфликтам, доживет до того времени, когда сможет войти в периметр, он окажется на риллианской территории.

При мысли о том, что придется чувствовать запах кирианина, ему захотелось выть, но он сдержался. Надо было делать свое дело. От его решения будет зависеть путь, которым пойдет Риллианский Союз.

Но каковы же были существа, уничтожившие солдата и контролера, которых века селекции сделали неуязвимыми? Что за дьявольский союз заключили с ними кириане?

Командир, которого звали Комида, как и его отца, и отца его отца, знал, что смерть рядом. Все было насыщено ею. Можно было активировать разрушитель планет, и он уничтожит все измерение и его самого тоже. Если его убьют, разрушитель сработает, как только остановится его сердце.

Но должен быть другой выход. Или даже несколько.

Он найдет их.

Решение могло быть в не просмотренной еще записи контролера. Он включил ее, усевшись поудобнее на камне. Комида замедлил обмен веществ и скорость мыслительных процессов, чтобы лучше адаптироваться к окружающей среде.

Проклятый кирианин был где-то рядом, он выжил, он смеялся над ним.

Но решение будет найдено, и смех прекратится, даже если для этого придется разрушить все измерение.

43. АНГАР

Когда Элла и Шеннон вернулись из госпиталя, Йетс не стал терять времени. Они с Соней хорошо подготовились: теперь у него были рениумовые патроны. Ему вовсе не хотелось менять принятые планы.

– Элла, – сказал он, – Маклеод тут присылал человека, он только минуту назад ушел, просил передать: он хочет, чтобы ты вернулась в госпиталь, хочет поговорить, чтобы не было Минского и подслушивающей аппаратуры.

Эта наглая ложь звучала вполне правдоподобно. Оставалось надеяться, что Соня случайно не выдаст его (они не успели сговориться), а Шеннон не заявит открыто, что он врёт.

Но Шеннон только пристально посмотрел Йетсу в лицо и заморгал, как сова-переросток.

– Проклятый бюрократ, – проворчала Элла. – Я знала, что у него что-то на уме. Слушай, чтоб не забыть: Тинг сказал, что он нам позвонит, как только катер наблюдателей будет готов. Они только установят источник питания для магнитов, риллианское оружие будет на борту.

– Отлично, – хмыкнула Есилькова. – Когда, он сказал, все будет готово?

Йетс чуть не поперхнулся. Кажется, Соня не понимает, что происходит. Или она решила, что Элла будет им полезна. Формула была такова: если не едет Элла, отпадает забота о беременной женщине и разные бюрократические проволочки. Это увеличивает вероятность успеха на пятьдесят процентов; с другой стороны, тогда они лишаются риллианского оружия (сломанного) и магнитов (которые тоже вряд ли будут работать). Без магнитов оставалось надеяться только на Шеннона и рениумовые патроны.

– Тинг сказал, так скоро, как сможет, – холодно ответила Бредли, неприязненно поглядев на Есилькову.

Шеннон уже, наверное, просверлил дырку, таращась на Йетса. Соня внимательно разглядывала ногти на левой руке.

Никто ничего не ответил Элле. Время на мгновение остановилось. Йетсу показалось, что весь план вылетел в трубу. Спаси нас, Господь, от женщин: жить с ними невозможно и застрелить нельзя.

Трюизм не очень развеселил его. Он был уверен, что Соня поняла, что у него было на уме, оставалось надеяться, что она подыграет.

Не выдержав, Йетс первый нарушил тишину:

– Ладно, иди, повидай нашего вождя и выясни, что ему надо. Если по какой-либо причине случится заминка с оборудованием, сообщи нам немедленно. Если не застанешь нас, когда вернешься, – мы пошли посмотреть, как там дела с катером.

Теперь уже у Есильковой не должно оставаться никаких сомнений, к чему клонит Йетс. Она вскинула голову и открыла рот, собираясь что-то сказать.

Шеннон опередил ее:

– Торопись, да, Бредли. Риллианин сделал себе дом на поверхности. Не терять времени. Шеннон идти к риллианину, или риллианин идти к Шеннону.

– Здесь? Сейчас? – задохнулась Элла. – Почему ты раньше не сказал? Ладно, не важно, я иду. Вернусь как можно скорее.

Она с раскрасневшимися щеками выскочила из комнаты, Шеннон проводил ее взглядом.

– Какого?.. – начала Есилькова.

– Не здесь, инспектор, – перебил ее Йетс. Если у Сони возникли какие-нибудь возражения, то он сможет обсудить их, но не здесь, не в кабинете Маклеода. – Шеннон, пошли, времени мало. Идем, Соня.

Йетс первым направился к двери, метнув предупреждающий взгляд, предназначенный Соне, чтоб молчала. Надо поскорее убираться отсюда. В любой момент их могут перехватить. Рассчитывать можно теперь только на советский катер.

В коридоре воняло гарью, с потолка свешивались провода там, где были разбиты панели. Половина миссии США была уничтожена.

Они быстро добрались до лифта, который работал, слава Богу. Йетс и Есилькова втиснулись по обеим сторонам от Шеннона, и Йетс сказал:

– Первая остановка – в шлюзовой. Нам нужны кислородные баллоны и другое оборудование. От риллианского оружия и магнитов будет мало пользы.

Он знал, что Соне нужно риллианское оружие, его требовал Минский, но он был почти уверен, что Маклеод не позволит, чтобы оружие оказалось в катере наблюдателей. Скорее он превратится в жабу и перепрыгнет на Землю.

Соня достаточно хорошо знала Йетса и должна была понять, что он задумал. Проблемы Минского и Маклеода можно было пока отложить.

– Ты хочешь сказать: черт с ним, с оружием, и катером наблюдателей, Йетс? – весело спросила она.

– Соня, не время дурачиться, – ответил Йетс, и Шеннон с удивлением посмотрел на них – по крайней мере, Йетс думал, что это выражение на вытянутом клыкастом лице с белыми глазами было удивлением.

Есть много способов спустить свою карьеру в унитаз, и один из них – встать на пути у КГБ и ЦРУ одновременно. Но делать теперь нечего, ведь это Йетс заварил всю кашу, это ему пришла в голову блестящая мысль предоставить Шеннону политическое убежище.

Но он не жалел об этом. Что сделано, то сделано. Жалко только, что теперь придется взять советский катер.

Но Есилькова сама предложила это. Вернее, даже потребовала. По сути дела, она бы с радостью украла Шеннона и удрала с ним без Йетса. Йетс бы так никогда не поступил.

Его карьера рухнула. Маклеод будет считать всех, кто воспользуется советским катером, предателями и русскими шпионами. И его, Сэмюэля Йетса, естественно, тоже. Вряд ли кто-нибудь из них останется в живых теперь. Риллианин позаботится об этом. А если не он, то ЦРУ или КГБ. Надо было бы оставить в кабинете Маклеода записку, как это делают самоубийцы.

В кармане брюк у него лежали два патрона. Один для себя, один – для Есильковой. Они не будут медленно умирать в руках ЦРУ, ООН, риллиан или КГБ.

Может, он, Сэм Йетс, становится старше и глупее, но он еще не забыл, что значит «умереть с честью». Похоже, эта поездка будет последней для них троих. Он посмотрел на Есилькову и Шеннона. Они молчали, словно воды в рот набрали.

Лифт остановился на ангарном этаже. Йетс сказал:

– Сюда, ребята. Берем столько баллонов, сколько сможем унести.

Ему временами хотелось, чтобы кто-нибудь остановил их. Но вокруг никого не было, ни рабочих, никого. При последнем нападении этот этаж не пострадал, только из-за недостатка энергии горела лишь половина ламп, да и то вполнакала.

Они шли по коридору, Есильковой приходилось почти бежать, чтобы угнаться за их с Шенноном длинными шагами. Йетсу иногда казалось, что он еще чувствует теплое тело Есильковой – тактильная память. Нет, никто из них не останется в живых, он был уверен в этом.

Хоть бы эти двое не молчали!

В коридоре гулко отдавались их шаги. Они вошли в шлюзовую. Там Йетс и Есилькова надели стандартные скафандры ООН и взяли каждый по запасному баллону с кислородом.

Йетс выбрал себе шлем и зажал его под мышкой, и тут Шеннон сказал:

– Наполнишь атмосферный баллон Шеннона?

– А как, по-твоему, он это сделает? – взорвалась Есилькова.

И тут же виновато замолчала: Шеннон просил об этом много раз еще раньше.

– Сейчас, Шеннон, надо только придумать, как совместить шланг и твой ниппель.

Ниппель по диаметру был меньше шланга, и Йетсу пришлось сделать уплотнитель, надев на ниппель кусок резиновой трубки. Герметичность была обеспечена, но Сэм весь взмок.

Он все время ждал, что кто-то подкрадется сзади и завопит:

«Руки вверх, к стене, предатели!»

Но никто не подкрался.

Когда Шеннон, посмотрев на что-то внутри своего шлема, сказал: «Заполнено», – у Йетса уже дрожали колени.

– Следующая остановка: поверхность Луны.

Есилькова первая вышла в коридор, держа руку на расстегнутой кобуре.

Шеннон и Йетс шли за ней. Дверь в шлюзовую захлопнулась за ними. Йетсу отчаянно хотелось иметь при себе тяжелое оружие, не потому, что он надеялся победить им риллианина, а потому, что без винтовки в руках он внезапно почувствовал себя голым.

Они вошли в ангар русских.

– Надень шлем, Шеннон, я надену свой. Проверь подачу кислорода и попытайся подстроиться под наши частоты. Я буду передавать настроенный сигнал А440...

Йетс нацепил на голову шлем, проверил крепления, свою собственную систему подачи воздуха и включил передатчик, а Есилькова показывала знаками Шеннону, как лучше настроиться на секретную частоту ООН.

Она так и не надела шлем, чтобы ее пропустила охрана.

Наконец Есилькова показала Йетсу большой палец, он выключил передатчик. Голос Шеннона ударил ему в уши, он говорил что-то на своем языке: алфавит или цифры – щелчки и взвизгивания, звуки, совершенно чуждые для человеческого уха.

– Эй, Шеннон! Я тебя слышу, но уменьши громкость, или я оглохну.

Есилькова повела их между рядами катеров, шепча что-то по-русски.

Наконец они нашли то, что искали. Йетс был рад, что позволил Соне позвонить Минскому из кабинета Маклеода: катер оказался большой, мощный, бронированный, с пушками под короткими крыльями.

– Поблаговари Минского от меня, – процедил он сквозь зубы в передатчик.

Есилькова набрала код на замке, с хлопком, который Йетс слышал через внешний микрофон, открылся герметичный люк, и сверху спустился небольшой трап.

– Спасибо милитаристам, нашим и вашим, – зазвучал металлический голос Есильковой в переговорной системе скафандра. – Шеннон, будь моим гостем. На трапе начинается советская территория. Надо показать тем, кто будет просматривать запись отлета, что ты добровольно взошел на борт, – и Есилькова шутовски поклонилась пришельцу в пояс.

Голос Шеннона прерывался посвистыванием: обратная связь, чересчур большая мощность передатчика:

– Спасибо, Есилькова, спасибо, Йетс. Идем, торопимся скоро.

Он быстро, рысцой, подбежал к трапу и влез внутрь, потом высунул голову в люк, наблюдая, как забираются в катер остальные. Рукой Шеннон держался за край люка, как любой землянин-пилот, беспокоящийся об опаздывающих пассажирах. Если не заметить шестипалой руки, можно было легко принять его за человека...

Охранники на входе и русский офицер, прошедший мимо них, притворились, что так и сделали.

Кровь стучала в висках Йетса, когда он поднимался по трапу. Люк за ним закрылся, загорелся индикатор герметического контроля. Они с Есильковой уселись в антиперегрузочные кресла пилотов. Началась предстартовая проверка систем, загорелась надпись по-русски: «Отключите жизнеобеспечение скафандров».

Йетс снял шлем и повесил его на специальный крючок возле пульта. Соня что-то тараторила по-русски в микрофон – говорила с диспетчером.

На мгновение время словно сжалось, и Йетс увидел все вместе: события прошедших дней, свою миссию, то, что последует за ней, – все.

А потом Шеннон высунулся из-за его плеча и сказал:

– Торопись. Йетс. Риллианин ждал слишком долго. Потом придет искать...

– Как ты можешь это знать, Шеннон? – спросил Йетс. Теперь их мог слышать только черный ящик, записывая разговор для маловероятного потомства. – Сядь в кресло и пристегнись, если не хочешь переломать кости... Ни я, ни Соня не особенные асы в управлении этой штукой.

– Риллианин достал Шеннона разумом. Ультранизкие частоты. Зовет Шеннона. Должен ответить, что приду. Но риллианин не слышит ответ. Шеннон пытается много раз.

– Хорошо, – заметила Есилькова, прикрывая микрофон скафандра ладонью. – Это как раз то, что нам надо, Шеннон – побольше нервозности. Почему ты не воспользуешься передатчиком – вот он у тебя под носом? Когда будешь говорить со своим дружкой-риллианином, не забудь сказать, что мы прибудем через пару часов. Кстати, неплохо было бы спросить его координаты. Луна большая...

– Шеннон говорит снова: не могу связаться через ультранизкую частоту. Через радио тоже. Риллианин в защитном куполе, ждет Шеннона. Координаты купола могу сообщить Есильковой.

– Так давай же! – сказала Есилькова, тряхнув головой. На губах у нее была мрачная улыбка. – История ждет.

В полутьме катер медленно двигался к шлюзовым воротам ангара.

44. РЕЗКИЙ ПОВОРОТ

Маклеод только-только избавился от Минского, когда увидел, что к нему идет Элла, лавируя между койками, на которых лежали жертвы первого контакта человечества с инопланетянами.

Маклеод посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Стюарта. Он собирался сидеть здесь до тех пор, пока Стюарт проснется и сможет выслушать те слова, которые заслужил.

Странно все-таки разворачиваются события. Минский выразил удивительную готовность сотрудничать и не потребовал от Маклеода А-оружия. Это было непонятно. Или он считал, что оружие не понадобится мертвецам?

Маклеод приказал приготовить катер марсианских наблюдателей, но не упомянул ни об оружии, ни о магнитах. Толку от них все равно бы не было. Снабжать магниты электроэнергией от солнечных батарей спутника невозможно, по крайней мере, невозможно тогда, когда вся колония задыхается от недостатка энергии.

Он махнул Элле, она махнула в ответ. Наверное, Йетс залез в катер, не нашел ни оружия, ни магнитов и прислал ее уладить дело. Это было хорошо, он не собирался отпускать Эллу с Йетсом и Шенноном. Ему пришлось в голову, что можно обменять ее на оружие.

Их отношения и так оставляли желать лучшего, еще одна ссора не намного ухудшит положение.

И если риллианину нужен Шеннон, ей ни в коем случае не стоит находиться поблизости от него. Она, конечно, придет в ярость, но это не важно. Быть может, оставшись в колонии, она отсрочит смерть всего лишь на несколько часов.

Если риллианину нужен не только один Шеннон, очень скоро все человечество будет мертво. Время было дорого. Он признался самому себе, что оставил магниты для себя. Ему так и виделось: он стоит на руинах миссии, прикрывая собой Эллу, чтобы лицом к лицу встретиться с очередным риллианином.

Инженеры лихорадочно работали, пытаясь наладить А-оружие. Им нужно было только немного времени: лет двадцать или около того...

– Привет, Элла, – он встал с постели Стюарта и сделал несколько шагов ей навстречу. Они обнялись.

Элла замерла в его руках. Маклеод несколько раз нежно поцеловал ее в щеку, потом – в губы, и она понемногу расслабилась.

Потом она прижалась к нему в ответ, Тейлор почувствовал, как бьется ее сердце – как пойманный зверек.

– Эй, – прошептал он, отводя голову назад, чтобы видеть ее лицо. – Все будет хорошо.

– Йетс сказал, ты хотел видеть меня...

– Не совсем, – честно ответил Маклеод. – Что-то тебе неправильно передали. Я хотел, чтобы ты знала, где я, но не...

Она отпрянула назад и ударилась ногой о кровать Стюарта.

– Нет, не неправильно передали, – отрезала она. – Сэм сказал, что тебе надо поговорить без Минского. Значит, ты ничего не передавал? – Ее глаза были прищурены. – Он хочет улизнуть без меня.

– Не волнуйся, катер еще не готов: там нет ни магнитов, ни оружия. – Если Йетс действительно додумался так сделать, то Маклеод почти готов был поблагодарить его.

Но он не должен показывать, что рад случившемуся.

– Пойдем сходим в ангар, посмотрим, как идут приготовления. – Хватит сидеть среди больных, от этого пользы ни им, ни ему все равно не будет.

Глядя на разъяренную Эллу, он понял, что надо спасаться.

– Тинг, если ты тоже замешан в этом...

– Элла, успокойся.

Она уже сделала несколько шагов к двери.

– Что?

– Вернись.

Она осталась на месте, и казалось, между ними пролегла ледяная пустыня.

Потом она медленно подошла к нему.

Маклеод сказал очень тихо:

– Я люблю тебя. Я бы не стал обманывать тебя.
– Я думала, что знаю тебя, – ее голос был холоден.
– Я не хотел, чтобы ты ехала, это правда, – он подошел к ней на шаг. – По крайней мере, не с Йетсом, он псих. Но я не стал бы так подло обманывать. Поверь мне.

– Я пытаюсь.
– Ты обвиняешь меня без доказательств. Ты даже не знаешь, где они – в моем кабинете или уже в катере.

– Тинг, я иду туда. Я полечу в этом катере, если он еще там. Ты прав: Йетс не сможет один помочь Шеннону. Там должен быть кто-нибудь со здравым смыслом, чтобы умирить его пыл...

– Элла, я обещаю тебе, если катер еще там, ты полетишь на нем, даже если мне придется лететь с тобой.

– Ты обещаешь? Тогда позвони в ангар и скажи, чтобы их не выпускали без меня.

– Постой здесь, я позвоню.

Маклеод воспользовался телефоном, предназначенным для медсестер, и убедился, что катер до сих пор стоит на месте.

Он вернулся к Элле и легонько тронул ее за локоть.

– А теперь, миледи, ваш экипаж ждет.

По настоянию Эллы он позвонил к себе в кабинет, но там никого не было.

– Должно быть, они уже вышли, – объявил Маклеод, вешая трубку.

Он видел только одно объяснение, почему Йетс решил не брать с собой Эллу. Поэтому он отдал приказ не препятствовать отлету Йетса, если он решит воспользоваться катером до их с Эллой прихода.

Они вошли в ангар и увидели, что катер марсианских наблюдателей по-прежнему стоит на своем месте. Пришлось притворяться, что он рад этому. Теперь никуда не деться от проблемы: он не может разрешить Элле лететь с Йетсом и Есильковой, есть там с ними Шеннон или нет. Не может – и все.

Катер марсианских наблюдателей можно было смело назвать лайнером – он был оборудован как настоящее пассажирское трансатмосферное судно: мягкие кресла, кухня с большим запасом провизии, шлюзовая для эвакуации, многофункциональный двигатель, который переключался с окисления атмосферным воздухом на чистый кислород без малейшего толчка – из полных стаканов пассажиров не проливалось ни капли кофе.

Маклеод смотрел на катер, и ему внезапно захотелось бежать на нем с Эллой, с друзьями, с ранеными, бежать на Землю, где смерть придет к людям еще только через несколько дней.

Это было бы несложно. Катер имел навигационную программу, даже если оба пилота внезапно оказались бы мертвы, судно могло автоматически войти в атмосферу и приземлиться при нулевой видимости на шестидесятифутовую площадку.

Если бы он решил сделать это, надо только отдать приказ, отобрать тех, кто полетит, и как можно скорее отправляться, до того, как в ангар ворвутся остающиеся, тоже желающие спастись.

Но приказ был отдан другой: никто не полетит на Землю, пока все не кончится, и Маклеод не собирался нарушать его.

Он стоял, прислонившись к стеклянной будке, где на ящиках с инструментами сидели техники, и наблюдал за Эллой. Она вертела головой по сторонам, высматривая, не идет ли Йетс.

Когда станет окончательно понятно, что Йетс не придет, можно будет подойти к ней, поговорить с ней, утешить ее. Но где-то в глубине мозга копошилась раздражающая мыслишка: а почему Минский был так покладист и даже, э-э... цивилизован? А если учесть отчаянную глупость Йетса, то...

У каждого разведчика должна быть развита интуиция, которая может связать внешне не связанные данные.

И он позвонил в кабинет Минскому, отключив видеоканал. Когда трубку подняли, он был уже абсолютно уверен, что догадался правильно. От выброса адреналина и норадреналина в кровь его руки дрожали.

– Привет, Олег, жалко, что не работает видеоканал.
– Здравствуйте, вице-секретарь, не иначе как что-то с электроникой в моем офисе.
– Не иначе. Я тут нахожусь в нашем ангаре, думал, что встречу здесь вас.
– Тейлор, я очень занят.
– Да, я начинаю это понимать. Йетса, Есильковой и Шеннона тут тоже нет.
– Неужто? Так, значит, электромагниты и оружие уже погружены на катер?
– Да, поэтому я волнуюсь, где ваша команда, ведь вы так беспокоились, хотели посмотреть оружие.

– Интересно, а мои люди доложили мне, что оружие все еще находится в одной из ваших секретных лабораторий. Видимо, они ошиблись.

– Видимо, да. Кстати, не можете подсказать, где Йетс, Есилькова и Шеннон? – Долгое молчание. Маклеод подумал, что его ждет, если Шеннон – лицо, находящееся под протекторатом США, – окажется завербованным СССР. – Минский? Вы все еще тут?

– А?.. Да. Я припоминаю, что Есилькова подала заявку на катер – срочную заявку, и мои подчиненные подписали ее. Я этого, разумеется, не знал, но дело в том, что еще раньше я авансом приказал оказывать ей содействие.

– Сукин сын. Что ты от этого получишь?.. – Глупый вопрос. – Ладно. Значит, не стоит искать Йетса и кирианина?

– Думаю, не стоит. Разумеется, у нас нет причин не дать вам координат судна Есильковой...

– Рад это слышать. Я перезвоню, Олег, и тогда вам лучше сообщить эти координаты... И еще одно, вы должны подтвердить или опровергнуть; это...

– Что?

– А то, что вы не взяли Шеннона силой, что корабль Есильковой не направляется к Земле, а летит в оговоренное на нашей встрече место.

– Да, именно так. Вице-секретарь Маклеод, мы понимаем друг друга.

Маклеод с силой бросил трубку и подошел к Элле. Она уже ждала его.

– Ты оказалась права, Элла. Они улетели без тебя – на советском катере.

– Без риллианского оружия? Без магнитов? Без... – ее голос прервался, она отвернулась и долго смотрела в сторону.

– Слушай, я отвезу тебя. Сделаем это для истории, для правительства, если все это еще будет, когда все закончится. И я не хочу доставить удовольствие Минскому, спрашивая, как прошла встреча.

Она повернулась к нему лицом, ее глаза сияли.

– Правда? Ты можешь это сделать?

– Да, мне только нужно узнать координаты катера Есильковой у Минского. И погрузить риллианское оружие, может, оно так или иначе окажется полезным. Это дело пары минут.

– Спасибо, Тинг, спасибо.

– Если останемся в живых после полета, тогда и благодари.

Он не думал о будущем и о том, что будет делать, когда увидит риллианина. Просто надо было лететь, и другого выхода не было.

Если верить Шеннону, где-то на поверхности Луны две инопланетные расы должны будут решить будущее человечества.

Он должен быть там, даже если придется довольствоваться ролью просто свидетеля. Нельзя позволить Советам или кому-нибудь вроде Йетса заграбастать все себе. И Элла тоже заслужила право быть там. Этого нельзя отрицать.

45. В КАТЕРЕ

Человеческий космический корабль приближался к месту встречи с риллианином, и Шеннон уже чувствовал волны его мозга.

Это было нелегко из-за волнения людей. От них, кроме того, сильно пахло, в замкнутом помещении это было трудно переносить. Запах хищников смешивался с запахом их сексуальных выделений, страха, пота.

Йетс сейчас мог говорить только о достоинствах корабля, который пилотировал: о его орудии, способности к вертикальной посадке, о бесплодности попыток его соотечественников догнать их.

– Я не знаю, что там думает Маклеод. Или Минский. Они думают, как бы нас арестовать и предать Суду. Вернее, не нас, а то, что от нас останется.

– Замолчи, Сэм, – подала голос Есилькова с соседнего кресла, тыкая пальцем в клавиши. – На тот случай, если от нас что-то останется, я как раз собираюсь передать им наши координаты, о которых они запрашивают, если Шеннон не возражает.

Женщина-воин была готова к битве так же, как и ее мужчина: процесс потоотделения у нее резко усилился, когда она повернулась к Шеннону и спросила:

– Что скажешь, Шеннон, передавать им данные? Они и так получают наши координаты рано или поздно. Мы не невидимки.

– Сделай это, хорошо, что надо делать – хорошо. Кроме убивать риллианина – это не хорошо, – Шеннон поскорее надел свой шлем, опасаясь гневного мозгового импульса от людей-воинов.

С помощью аппаратуры шлема он мог общаться с риллианином, используя всеобщие частоты, или настроиться на его коммуникационную частоту. Пока он настраивался, корабль пересек границу светлой и темной части Луны. Стало темно.

Через внешние аудиосенсоры он слышал слова Йетса:

– Шеннон, ты уверен насчет Маклеода и Бредли? Мы изменили курс, чтобы оторваться от них.

Он слышал свист, с которым воздух входил в их легкие, когда они ждали ответа, ему даже казалось, что он слышит, как бьются человеческие сердца. Их тела были так прекрасно подготовлены к полету и битве, что, если он не вмешается, они непременно нападут на врага и заставят его принять бой.

Он не мог снять свой шлем. Они даже не понимали, как тяжело ему было переносить их необузданные эмоции, которые они не могли контролировать. Волна сочувствия к этим диким существам внезапно захлестнула его, и Шеннон забыл, как говорить по-английски. Он сказал на языке кири:

– Будьте спокойны, дети. Будьте терпеливы. Храбрость победит зверя в нас всех. Победа в том, как понять, чтобы не стать врагами. Вселенной нужны перемены, а не разрушение.

Слова были бесполезны: литания кири, даже если бы он произнес ее по-английски, не дошла бы до душ этих созданий. Он нажал на кнопку своего переводчика и сказал через динамик скафандра:

– Скажите Маклеоду, пусть приходит, видит, будет свидетелем. Скажите Минскому: все в порядке. Скажите обоим, не прерывать путь Кири. Шеннон сделает это, риллианин сделает это. Люди получают жизнь, Шеннон пойдет своим путем. Люди попытаются идти человеческим путем – все погибнут.

– Не пытайся испугать нас, Шеннон, – слова Йетса было трудно разобрать, какое-то дикое рычание. – Мы притащили тебя сюда, мы за тебя отвечаем. Хоть в пушке и нет рениумовых снарядов, но это лучше, чем быть безоружным.

– Тише, Сэм, успокойся, – сказала Есилькова, не отрываясь от приборов. Она поправила микрофон, прикрепленный к наушникам, и заговорила в него.

Шеннон терпеливо ждал, пока она закончит. Теперь он понял, что не может рассчитывать на повиновение Йетса и Есильковой, даже если бы они пообещали его

слушаться. Опасность грозила им самим, а они были экспертами по выживанию. По их понятиям, для выживания и победы любые средства были хороши.

В этот момент он снова почувствовал мозг риллианина и нашел коммуникационную частоту риллиан. Теперь предстояло проверить все свои предположения и решить, что можно сказать испуганным хищникам, которые летели вместе с ним, чтобы встретиться с существом из их первобытных кошмаров. Шеннон давно понял, что он сам и риллиане представляли собой именно того неведомого врага, которого с незапамятных времен боялось человечество, едва осознав свою разумность: врага, более могущественного, жестокого и нетерпимого, чем даже сами люди.

Человечество выжило и добилось процветания, став самым умелым убийцей на Земле, стерев с лица планеты больше половины существовавших до его прихода видов. Люди не могли смотреть в звездное небо без того, чтобы не видеть там более могущественное отражение самих себя. Даже их боги, как он узнал из Уэбстера, были жестокими, мстительными и злобными.

Поэтому Шеннон представлял собой загадку для класса воинов, таких как Йетс и Есилькова. Оставалось только надеяться, что представители класса дипломатов, такие как Маклеод, понимали его лучше. Присутствие Йетса и Есильковой на встрече с риллианином было необходимо, потому что риллиане, будучи убийцами, считали свое поражение непременным условием для начала переговоров...

Провидение забросило его сюда, где обитал народ, без которого переговоры с риллианами были бы невозможны. Терри, чье присутствие он постоянно ощущал с тех пор, как человеческий корабль устремился навстречу риллианину, поняла бы иронию вечности.

Ему казалось, что она здесь, словно мир плоти и духов слился в его сознании. Когда он искал риллианина, он чувствовал, что она где-то рядом. Он почти мог видеть ее лицо, как будто она была совсем близко, как будто он мог выглянуть из окна и махнуть ей рукой, а она махнула бы в ответ.

Но в окне – иллюминаторе корабля – были только темнота и изрытая метеоритами поверхность спутника Земли.

Поведение риллианина он не мог понять: едва их разумы встретились, как тот блокировал свое сознание, требуя только личного контакта. Он хотел, чтобы Шеннон пришел к нему.

Потом внезапно перед его мысленным взором возник образ риллианина: он скалился, оттягивая черные губы, его язык свешивался между клыков. И в динамике шлема раздались слова: «Иди сюда, кирианин, недоносок. Покажи мне, как ты смог победить моих братьев. Докажи мне, что ты достоин, чтобы с тобой беседовали. И знай: один неосторожный шаг, попытка предательства, проявление трусости – и этот спутник, планета, вокруг которой он вращается, даже гравитационные колодцы перестанут существовать. Будет буря разрушения, а потом останутся только выжженные планеты, и мир, который вы, кириане, так любите, воцарится здесь. Вот мои условия. Объясни, почему мы должны говорить с вами, приведи и покажи достойных союзников или умри, как элевенеры обычно делают, визжа, зовя милосердную смерть».

После этого риллианин послал еще одно изображение самого себя: уши выставлены вперед, глаза сверкают. Он ждал ответа.

Шеннон искоса посмотрел на людей, потом закрыл глаза, чтобы сконцентрироваться. Он забыл, что люди глухи ко всему, кроме звуковых волн. То, что он видел и слышал, осталось неведомым для них.

Придется прятать их от риллианина на первых порах. Тот не должен почуять их – пока.

Шеннон послал риллианину свой образ, постаравшись сделать его как можно более правдивым, избавленным от бессознательного приукрашивания. Сконцентрировавшись на этой задаче, он не мог случайно выдать риллианину то, чего тот не должен был знать.

И он сказал: «Командир риллиан, ты пришел сюда для переговоров не потому, что хотел этого, а потому, что был вынужден. Кири и его союзники послали меня, Шеннона, и

воинов с соболезнованиями. Но не забывай очевидного: две попытки уничтожить меня не удались, ваши усилия ни к чему не привели. Если бы мы знали, что вы садитесь за стол переговоров, только потеряв в бою воинов, мы бы заставили вас говорить с нами раньше. Теперь готовься встретить нас честно – твоя или моя гибель не принесет пользы. Ни мое, ни твое правительство не послали бы нас на смерть. Мы должны говорить и принимать решения».

Шеннон прервал контакт, несмотря на то что ему отчаянно хотелось посмотреть, какой эффект оказали его слова, но он боялся проговориться о чем-нибудь важном.

Шеннон снял шлем. Он удостоверился в том, что давно подозревал: по происхождению и положению риллианин имел право вести переговоры. Начало настоящего диалога было обеспечено. И неудача будет катастрофой не только для него, Шеннона, но и для риллианина и для цивилизации, которая называет себя человечество.

Шеннон заговорил снова с источающими неприятные запахи людьми:

– Риллианин принес «убийцу планет». Нужен успех, или все погибнем в этот день: Луна, Земля, человечество... Йетс, Есилькова, риллианин, Шеннон... все умрем. Переговоры успешны, только если помощь Йетс, Есилькова. Верите Шеннону?

– Ты еще спрашиваешь! Что нам делать, Шеннон? – сказала Есилькова, прежде чем Йетс успел открыть рот.

– Зачем ты нам это говоришь? – глаза Йетса превратились в щели, которые обожгли Шеннона на мгновение, прежде чем тот снова повернулся к приборам.

– Нужно вранье. Согласны, Йетс, Есилькова?

– Вранье? – захохотала Есилькова так, что Шеннон невольно отпрянул, вжавшись в сиденье.

– Ну что ты скажешь! Кириане врут, как и все остальные! Конечно, мы сойдем, но что надо говорить? И кому? Мы встретимся с риллианином? – поинтересовался Йетс. Его рука непроизвольно коснулась бедра, где в специальном чехле у него висело оружие.

– Шеннон сказал: человечество – новые союзники кириан, не ложь, маленькое вранье. Но будет правдой, если Йетс, Есилькова согласятся.

– Господи, ясное дело, согласимся, – проворчал Йетс. – Ты как, Соня?

– Если это нужно. Шеннон, мы пойдем с тобой?

– Риллианин хочет видеть воинов Шеннона. Скажу, убили риллиан, гордо, если спросит. Скажу – союзники Кири, если спросит. Скажу – лучшие друзья Шеннона во вселенной, если спросит.

Соня Есилькова стянула с головы наушники и уставилась на него.

– Шеннон, ты серьезно? А ведь это так, правда?

– Верно, – поддержал Йетс, внезапно осипнув. – Так в чем же дело?

– Риллианину нужно доказательство. Риллианское оружие... его нет. Но должны доказать, что убили других риллиан. У риллиан обычай: убийство... вызывает... уважение, необходимое условие для начала переговоров. Кириане не знали этого раньше. Плохо – нет оружия. Думаю, как...

– Достанем, – оскалился Йетс, скрипнув зубами. Так он еще больше походил на хищника. – Соня, звякни Маклеоду.

– Ты хочешь...

– Да.

Шеннон смотрел на них, волнуясь, поняли ли его правильно. Есилькова заговорила что-то в свой микрофон.

Пока она говорила, Йетс откинулся на своем сиденье к Шеннону и сказал:

– Дружище, если что-то надо сделать, мы сделаем. Что бы это ни было. Даже если погибнем. Понял? Сначала работа, потом – личная безопасность, потом – напишем мемуары, прославим свои имена...

– Шеннон прославит ваши имена, если останется жив. Герои Кири вы оба. Слава вам на много световых лет от звезды к звезде. Будьте храбры, следуйте за Шенноном без страха.

Хорошо, Йетс?

– Хорошо, Шеннон.

Йетс протянул свою уродливую бледную руку, Шеннон, который стал экспертом по невербальным проявлениям чувств людей, пожал ее своей рукой – шестипалой.

Потом Есилькова сказала с таким выражением лица, словно съела что-то очень неприятное:

– Я на связи с Маклеодом, и он нами, видите ли, недоволен. Говорит, чтобы мы больше так не делали. Он даст Шеннону оружие, найдет нас, когда мы сядем. Хочешь, чтобы «проклятая коммуняка» передала тебе трубку?

– Нет, спасибо, Соня. Скажи ему, увидимся с ним позже, – ответил Йетс и подмигнул Шеннону. Его кресло снова заняло вертикальное положение. Так ему было удобнее положить руку на колено Есильковой – тактильная поддержка.

Шеннон был один среди своих диких друзей, а скоро ему предстояло встретиться с ужасным врагом. Ему отчаянно хотелось, чтобы Терри была с ним рядом и говорила бы с ним. В это мгновение он снова почувствовал ее присутствие.

Он видел ее, она улыбалась, открывая свои прекрасные зубы, он слышал ее слова: «Я здесь, о мой возлюбленный. Скоро мы будем вместе. Провидение будет хранить тебя».

Он сидел, потрясенный реальностью ее образа. Скорбящий разум может делать удивительные вещи, особенно на пороге смерти.

Люди и риллианин исчезли для него на какое-то время. Его сердце было полно Терри, там было когда-то место для любви...

...и любовь будет там снова, когда он сбросит свое тело – ненужную оболочку. Но до этого надо выполнить свой долг перед живыми и вечностью.

46. ОДИН И ОДИН И ПЛЮС ДВОЕ

Недоносок из Кири прилетел на примитивном корабле, который в языках пламени опустился на поверхность, причем острый нос корабля и его оружие было направлено на него, Комида.

Демонстрация силы? Комида сначала удивился, а потом гнев овладел им. Собранная им информация оказалась неверной. Надо было взять с собой оружие.

Но он не взял его. Комида встал, изогнул спину, надел шлем и вышел из купола. Четыре шага назад, и он снова в куполе, в родном пространстве-времени. Теперь надо ждать прихода кирианина.

Он знал о втором корабле, выйдя из купола до того, как тот приземлился, – это тоже демонстрация мужества (в полете корабль был более опасен).

Кириане не могли бы поступать так. Они трусливы, они молят о пощаде, сдаются в плен, они глупы и неопасны.

Вернее, так о них говорили.

Риллианин отошел на несколько шагов в сторону, так, чтобы видеть одновременно и свой купол, и выход кирианина из корабля.

Открылся люк, появился трап. Кирианин вышел первым. Комида издал злобный вой. Потом он взял себя в руки и громко произнес для записи время и свои координаты. Записывающее устройство находилось в куполе, в риллианском пространстве-времени. Оно не будет разрушено, что бы ни случилось с поверхностью этого бесплодного спутника.

Еще он сказал:

– Кирианин выходит из корабля. Двое похожих на него туземцев следуют за ним на почтительном расстоянии. Сейчас виден второй корабль туземцев, он заходит на посадку. Первый корабль вооружен, несомненно, оружие обладает способностью поражать риллиан. Комида идет навстречу кирианину. Желаю всего хорошего моему гнезду. Если я не вернусь, долг мести лежит на вас.

Закончив фразу, он включил автоматическую запись и пошел вперед.

Кирианин был высок, и Комида захотелось встать на задние ноги, чтобы сравняться с ним. Он подавил это желание: нельзя показывать живот.

На половине расстояния он уселся на камень, упираясь четырьмя ногами в грунт, положив правую руку на «разрушитель планет», прикрепленный к поясу. Какая бы смерть ни ждала его, он успеет его активировать, а если нет – когда остановится его сердце, разрушитель сработает сам.

Они должны найти общий язык, или это медленное, искаженное измерение уже никогда не потревожит риллиан.

Первыми словами кирианина были:

– Приветствую тебя, о уважаемый Комида Отважный, командир риллиан. Я Шеннон, кирианин, специалист по конфликтам. Я пришел сюда создать основу для взаимопонимания между могучим Риллианским Союзом и Сообществом Кири.

– Тогда зачем, – Комида почти лаял, – зачем все это оружие, этот второй снижающийся корабль и эти, кто за тобой? Риллианин пришел один.

– Кирианин пришел с доказательствами, как просил риллианин.

– Я не вижу доказательств, только угрозу.

– Те, кто пришел со мной, подойдут ко второму кораблю и принесут оружие убитого риллианина, – оружие, которое они захватили в битве. Мы вернем его тебе как доказательство наших добрых намерений.

– *Наших* ? Кто это «мы»? С кем я имею дело?

– С Сообществом Кири.

– Эти воины входят в Сообщество?

– Они совсем недавно стали нашими союзниками. Они защитили Шеннона дорогой ценой. Мы знаем эту цену. Вы послали две боевые единицы, и было много жертв. Возмещение ущерба послужит жестом доброй воли.

– Были убиты двое риллиан. Это вы должны возместить нам ущерб, – недобро сказал Комида. Кирианин подошел так близко, что сделай он еще шаг, Комиде пришлось бы встать. Двое его союзников повернули назад, к первому кораблю. Второй уже почти сел.

Это было несправедливо. Соотношение должно быть один к одному, а не один против одного, еще одного и еще двух.

Зарывав и тряхнув головой, Комида подавил в себе гнев. Он пришел сюда потому, что сила была здесь бесполезна. Риллианские солдаты и контролеры не должны посылаться в схватки, которые они не могут выиграть. Диспетчеры сделали ошибку. Вся эта Солнечная система могла бы остаться закрытой, если бы кирианин не оказался так ловок.

Самую серьезную ошибку совершили те, кто дал кирианину уйти. Если Комида останется жив, он найдет виновного, и его гнездо разрушит гнездо, породившее дурака. Но сейчас нужно договориться.

Нельзя забывать о риллианском пути: договариваться с теми, кого невозможно уничтожить. Так поступают все могучие цивилизации. Без ограничений, законов и договоров риллиане никогда не стали бы хозяевами и властелинами над столькими мирами, которым они сообразовали сохранить жизнь.

Но о Сообществе Кири всегда думали как о жертве, предназначенной для растерзания. Их хотели уничтожить без жалости, как вредителей.

Многие годы он презирал и ненавидел Кири. Но теперь об этом надо забыть и сделать то, что может только самый высокопоставленный риллианин: создать договор, который спас бы от взаимного уничтожения обе цивилизации.

Путь риллиан – путь выживания.

Но как хотелось Комиде ощутить вкус крови во рту! Он почти чувствовал его – генетическая память. Мышцы спины напряглись, раздувая скафандр, – атавизм, оставшийся с тех времен, когда его предки были больше, имели чешую и не могли вести переговоры. Теперь переговоры жизненно необходимы. Везде во вселенной пролегают границы, и его задача – установить новые.

Никто раньше не понимал, как хитры кириане... Нельзя смотреть только на второй корабль, за первым тоже нужно следить, следить за кирианином, который подошел и был теперь угрожающе близко.

– Сядь, кирианин Шеннон. Сядь на корточки и говори с командиром риллиан. Или я сочту твои действия нападением.

– Я сел, – сказал кирианин по имени Шеннон.

– Как были убиты мои братья?

– Они напали.

Далеко за спиной кирианина Комида видел, как возвращаются двое двуногих с риллианским оружием в руках.

Доказательство было налицо, и снова Комиде захотелось выть от злобы. Он опять схватился за разрушитель. Так просто активировать его, и все будет кончено.

Но тогда позор ляжет на его гнездо, а убийство этих воинов не убьет все Сообщество. Должно быть другое решение. Оно где-то рядом. Он почти ощущал его вкус.

– Кем они были убиты? Где воины? – резко спросил он кирианина. – Я должен знать правду.

– Вот они, идут со своим трофеем, – ответил уродливый элевенер. – Они живут в той же части вселенной, что и кириане, их жизненные ритмы сходны с нашими. Они нашей породы, они – наши дети. Мы с тобой установим границу, которую все будут уважать, границу, основанную на разнице в скорости света. В этом нет ничего постыдного. А потом будет конгресс, и просвещение, и мир. Или мы просто будем избегать друг друга.

– Как мы можем избегать? Существуете вы, существуем мы, никто не может притвориться, что другого нет.

– Значит, ты хочешь сказать, что можно начать переговоры на таких условиях? – поинтересовался кирианин.

– Я хочу сказать, что ты привел на переговоры воинов. Я не привел воинов.

– Ты послал их вперед себя, и они умерли. Ты хотел видеть победителей. Я показываю тебе победителей. Мы возвращаем захваченное оружие – мы доверяем тебе.

Еще двое двуногих вышли из дальнего корабля и пошли к ним – очень медленно, по следам первой пары.

– Тогда пусть воины приблизятся, – потребовал Комида.

Они приближались – один с риллианским оружием в руках. Комида не был уверен, что их скафандры обладали достаточной энергией, чтобы оружие выстрелило, но ему не хотелось выяснять.

– Они идут.

Раздался щелчок, и Комида услышал, как кирианин говорит со своими солдатами, которые отвечали нечленораздельно, в высокочастотном диапазоне.

– Только двое, – предупредил Комида. – Я говорил, что будет, если я замечу предательство, – я держу свой окончательный выбор в руке.

– Хорошо, только двое. Остальные останутся около корабля.

И кирианин по имени Шеннон снова сказал что-то по открытому каналу связи своим солдатам.

Первые двое ускорили шаг. Вторая пара махнула верхними конечностями, чтобы показать, что они поняли и останутся на месте.

Эти солдаты были умны и хорошо вымуштрованы, несмотря на то что по риллианским стандартам слишком малы. Комида чувствовал себя немного спокойнее от того, что они невелики и не защищены броней, хватит и того, что его превосходят в численности.

Как могли так ошибиться разведчики? Видимо, дело тут в физических различиях между измерениями. Значит, кирианин прав. Риллиане были хозяевами в своей части вселенной и не могли адаптироваться к асимптотическим измерениям. Получается, что на своей части вселенной местные воины имеют преимущество в бою.

Когда двуногие подошли к Шеннону, они вручили ему оружие и отступили. Если бы у

них не было шлемов, Комида мог бы взглянуть им в глаза. Глаза воинов отражают то, что чувствуют их души.

Двое других воинов остановились у ближнего корабля. Комида снова услышал неразборчивый шум, и снова Шеннон заговорил с ним:

– Мы отдаем тебе наш трофей, оружие погибших отважных воинов. Наши воины не говорят на твоём языке, мы не взяли с собой переводчиков. Они выражают свое уважение и восхищение, надежду на мир без бессмысленного уничтожения.

– Это хорошее начало, – коротко сказал Комида. – Я заберу оружие.

И когда он поднялся на все четыре ноги и потянулся за оружием, на небе что-то мелькнуло.

– Предатель! – зарычал риллианин и вскинул оружие к плечу. Оно мгновенно подключилось к скафандру, и он выстрелил в корабль кириан, который внезапно возник в пространстве над кораблем туземцев.

Выстрела не было.

Оружие было повреждено, сломано. Во время боя оно подверглось слишком сильному воздействию разрушительных сил. Горло Комида сжалось.

– Предатель кирианин! – Комида отступил на шаг, положив руку на разрушитель. – Зачем ты сделал это? Как ты мог нарушить святую твердость слова и привести своих...

Кирианин положил руки на плечи обоим воинам. Его голос прозвучал так громко, что уши риллианина невольно сомкнулись.

– Я говорю тебе, я не знал, что корабль не погиб! Я не знал... что она жива! Я не знал... На борту нет оружия. Сядь, Комида, прошу тебя, ты увидишь, что я говорю правду. Выбор остается за тобой.

Ничего другого делать не оставалось. Было ясно, что воины кирианина сами не ожидали появления корабля. Все четверо смотрели вверх, задрав головы.

По открытому каналу Комида снова услышал бормотание. И он сказал:

– Кирианин по имени Шеннон. Я принимаю этот знак доброй воли. Я предлагаю закончить нашу встречу, потому что здесь появилось слишком много ваших, и назначить место и время, где мы встретимся снова.

– Да. Хорошая мысль. Блестящая мысль, – Шеннон назвал время и нейтральную станцию в Провале. – Прощай, Комида. У тебя есть оружие. Ты видел наших воинов. Пусть больше не скрестятся наши мечи.

Комида уходил, пятясь задом, к куполу.

– Когда мы встретимся снова, я хочу, чтобы у вас была программа-переводчик, чтобы ваши воины могли лично выразить мне соболезнования. Тогда мы обговорим, как возместить ущерб каждой стороне.

Он не хотел больше видеть двуногих, но не мог этого показать, и без того его поспешное отступление больше походило на бегство.

Оказавшись внутри купола, он немедленно активировал перенос, не замешкавшись ни на секунду, даже не выпустив из рук оружия. Если бы его не было, несмотря на запись, некоторые могли бы не поверить его рассказу. Теперь больше всего ему хотелось выпить с приятелями, получить от них поздравления и бесплатную выпивку.

Ведь он, Комида, сын Комида, только что изменил ход истории.

47. ТЕРРИ

– В чем дело, Шеннон? – Йетс смотрел вверх на огромный корабль, спускающийся без видимой работы каких-либо двигателей.

Есилькова спросила одновременно с ним:

– Куда делся риллианин?

– Риллианин вернулся в свою вселенную. Новая встреча с ним оговорена, – объяснил Шеннон. – Йетс, Есилькова, видите корабль кириан. Жена Шеннона там. Возьмет Йетс,

Есилькова для переговоров, скоро вернутся, хорошо? – Люди лучше соглашались, если сразу поставить их перед фактом.

Маклеод и Бредли торопились им навстречу. Раздался голос Маклеода в шлеме Шеннона:

– Шеннон, что ты там несешь? Йетс и Есилькова, вы никуда не едете.

И Бредли сказала:

– Шеннон, ты отдал оружие риллианину, а теперь этот корабль – я не знаю, что и думать.

– Думать? – Корабль Терри сидел совсем рядом. – Думай, что спасена, Бредли. Шеннон обещал, Шеннон сделал: Земля, Луна, Бредли, Маклеод, ребенок – все спасены. Шеннону нужны Йетс и Есилькова для закрепления мира здесь, в этом месте. Во всех местах тоже. Маклеод, Бредли, не останавливайте. Пожалуйста.

– Проклятье, – голос Йетса, и Шеннон отвернулся от Маклеода и Бредли, которые больше не бежали, а стояли обнявшись, сдвинув шлемы.

Йетс обнял Есилькову за плечи и сказал:

– Ну что ты думаешь, Соня? Лучше лететь, а то что может ждать нас дома!

Есилькова повернулась к Шеннону:

– Мы тебе действительно нужны, Шеннон?

– Нужны Йетс и Есилькова, – ответил Шеннон и протянул им обе руки.

За его спиной Маклеод и Бредли закончили совещание. Они медленно подходили к ним. Голос Маклеода сказал:

– Шеннон, если я отпущу этих двоих, как я объясню это начальству? Ты будешь мне должен услугу.

– Хорошо, Маклеод, – согласился Шеннон. – В любое время. Скажи: Шеннону понадобились Йетс и Есилькова для охраны на родине – это поймут все люди.

– Надолго? – спросила Бредли грустно. Шеннон был уверен, что из ее глаз течет жидкость.

– Бредли, друзья вернутся. Шеннон вернет скоро. Увидит ребенка Бредли и Маклеода. Не грусти, Бредли. Хороший рассказ: люди победили, кириане победили. Бредли сделала человечество – часть Сообщества Кири. Сейчас забираю Йетс, Есилькова.

– Идет. Сделка, Шеннон, по рукам. Бери их, – сказал Маклеод, подошел к нему и протянул руку.

Шеннон чуть не забыл пожать ее.

Терри стояла в открытом люке, чтобы забрать его домой. Ее счастье излучалось с такой силой, что даже скафандр не мог оградить от него.